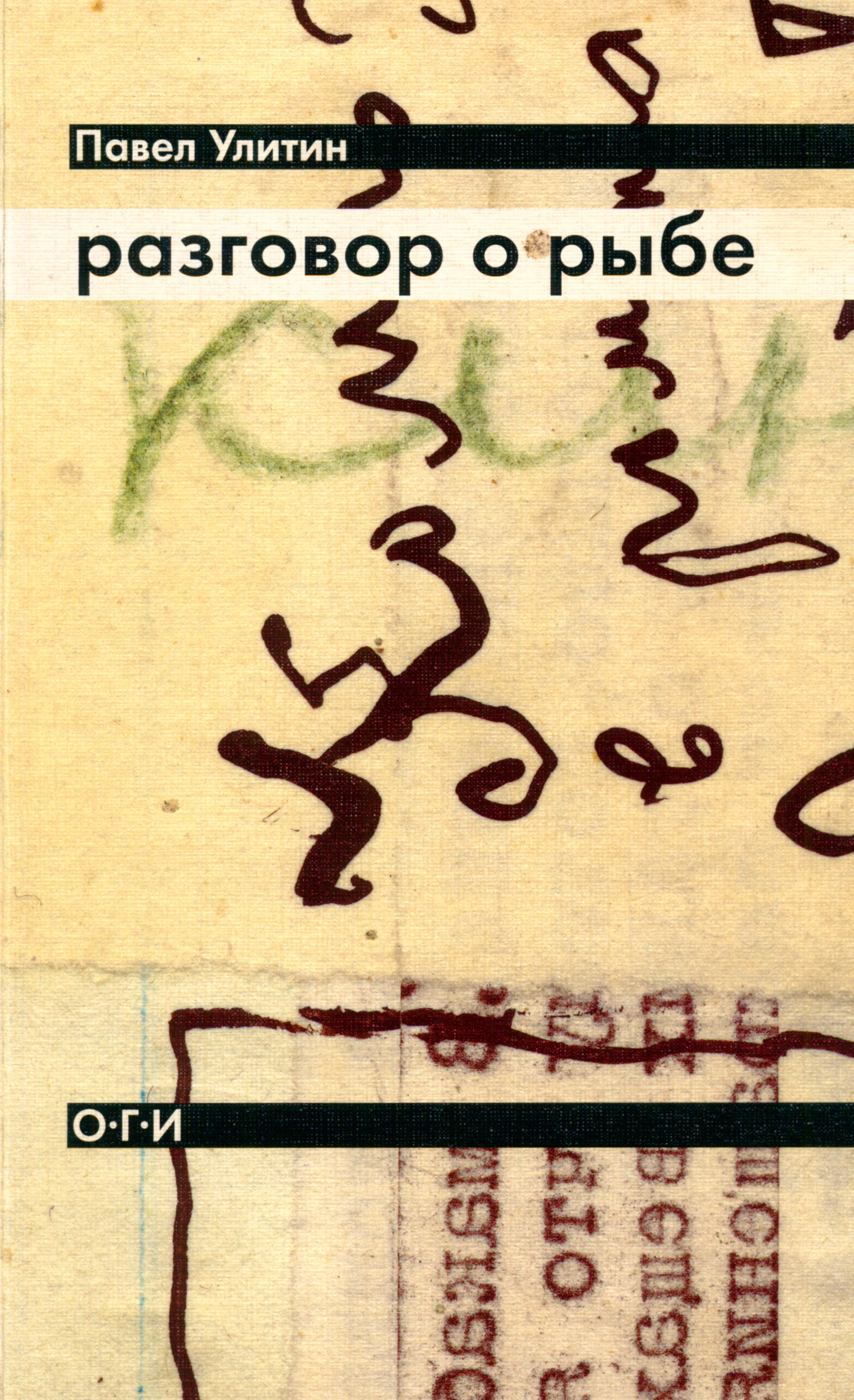
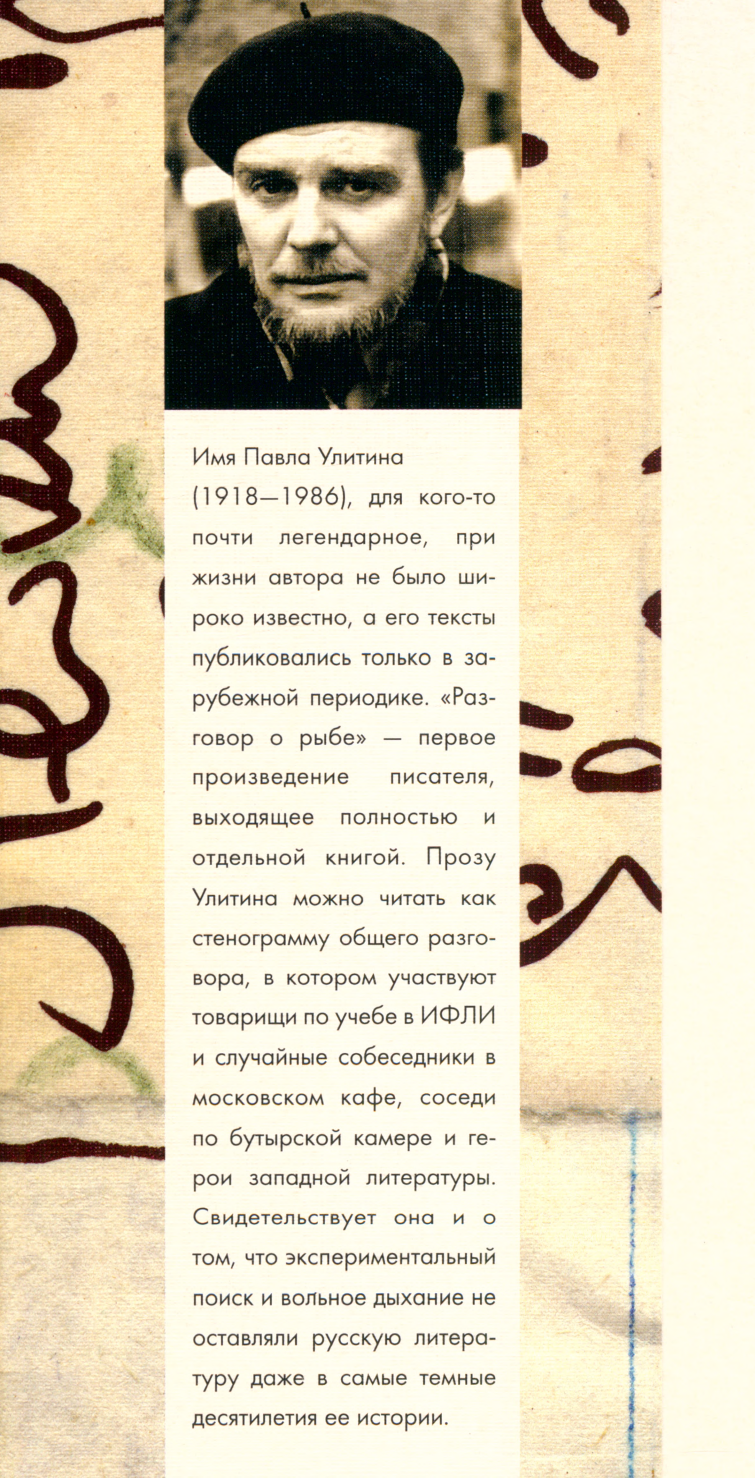

Павел Улитин
разговор о рыбе
О·Г·И

Имя Павла Улитина (1918—1986), для кого-то почти легендарное, при жизни автора не было широко известно, а его тексты публиковались только в зарубежной периодике. «Разговор о рыбе» — первое произведение писателя, выходящее полностью и отдельной книгой. Прозу Улитина можно читать как стенограмму общего разговора, в котором участвуют товарищи по учебе в ИФЛИ и случайные собеседники в московском кафе, соседи по бутырской камере и герои западной литературы. Свидетельствует она и о том, что экспериментальный поиск и вольное дыхание не оставляли русскую литературу даже в самые темные десятилетия ее истории.

Павел Улитин

Павел Улитин

разговор о рыбе

Москва О·Г·И
2002

ББК 84(2Рос=Рус)6
У 48

Предисловие З. Зиника
Подготовка текста И. Ахметьева
Комментарии М. Айзенберга, И. Ахметьева,
Л. Улитиной при участии А. Ожиганова

В оформлении обложки использованы фрагменты
рукописной книги П.П. Улитина «Два ерика»

Улитин П.
У 48 Разговор о рыбе. — М.: ОГИ, 2002. — 208 с.

ISBN 5-94282-063-5

Произведения Павла Улитина (1918—1986) с трудом поддаются жанровому определению. Начиная с сороковых годов, он последовательно выстраивал собственную, не имеющую различимых аналогов, форму прозаического высказывания. «Я хочу найти слова, которые не имеют прибавочной стоимости», — писал Улитин, а свою писательскую технику называл «стилистика скрытого сюжета». Движение этого сюжета и определяет смену картин и цитат, перекрестный гул звучащих в памяти голосов или иронический авторский комментарий.

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 5-94282-063-5

Содержание

предисловие:
Зиновий Зиник. Приветствую ваш неуспех 7

черновик 23

считанные дни 53

подтекст 75

собака трижды героя 103

надувная лодка 113

каприз 129

критерий 139

комментарии 189

Предисловие

ПРИВЕТСТВУЮ ВАШ НЕУСПЕХ

Тюрьма, сума и сумасшествие — самые запетые мотивы русской литературы, и главный вопрос в том, как от них отвязаться, если забыть их окончательно невозможно. Павел Улитин сумел уйти от тюрьмы имитируя невменяемость, изъясняясь со следователем цитатами из английской поэзии и переняв стиль тюремных допросов как авангардную литературную манеру. Он не превратил тюремные кошмары своего прошлого в превратные картины будущего в назидание тем, кто на обломках самовластья забудет наши имена. Признанный невменяемым, он спасся от лагерей, но не от инсулина за тюремной решеткой. Но он не стал называть свою болезнь души — свою отчужденность и неприспособленность к жизни, свое нежелание присоединиться к коллективу и к литературному застолью — инакомыслием духа и не рассуждал о безумии как официальной печати, заверяющей гениальность. И о тюрьме, и о сумасшедшем доме он говорил с высокой иронией человека, сознающего, что тюремная стена и тюрьма сознания протягиваются не только через все страны, но и через все столетия, и в каждом из них можно найти собеседника. Но самое главное: он выпутался из самого страшного биографического клише, уготованного ему историей, — судьбы хрестоматийного героя советской литературы.

Он родился на Дону через год после Октябрьской революции, в станице Мигулинской, в семье землемера. Отца своего, Павла Филипповича, он почти не помнил. Тот погиб, когда ему было три года. Его зарубила белая банда, и матери, Ульяне Ивановне, единственному врачу в станице, пришлось самой пришивать голову мужа к туловищу, чтобы похоронить. Павел Павлович рассказывал, что первое его детское впечатление было: он проснулся среди ночи и увидел плачущую мать с головой отца в руках и горшок, полный крови. (Я вспомнил об этом,

когда узнал, что во время похорон, по словам его друга, поэта Юрия Айхенвальда, «голова Павла как-то сбилась на сторону, я пытался ее поправить, но тело оказалось другим, не поддавалось. У меня так и осталось в мышцах рук ощущение этой бесповоротной неподатливости».) Казалось, молодой герой «Тихого Дона», переехав в Москву как студент ИФЛИ, вот-вот станет героем романа «Русский лес», если бы он, в ту эпоху «истинный ленинец», не послал анонимной записки лектору по общественным наукам о противоречиях между словом и делом в лозунгах сталинизма. И не угодил бы за это в тюрьму. Но даже в этом шаге все еще жила литературная выправка его тезки по роману о том, как закалялась сталь. Этой стальной выправки не сломила бы и тюрьма — сколько героев его поколения, при всей своей страдальческой судьбе, с готовностью переняли язык сталинской эпохи с его пафосом и морализаторством? (Ему не удалось избежать лишь последствий своего крещения в детстве: его, далекого от какой-либо церковности, хоронили по православному обряду, и на лоб положили полоску бумаги с молитвой — не им написанной.) Далеко не божественная, скорее жуткая в своей бестолковости борьба за выживание оставила свои библейские следы и на его внешности: например, в виде хромоты. Но даже инвалидная палочка хромающего после тюрьмы человека обретала, вместе с беретом, некую театральную бутафорскую веселость: это был берет завсегдатая парижского кафе, это была палочка лондонского денди. Он всегда гляделся отчасти как пришелец.

Он, собственно, и был везде пришельцем. Даже родители его в казацкой станице были не из местных, а приезжие русские. В Москве он тоже был «приезжим». Его мытарства по общежитиям в годы студенчества и по чужим квартирам, переезды — с ощущением: навсегда! — в Москву и обратно, в донскую станицу, не превратили, однако, географию разлук в единственное движение души. Ему вообще чуждо было линейное, вроде железнодорожного расписания, мышление: разная география, как и разные эпохи, соседствовали у него, особенно в поздний период, в одной фразе, на одной странице. Он как будто боялся застрять на месте, оказаться прикованным к одной тюремной стене, к од-

ной эпохе, к одному продавленному дивану. События разных лет, соединяющиеся словесно в его пересказе в одну смысловую линию, происходили как бы одновременно. А если учесть, что он помнил конец прошлого разговора многие годы спустя, времени для него тоже не существовало. В той же степени чуждался он и линейного сюжета: сюжет подразумевал одну ведущую идею, цельную идеологию (хотя бы на время романа), а всякая внешняя идеологическая окончательность ему претила. Или же он был просто-напросто неспособен на подобную цельность?

Что же, когда и как сбило его с толку, с хорошо протоптанной стези советского героя? Что заставило его отказаться от ходов советской речи и в конечном счете от литературы в общепонятном, общепринятом смысле? «Как верно здравый смысл народа значенье слов определил: недаром, видно, от „ухода“ он вывел слово „уходил“», — любил он цитировать тютчевскую эпиграмму. «Мне пора уходить», — говорил он перед уходом. Разговорное клише превращалось в экзистенциальный каламбур. Перед своим окончательным уходом он дописывал письмо матери — туда, откуда не возвращаются. Когда и как случился перескок в «невменяемость», в заумь, в другой язык? Был ли это перескок или постепенный уход, тем более сознательный, что даже в 70-е годы документы самиздата вызывали у него грустную усмешку именно потому, что были написаны «о том же и тем же языком» — языком противника.

В его уходе в другой язык (в буквальном смысле тоже: он исписывал страницы иностранными цитатами), как и во всей его литературной деятельности, есть чисто биографические причины — вне зависимости от идеологических резонов. Это не значит, что он, в духе русских символистов или Оскара Уайльда, путал жизнь и литературу — в конечном счете его ежедневная жизнь была рутинной, скромной, вполне упорядоченной жизнью частного преподавателя иностранных языков на дому. Однако эта литературность его биографии и биографичность его литературы — скорее от постоянной, почти физиологической потребности просветлять каждый свой шаг, свой поступок словом. Нас пытаются запугать анонимной беспросветностью этого мира. Поразительное уме-

ние найти точное слово, фразу, цитату для самых подавляющих депрессивных поворотов своей судьбы создавало удивительное ощущение просветленности всего его облика. Он пытался отыскать названия анонимным пугающим нас вещам, пытался в мировой литературе проследить цитаты чужого опыта, чтобы не сойти с ума от ощущения уникальности собственного страдания, избавиться от ощущения одиночества и якобы неповторимости советского убожества. «Давайте встретимся», — говорил он в телефонную трубку. — «Я пойду вам *навстречу*. Слышите?» Он шел на встречу. Он хотел увидеть себя в других и других в себе. «Самого себя» он не искал: он им был.

Он носил в себе другой, иностранный язык с детских лет. Его мать, образованнейшая по тем временам женщина (выпускница Высших женских курсов в Петербурге), обучала его немецкому. Хотя «Фауст» в оригинале был его настольной книгой, немецкий, как это часто бывает с языком школьной поры, оказался именно тем языком, который он знал хуже всего: в отличие от французского, на котором он свободно изъяснялся, и английского, который стал его вторым родным; в смысле владения английским он был практически двуязычен. Тем не менее немецкого оказалось достаточно, чтобы именно цитатой из «Фауста» отбрить солдата вермахта, когда во время оккупации станицы Мигулинской тот стал подозревать в Улитине советского военнослужащего, демобилизованного в связи с ранением. Ранение (хромота) было результатом увечья во время допросов и отсидки в карцере Бутырской тюрьмы перед войной, но, видимо, с точки зрения немецкого солдата знание языка «Фауста» само по себе реабилитировало Улитина, ограждая его от каких-либо подозрений в связях с советской властью. Как достаточно оказалось десятилетие спустя нескольких английских фраз, чтобы изобразить из себя иностранца перед милиционером у проходной в Американское посольство в Москве, куда Улитин попытался прорваться (в жуткую эпоху — за три года до смерти Сталина), с анекдотической авоськой в руках, набитой собственными рукописями. Этот шаг был, как сказал бы Виктор Шкловский, материализацией метафоры: это была попытка прорыва в другой — антисовет-

ский — язык, в буквальном смысле — через границу. Вместо этого он угодил в еще одну метафору — за границу иного рода — за рубеж нормальности советского бытия: он был помещен в Ленинградскую тюремную психбольницу. Но и там он сумел переплести жизнь и литературу — в буквальном смысле: овладел ремеслом переплетчика в мастерских больницы (трудотерапия), где переплетал не только классиков, но и стенограммы его разговоров с новыми друзьями-сокамерниками.

Все, что известно о нем, рассказано им самим. Все, что он рассказывал, действительно произошло. Неизвестно, однако, происходил ли тот или иной конкретный эпизод с ним или с кем-то еще. Я помню, как он говорил о случайном столкновении в тюремном коридоре с еще одним подследственным, которого тоже вели на допрос. Он увидел, по его словам, передвигающийся скелет и ужаснулся. Только позже, ночью в камере, до него дошло, что в глазах встречного он, очевидно, выглядел точно так же. Я многие годы пересказывал другим эту историю — в ней была символика той эпохи, тем более пугающая, что не нуждалась в интерпретациях и расшифровке. Пока, наконец, не наткнулся на точно такую же встречу в тюремном коридоре на страницах «1984» Джорджа Орвелла. Речь идет не о плагиате: просто Павел Улитин предпочитал говорить о собственном опыте чужими словами. Может быть, многократные требования многочисленных следователей на протяжении многих лет расписаться под протоколом допроса отбили охоту изъясняться искренне, лично о себе, своими словами? Недаром его реакция на подпись великого инакомыслящего под очередным посланием вождям — была: «Неужели ему еще не отбили охоту выписывать свою фамилию под протоколом?»

Он наизусть знал почерк и манеру расписываться десятка русских классиков. Его антисталинская записка лектору на втором курсе ИФЛИ (впоследствии Литературный институт им. Горького), послужившая непосредственной причиной его ареста, была послана анонимно. Но кто-то идентифицировал почерк. Не с той ли поры сличение почерка и вообще каллиграфические упражнения стали его страстью? Его позднюю прозу следует скорее созерцать, нежели читать в традиционном смыс-

ле слова. Оригиналы рукописей Улитина — это еще и своего рода визуальное искусство. Вид рукописи тут не менее важен, чем сами слова: тут все играло роль — расположение текста на странице, мозаика из подзаголовков, полиграфических вставок, напоминающих талмудическо-теологические средневековые трактаты с комментариями на полях, с рукописными вклиниваниями и росчерками. Эта проза — как произведение изобразительного искусства; хотя бы поэтому ее нельзя превратить в манифест или в дидактическое наставление будущим поколениям. (Я снова вспоминаю полоску бумаги с молитвой, положенную на лоб покойного.)

«Еще раз напишешь — убью!» — зачитывал мне Улитин еще один пример каллиграфического искусства: предупреждение мелом на стене арки своего дома. «Это наш дворник: стирал, стирал заборные надписи, а потом надоело — решил сам взяться за перо». При его судьбе трудно было не воспринять эту цензурную угрозу дворника на собственный счет.

Завораживающая сила и очарованье Улитина в постоянном соскальзывании, впрыгивании литературного слова в разговорное, наших поступков в его пародийный пересказ. Он был в огромной степени литературным эстрадником — когда случайные выкрики из зала тут же загоняются эстрадным комиком перед микрофоном в комментарий с подмостков. Его литература творилась на ходу — и тому есть не слишком веселое объяснение в его мемуаристике: не надо заводить архива, над рукописями трястись — и не только из высоких пастернаковских соображений — архив все равно будет отобран при обыске. То, что осталось от него в зафиксированном виде, напомнит постороннему читателю пересказ чужого сна или подслушанный обрывок телефонного разговора, чужое письмо без адреса и адресата. Слова в подобном жанре интригуют своей интимностью, но одновременно отталкивают своей видимой или невольной зашифрованностью: мол, у нас свой разговор, не суйся, все равно ничего не поймешь. Это как огласовка в древнееврейской Библии: значки остались, а музыка ушла от нас навсегда. Это как запись балетных ходов хореографа: никто еще не научился их записывать. Улитина надо было видеть — скажем, в лучшие го-

ды в кафе, а позже у него дома за бутылкой вина: обложенный записными книжками, с закладками на нужных страницах, с листочками, где выпечатаны были заранее заготовленные цитаты-шпаргалки, со страничками английских романов и почтовыми открытками, не считая картинок с подписями, вырезанных из иллюстрированных журналов. С бокалом кислого вина в одной руке и с авторучкой в другой (чтобы тут же записать промелькнувшее в разговоре слово, которое станет ключевым для будущего разговора, разговора в будущем о прошлом) он не говорил, а танцевал на пуантах цитат из прошлого, подхватывая сиюминутное высказывание собеседника как литературную цитату из классиков.

Может быть, именно эта сиюминутность в обращении с вечностью, это мгновенное, у всех на виду превращение разговорного слова в литературное, сам акт сопоставления случайного и ничтожного с историей у тебя на глазах — то есть, по сути дела, улитинская иллюзия легкости самого акта творения — страшно заразительны. Он каждого умел превратить в героя. Каждый, благодаря улитинским страничкам, становился выше в собственных глазах, прыгал выше головы. Когда тебя или твоего знакомого цитируют, это создает ощущение эпохальности мгновения, в котором ты оказался по воле судеб. Проза Улитина, с ее апологетикой читателя как личного собеседника, это протест против литературной ксенофобии — страха перед чуждостью. Это чужие слова, воспринятые на свой счет. Отсюда — стремление к повтору, к эху однажды сказанного слова в других обстоятельствах и на другом языке. «Слово — это судьба слова», — любил повторять он. Улитин помнил ваши слова двадцатилетней давности и мог повторить их именно тогда, когда вам показалось, что вы стали другим: ваши прежние слова стали для вас литературой. То, что читалось двадцать лет назад как личный документ, стало литературой, которая, в свою очередь, станет личным документом для будущего читателя.

Я помню свое ощущение от вида и манеры письма первых увиденных мною улитинских страничек: какое-то мгновенное узнавание всего того, что составляло нерв твоего предыдущего разговора с ним, но ушло бы без этих страничек незамеченным, неосознанным, нео-

познанным. Первая мысль: так вот из какого мелкого сора, из каких ничтожных ссор создается великая литература! И сразу же — детская мысль: я тоже так хочу, и я так буду! Я воспринимал как литературную манеру, стиль, то, что было в действительности всей его жизнью; точно так же, как для Оскара Уайльда, скажем, жанр притчи был не стилистическим приемом: он просто-напросто мыслил притчами, как скульптор мыслит в мраморе. Улитин мыслил цитатно, потому что у него отняли и его интимные слова, и его интимную жизнь. То, что осталось в виде слов, страничек, текстов — лишь стенограмма, дайджест того, что происходило в его литературном уме. Именно ум его был литературен, я а не то, что он писал, не манера письма. То, что записывалось, было лишь ниточкой-цепочкой цитат, проводящей его память по еще одной анфиладе комнат и закоулков неведомого прошлого: неведомого, потому что, как и советская история, перелицовывалась заново, творилась на ходу — всякий раз в зависимости от нужд момента в очередном разговоре.

Параллели его стилистических ходов с советской ситуацией соблазнительны своей клинической убедительностью и напрашиваются сами собой. Уже в 60-е годы, в разгар хрущевской оттепели, был арестован в Минске неизвестный Улитину ревностный поклонник его таланта: он переписывал от руки машинописный вариант его романа «Анти-Асаркан». У Улитина был обыск и были отобраны все его законченные произведения. (Обещали вернуть. Оставили телефонный номер: для справок. Сказали: позвонят. С тех пор Улитин никогда сам не подходил к телефону. В его последнем, записанном перед смертью сне мать просит его позвонить ей по телефону на тот свет?!) Не в этом ли причина того, что вместо книг он стал создавать «подборки» из отдельных страничек? Стал шифровать конкретные имена, играть псевдонимами, подменять реальные реплики в стенограммах разговоров со своими собеседниками — цитатами из английской классики или, наоборот, подставлять, ради розыгрыша, в страницы классики имена своих друзей. А вдруг то, что мы читаем сейчас, — не стилистический эксперимент зрелой поры, а страшная необходимость, продиктованная попыткой вспомнить не-

сколько уничтоженных, навсегда исчезнувших романов? Всплывает цитата, вызывает эхо старых слов, сказанных по тому же поводу в иную эпоху, отзывается словами вчерашнего собеседника, и все это заворачивается в одну бесконечную гримасу недоумения перед непосильностью задачи: восстановить мгновение, отобранное при обыске, раздавленное сапогом.

Связный пересказ эпизода из его прошлого был крайне редок. В большинстве случаев, особенно когда присутствовал третий лишний, это был водоворот недоговоренных историй, мемуарных обрывков, цитат, литературных аллюзий и реминисценций, короче — его собственная проза, зачитанная, наговариваемая вслух, на глазах у собеседника. Сам стиль подачи был настолько завораживающим, что фактическая сторона мало занимала. Отдельные эпизоды и инциденты прошлого возникали лишь по ходу разговора — лишь как отклик, как реплика на сказанное тобой слово, как мимоходом сочиненная притча, порой длиною в одну фразу, для прояснения мелькнувшей мысли, мотива, намерения собеседника. Историографические отступления в собственное прошлое лишь подчеркивали интимность разговора; этими отскоками в «эпохальность» он превращал личный разговор в историческое событие. История как будто творилась у тебя на глазах. И этот ненавязчивый призыв-приглашение к застолью истории подтверждался непременно письменно: в почтовой открытке, в страничке письма ты вдруг замечал вкрапления собственных, тобой забытых реплик недавнего разговора, и твое слово, оттененное речью другого, начинало звучать значительно и эпохально. Проза Улитина — это приглашение, бесплатный пропуск в собственную эпоху, куда нас не пускали не только тюремные решетки цензуры, но и намордники обличительных эпопей. Но, пропуская нас в историю эпохи обманными ходами, он запутывал и историю своей собственной жизни.

Он создавал условную, почти театральную атмосферу общих тайн и секретов, и в этой затабуированности — освященности ритуалом — совершенно обыденной ежедневной рутины и одновременно в уходе от этой зашифрованности в прямую речь — суть его литературного жеста. Прелесть этого жеста в том, что Улитин по-

стоянно провоцирует тебя на ответ, на интимность, конфессиональность, заставляет все воспринимать на свой счет. С почти наркотическим самозабвением, с андрейбеловским надрывом в общении, он предавался этому опаснейшему из занятий: не боялся обратить личный разговор в прямое выяснение отношений — хватал уползающую реплику за хвост, зная, что в голове — ядовитые зубы. «В этой стилистике — только ссориться», — недоумевал на первом этапе общения с ним поэт Михаил Айзенберг, последний и самый внимательный из близких собеседников Улитина. Отсюда такая двойственность в отношении к нему тех, кто был с ним близок: невозможно думать и вспоминать о нем, не «сочиняя» — переписывая, перестраивая, перебирая в уме — заново разговоры с ним. Иногда сожалеешь, что не записывал сразу: но в действительности записывать было нечего — стенограмма существовала лишь в уме и постоянно перезаписывалась.

Когда я уезжал в эмиграцию, он пригласил меня на прощальную встречу. Достал три бокала (третий — для вечно отсутствующего «главного» собеседника), поставил между нами бутылку кислого вина и сказал: «Можете задавать любые вопросы». Я ждал подобного момента открытости десять лет. Мы сблизились в середине 60-х, под занавес «эпохи кафе» (кафе «Артистическое» в Камергерском переулке), куда кроме нас продолжали ходить лишь те считанные люди, которые эту «эпоху» совершенно не замечали. Я внимал ему с бессловесной одержимостью идолопоклонника из подростков. Слушатель постепенно превращался в собеседника. Подросток — в Версилова: он подарил мне слова о диалектике моей бессловесности тех лет. В атмосфере московского интеллектуального сиротства он открывал архипелаг неведомых мне имен, где в его пародийных пересказах отношений Белого с Блоком, Уайльда с Андре Жидом или Джойса с Беккетом мне мерещилась разгадка отношений Улитина с его заклятыми друзьями и ближайшими врагами. Его прошлое казалось мне Олимпом — иной, неведомой страной; он был для меня — заграницей, и в каком-то смысле я эмигрировал из Советского Союза в разговоры о его прошлом, в его несостоявшееся будущее. «Отделение старшего детства» — гласила вывеска

на заборе детской больницы напротив его дома в Савельевском переулке. «А у нас тут — отделение младшего маразма», — повторял Павел остроту своей жены Ларисы. Люди в России быстро стареют. Я уезжал от страха перед смертью в отделении младшего маразма.

Какие вопросы я мог задать? Это был как раз тот случай, когда всю его жизнь надо было поставить под вопрос, когда вся жизнь и была вопросом, тайной, загадкой, не формулируемой в виде вопроса. Она же была и ответом, если бы этот ответ можно было прочесть одним махом. Наш вопрошающий взгляд — это тяга к исчезновению в душевном опыте другого, в душевном опыте, который кажется ясным и соблазнительным в своей цельности, лишь когда вглядываешься в него со стороны. Это желание пережить иную для тебя, загадочную жизнь без страдания ее переживания — без ежедневного отбывания срока этой жизни — прямо так, сразу, с налета, в одно мгновение. Бутырки до войны и Таганка после, тюремная психбольница и обыски на воле, сломанные ребра и порванные сухожилия, спайки в легких и дичайшие приступы депрессии, полная литературная безвестность и наплевательство лучшего друга, — неужели при всем при этом возможно сохранить самоиронию и чувство дистанции по отношению к собственным страданиям, неудачам и невзгодам? В отличие от многих своих современников и сокамерников, он умудрился не превратить свою биографию ни в назидательную байку, ни в обличительную жалобу.

«Он ловил свои ритмические мгновения за машинкой, а мне казалось, что он ловит тополиный пух; по-моему, тополиный пух следовало оставить в покое, правильнее заниматься исследованием (выдумыванием) деревьев» (Ю. Айхенвальд). Пух можно не только ловить. Его можно поджигать. Но Улитин не хотел и не мог заниматься исследованием. Ни деревьев, ни людей, ни животных. Он занимался называнием. Называнием неназванного и неназываемого. Именно не запрещенного, а неназываемого. Даже в свои «плохие» периоды, когда он целыми днями валялся на диване, отвернувшись к стене, с английским романом в руках, его мрачность и злость не выходили за рамки личных счетов — с друзьями, со всем миром и человечеством, если хотите; но он

не искал тайных врагов, не поддавался соблазнительному опьянению «темным вином» (Ф.М. Достоевский), сварганенным из идей всемирного заговора, не отождествлял себя со всей Россией и не считал, что русскую литературу калечат пришельцы. В интонации его прозы — отказ мыслить масштабно, в едином сюжетном строю, от имени и по поручению. Отсюда — культ необязательности, временности, культ черновика, одержимость каллиграфией на бумажной салфетке, тяга к перу и китайской туши на необычной бумаге, короче — склонность увековечить именно случайное и неповторимое, бессознательно засевшее в памяти. Это не поиски оригинальности, а уход от общеупотребительности.

Он каждого своего читателя превращал заразительной легкостью, тополиным пухом своей прозы — в писателя. Но этот писательский зуд в большинстве случаев и был не более чем зудом — проходил, как проходит у детей ветрянка: в отличие от настоящих оспин, ветрянка не оставляет следов. Решив увековечить оспины своей судьбы, большинство поклонников его таланта переставали быть читателями, но писателями они так и не становились. Оставалось ощущение опустошенности, как от всякой встречи с великим человеком — и еще неясная обида и стыд за эту опустошенность, злость на себя, и не отсюда ли — замалчивание его фигуры, его роли в твоей биографии? Я могу назвать с десяток имен и старше меня поколением, и младше на десяток лет, на кого улитинская манера письма действовала как наркотик, гипнотизировала долгие годы. Куда делись все эти мальчики и девочки, превратившиеся в многострадальных мужей и великовозрастных гимназисток? Почему они забыли это ощущение легкости и ненавязчивости улитинской трепотни и вместо этого подключились к суровому литературному труду — за славу, деньги и почести? Почему они ни разу за эти годы не назвали его имени? Почему же все эти поклонники, эпигоны и преданные слушатели (чьи имена я отказываюсь называть в наказание за их тактику замалчивания), почему заклятый друг и лучший враг (чье имя мне было запрещено называть, поскольку его носитель, видимо, вообразил себя Богом), почему весь этот круг приближенных Улитина тут же отстранялся от него, начинал неопределенно

бормотать, впадать в состояние «младшего маразма», чуть ли не отрицать знакомство с ним в московских светских кругах и никогда не упомянул его имени в серьезных литературных сборищах и редакционных посиделках? «А что он пишет? Что услышит, то и запишет», — брезгливо пожимали плечами посторонние.

«По Прочтении Уничтожить», — так Павел Павлович Улитин расшифровывал свои инициалы: ППУ.

Одно из объяснений этого катастрофического замалчивания друзьями дружеских имен в том, что жизнь вне своего круга считалась советской, не-нашей, идеологически враждебной, чуть ли не потусторонней, кромешной, где имен наших не должно произносить, чтобы не замарать их идеологической некошерностью. Но есть и менее замысловатое объяснение: это трусость, боязнь конфуза, страх оказаться в дурной компании, среди неудачников и (кое-кто считает) сумасшедших. Помочь в личном плане? всегда пожалуйста! Но не на людях. Библия не стеснялась тратить страницы на, казалось бы, бессмысленное перечисление имен тех, кто вышел из Египта. Мы же стесняемся на людях назвать имя близкого друга и наставника.

В нем не было чисто российской идеи перевоспитания — ни младших поколений, ни властей. Он не верил, что один человек может духовно возвыситься над другим. И поэтому его не боялись. Он не был учителем, и потому не требовал законной доли в истории твоей души: его легко было вычеркнуть, вырвать страницу его прозы из твоей памяти. «Что же останется?» — в конце концов спросил я. Ответ сводился к следующему: «Останется легенда». Выяснилось, что и легенды забываются. В манускрипты Леонардо да Винчи столетие спустя лавочники завертывали селедку. Рукописи, может, и не горят: в них завертывают селедку. И это еще завидная судьба для рукописей.

Никакой репутации — а тем более литературной — помочь нельзя: однажды сформировавшись, она пребывает неизменной. Можно помочь лишь ее носителю — самому литератору — вне зависимости от его репутации. Русская культура (в отличие от английской, выстраивающей из кирпичиков стилистического новшества еще одну скромную литературную нишу) могла бы увидеть в Ули-

тине нечто большее, чем чисто литературный эксперимент: чуть ли не целую духовную школу. Видимо, подлое отношение к человеку искупается, в некоторых исторических ситуациях, коленопреклоненностью в отношении литературы. Однако Улитин, выйдя из литературы, захлопнул дверь перед носом и единственно возможных для него в России потенциальных благотворителей — духовных радетелей. (Прилипшая ко лбу покойника в гробу полоска бумаги с молитвой — не пропуск в литературу.) Ему никто не помог. И тем не менее он, сознавая свою литературную легенду, продолжал работать на нее вне зависимости от собственной физической беспомощности, моральной несостоятельности или какого другого банкротства: он сознавал, что наша личность, наша литература больше и выше нас самих. И в этом чуть ли не святость его скромности. Он не становился в позу обиженного гения, а продолжал раскидывать на ветер и подкидывать собеседникам слова и идеи с прежней легкостью, чуть ли не подростковой безответственностью.

Слишком многие декларировали вечную верность разговорной речи, эпистолярному жанру, альбомной необязательности, давали присягу дружескому застолью. Но за недолгие два века русской словесности мало кто продержался на незавидном рационе слова как дружеского рукопожатия, на случайной болтовне, на записной книжке личных счетов и обид, на стенограммах философских мычаний кулуарной исповеди. Мы, скорее, склонны к духовному блефу вопиющего в пустыне (при страшной толкучке) и спешим замуровать личные отношения в великую китайскую стену противоречий между Востоком и Западом, православием и интеллигенцией, партией и народом, между т.д. и т.п. Разговорная интеллигентская речь загадочным образом дискредитирована. Подозрительные к собственным интонациям в кругу близких, мы выходим на публику, выжучивая из себя старательно, как кошкодавы, тягучие доносы на собственную историю, притом исключительно в национальных масштабах. Сквозь дырки наших авосек, туго набитых томами эпопей, вылетает весь тот личный мусор и сор подробностей, весь тот прекрасный словесный ералаш, который и склеивает суровые дни нашей жизни в чудесный роман.

Существует некая загадочная дистанция, отделяющая личное письмо от страницы романа, дистанция, чьи пределы и непреодолимость всегда будут загадкой. Но каждому пишущему хорошо известно, что чем меньше эта дистанция, тем свободней дыхание литературы. Стиль Улитина — сокращать эту дистанцию до мыслимого предела, ободряя и подзуживая самых робких и отверженных рекрутов русской словесности. Если цепочка личных отношений читателя с автором не прерывается, то сюжет в этой прозе — сам процесс ее чтения и ее сочинения: это не литература, а само ее становление, ее вольное дыхание; это не разговор о чем-то — это само и есть что-то, разговор, формирующийся избранным кругом читателей. Вход в этот круг свободный. Приглашаются все. Но не все остаются. К сожалению или к счастью, в литературе приживается лишь то, что повторимо и повторяемо, что, как утильсырье, можно использовать дважды. Я боюсь, что Улитин в русской литературе не приживется. Он — не приживальщик: его нельзя использовать в качестве рассыльного по разным духовным надобностям. (Никто не знает, когда, кто и где прочтет полоску бумаги с молитвой на лбу покойника.) Можно лишь стать его собеседником и получать в ответ на вопросы письма, не дающие ответов на вопросы.

Когда собеседников вокруг не оставалось, он уходил из кафе и отправлял самому себе по почте цитату из тютчевской эпиграммы: «Приветствую Ваш неуспех, для Вас и лестный, и почетный, и назидательный для всех».

Зиновий ЗИНИК
Лондон, 1985—1991

Черновик

черновик

1

15.12.66

Я опять брожу по дорожкам через
этот лес, не называя имен.

Она дразнила, раздеваясь, но я не знал, что это называется дразнить. Об этом и в голову не придет рассказывать, разве только за час до смерти. Но тогда это покажется ненужным. Удача была там, где ничто не останавливало, где была чепуха и бред и все такое. Где была оглядка или адрес или читатель, там все в пределах этой оглядки на что можно, а что нельзя. Я не о том, я не о том. И у всех так, только не в такой степени. Бегуны были хитрые, бегуны экономили силы, бегуны не сходили с дистанции. Даже Пушкин не требовал от себя написать в одно мгновение стихотворение, которое он забыл. Написал и забыл. Было мягко, нежно, спокойно, без судорог, без резких жестов, с мягким отходом в успокоение. Я помню общее направление, но не помню точного места. А он вошел в нашу жизнь? А он входил? Я помню странное впечатление: обо мне ни слова, обо мне два слова, меня как будто и не существует. Именно «меня как будто не существует». Именно так и было. А другое мне не было показано. То резвился, то проявлял свой характер. Граница четкая, ни в коем случае переступать нельзя, иначе хлопот не оберешься, но незаметная, так легко переступить. Куда приводит нарушение? Может и к успеху.

2

Пределы точные и пусть нам голову не морочат, что тут нечто беспредельное. Я поеду опять на пароходе по Миссисипи. Яблони в саду за оградой из камней, и не в цвету, а в яблоках. Винтовка лежит рядом, и можно пощупать патроны. Воздух физически входит в легкие, доставляя ощущение счастья. Она покраснела, а он ответил согласием. Любовь мальчика — как любовь старика: это, милый, все не для нас. Нас так никто любить не будет. Но помечтать-то можно? От этих стояний остались слова, и они ничем не хуже написанных потом. Так что и черновик можно считать ритуалом. Если у каждого писателя писем есть только один читатель, то Гете вспоминал, что из написанного он больше всего перечитывал: любовное письмо, которое прислали ему. Он был идеальным читателем у той писательницы, которая присылала ему письма. Он их никогда не уставал читать. Жуткое освещение на этой картине. Кожа кажется железной. Но предугадать и ему не дано, хотя он все время делает вид. Сдерем кожу с ревизионистов! Она любила изображать интонацию кривой линией, и сначала это вносило порядок и было понятно, а потом все запуталось. А на слух все ясно. Нечего там слушать. Ничего интересного они сказать не могут. Настолько заморочить голову! Я выбрал. Надо было сделать выбор и я сделал. Маленький сухой листик, унесенный ветром, совершил путешествие по французским книгам и возвратился к британской фонетике. Она тоже считает французский язык своим родным языком, хотя и специализировалась по немецкой литературе.

3

Уходит и приходит слово. Пришло, а потом опять ушло. Талант в чем-то другом. Пик воспринимается как данность. Восторженный человек взирает с восторгом, а талант сидит и мучается: я поднял свою репутацию слишком высоко, я не в силах ее поддерживать. Слукавил и тут. Просто почувствовал, с какой стороны бутерброд надо намазать маслом. Иначе тебя не будут ценить. Сдвигов абсолютно никаких. Ничего кроме разнообразия удовольствий. Я вышвырну этот холст. Но сначала посижу перед ним, выкурив сигарету. Как фильм «Сальто». Как роман Булгакова. Как подножие из запрещенных книг. А как вы узнали о их существовании? Из вашего разноса. Из того, что вы всегда обходили молчанием. Новую моду взяли: молчание манифестировать как подвиг. Посидим, выпьем, помолчим: это будет манифестация молчания. И так героем становится любой. Какая жуткая воинствующая единица, это надо было предвидеть. Ты давал возможность, вот тебе и сели на голову. Чтение сказывается. Даже приклеивание. Как любое сопоставление, хотя бы мысленное, хотя бы только один раз в жизни. Так не бывает. Бывает. Бывает и так. Я опять возвращаюсь с того света. Она опять меня дразнит. А ты не давай повода. Странно, что расстреливали кронштадтских матросов именно на этой площади. В двух шагах от воды, из которой она выходила голая. Яблони были низкие, так что мальчик 10-ти лет доставал яблоки с земли рукой. Вот как у бассейна. И крейсер стал гигантским только в ореоле легенды. И тут она вмешалась. И тут без нее не обошлось.

4

Что-то раздражающе неуклюжее. Как новый способ писания слов или новый материал для того же искусства. Музыкант заговорил о живописи, писатель стал режиссером, поэт распространяется об архитектуре, журналист пишет о стихах. Нет, живописец схватился за карандаш, а у него всегда был жалкий рисунок. Рисунок ему никогда не давался. Пародист-юморист среди социологов и социолог среди юмористов. Вот они стоят втроем возле «Известий», и нечего на них смотреть, ничего кроме цветных пушистых шарфов вы не увидите. Он замерз и побледнел и торопясь шел и был жалок. Она бежала по морозу и тоже не производила выгодного впечатления. Все не так просто. Конечно, человека можно довести до любой степени каления, но что-то другое всегда незримо будет присутствовать. А для равновесия равнодушный человек. Один раз был запуган и потом таким и остался. А кто иначе? Только мертвецы и покойники, а любой из оставшихся в живых в той или иной степени пошел на компромисс. Видимо, разговор о степенях должен был тонким и точным, иначе все будут в одной куче и ничего не разберешь. А чистыми и хорошими останутся только читатели архивов только потому, что у них не было возможности стать грязным и нехорошим. Заплатили все. И счет продолжает оставаться открытым. Платежи продолжаются, взносы не имеют конца, суд идет, сменяются судьи, но суд идет. Так надо. 25 изуродованных контекстов и 25 неопубликованных писем, а припев один — так надо. Важно тронуть. Остальное придет потом. А если и не придет, то значит и не имело значения. Он будет нам говорить разные банальности, а мы сидим, раскрыв рот только потому, что это первод с одного языка на другой. Перевод!

5

Чужую беду по рукам разведу и на пальцах пересчитаю. Был разговор, но осталась та же неясность. А для М. Зощенко всегда был и так и остался проблемой талант М. Зощенко. Следующая по счету повесть Белкина написана не лучше Пушкина, а мы договорились, что она должна быть написана лучше Пушкина. Кроме языка московских просвирен, к тому времени на книжной полке стояли книги Достоевского и Чехова. Как читал «Чайку» Чехова Бернард Шоу, забавно, но не туда. Важно, как он читал «Мысли на каждый день» Льва Толстого. С этого все и началось. Потому что было увлечение йогой и читались и практиковались йоги. Попытки ни к чему не привели. «Конец главы» — ну хоть бы слово! Зато «Вход воспрещается», зато «Имя им легион». У него отобрали помочи, и он стал злиться и царапаться и кусаться. Это было. Он думал там что-то найти о себе. Вот что главное. Что обо мне бы сказал Зигмунд Фройд? Какого Бога? Вот как они любили себя воспринимать чужими глазами: я опять выхожу на поиски Бога, как сказал обо мне Бернард Шоу. Бернард Шоу сидел тут же, чуть-чуть поморщился, но ничего не сказал. Как все иначе было! Как все по-другому преображается в пересказе своими словами в глазах другого собеседника! Погромщик тоже хочет, чтобы его считали человеком. Погромщик тоже хочет жить. Чтобы сохранить вежливость, не надо приходить к нему в дом. Он ходил от картины к картине в трансе,

6

а можно сказать: у него же на лице было написано опупение. Ну не опупение, а просто непроходимая глупость. То есть что-то безнадежно непроходимое, жалкое и от чего хотелось бежать подальше. Ни за что бы вы ни сказали, послушав его речи о Фальке, что это был тот же самый человек. А как я буду жить без себя? Вы об этом подумали? А вы разве не видите, чем вы занимаетесь? Вы все силы прилагаете к тому, чтобы оставить МЕНЯ без МЕНЯ. Какая же может быть благодарность у человека при таком бандитском отношении: украсть у него ЕГО САМОГО и заменить СОБОЙ и ждать за это спасибо. Ага! Наконец-то слово сказано. Вот с этого и надо было начинать.

НАЧАЛО

А мы этим
кончим.

Устами младенцев! Ах вон как! Какая разница между Рейзеном и Лемешевым? Он сидел в читальном зале и читал критическую статью о Пастернаке «Частная жизнь». Абрам Кузнецов покрутил чуб и повращал глазами. Только то, что за тебя никто не может сделать. И это надо было сделать давно, не откладывая на «когда-нибудь». Сделать, освободившись, и перейти к чему-то другому. Как и конспект оксфордского курса истории романа в 20-м веке. Какой там разговор о рифмах, когда они говорят через переводчика! Каждый же имеет в виду совсем другие рифмы и другие слова. Евтушенко о Геннадии Айги: а он даже гениальнее меня!

7

Мы же не знали, что это его высшее достижение и что он теперь не таков. Был ненавидим и гоним. Потом гонимость забылась, и остался остроумный поэт, тонко чувствовавший чужие стихи. Я их разоблачу. Но они же не читают на языках, им же нужно все переводить. Там целый центр, который называется ИК при СП. Что такое «аспидистра»? И почему она развевается? Одни замалчивали первые книги, другие замалчивают последние: судьба Эрика Блера. Куда нет возврата, туда так хочется возвратиться. Первая французская книга в детстве горит ярким пламенем. Он сколотил отряд добровольцев и хотел спасти революцию в Венгрии (1848 год), но было уже поздно. Он и туда совался? Разве были там троцкистские бригады? То Оскар Уайлд в изгнании, то Бертран Рассел в мечтах о спокойной старости, то Стефан Цвейг перед самоубийством. А он так и не научился читать книги. Он хоть одну книгу когда прочел, чтобы это было его собственное открытие? Ни одной. Всегда чьи-то чужие восторги. У них же совсем не так. Мы пришли к «Улиссу» от «Отцов и детей» через «Бесы» и «Идиота», по крайней мере. А они сразу пришли к «Уроку» Эжена Ионеско и думают, что это одно и то же. Не знаю, не знаю. Я выбросил эту возможность. Чтобы не испытать шока разочарования. Танец вокруг Степана Трофимовича, конечно, самой высокой и чистой марки, но все-таки танец. Первый мотив — самый благородный: я подожду лучшего настроения, чтобы полностью оценить и насладиться.

8

Может и наоборот. Пришпоривая загнанную в мыле лошадь —

обморочные ритмы — розовые и голубые круги — я падаю — тут что-то было — это как страница обстоятельных описаний, в которых высвечивается одно слово, потом еще два слова. Ущерб, кто знает это слово? Увяданье, они все не так его понимают. Успокоенье, тоже не похоже. Ты помнишь, как в первый раз сверкнула молния? Она была два раза в первый раз. И может только впервые была по-настоящему впервые, а все остальное — это так. Нет, только с полным исчезновением мы узнали, что она у нас была. На ее место пришло тоже что-то ничем не хуже. И тоже имеет право на то же название, но мы-то знаем, что это не одно и то же. Легкая пришпоренность, она всегда была, это да. Рука дрожала, слово не ложилось на бумагу, но через 15 минут все в норме. От лыж к идейной проблеме не всегда был легок переход. Мама будила, вставать было трудно, почти невозможно на рассвете, но ни разу не взбунтовал, всегда вставал и тащился за 12 верст. Вот же они, вот же, вот же, а ущерб наступил, и они уже ни к чему. Золотые монеты превратились в черепки, черепки можно выбросить, но пройдет сколько-то времени, и волшебная сила опять превратит черепки в золотые монеты. Она дразнила, но я не знал, как этим воспользоваться. В этом городе я не был почти 40 лет, и он стоит без изменений.

9

Мальчик или девочка, это зависит от мужчины, а я до сих пор не знала. Если бы вы это знали, это бы вам пригодилось? Какой дерзкий вопрос! Какая дерзость! Сначала мы избегали вопроса, потом забыли, а потом перестали понимать человека, вот к чему привела вежливость. Мудрость, написанная карандашом на стене в Ленинской библиотеке, сначала вызывает протест, а потом ты к ней невольно возвращаешься. И в этом она никогда не признается. Высшее достижение — все слова «Не называя имен». Имен не называя, ничего не скажешь. Загадка Абрама Терца — только для читателя индийской философии: Мария Васильевна ничего не скажет, а для Майки Синявской нет никаких загадок. Им бы в руки эти две с половиной страницы. Но рикошетом ударил принцип непроизводительного труда. У вас это хорошо получается, вы и сделайте. Нумерованные экземпляры не считаются изданными и авторские права не защищаются. СП не ставит теперь такой задачи. Ему показали пункт. Такой веселый, боевой и свойский. Совсем не так мы его себе представляли, когда читали «Ивана Денисовича». Возвратиться к первым страницам «Перелетной птицы» — а вам не хочется? И поезд от похоти воет и злится. Михаил Михайлович так и не понял, в чем талант Зощенко. И где его границы и как он является и куда он вдруг исчезает. А Чуковский понял?

10

А потом я вспомнил, как в детстве треснулся затылком. Но это было об лед. Так разноцветные трещины и пошли от удара. Может и падение с турника вниз головой было травматическое. Но я ничего не заметил. Он учил, как надо падать. Бить руками об землю для амортизации. Мусор и макулатура — тоже почти культ. И вот что из этого выходит. Личное отношение создается и от одного впечатления. Для понимания искусства вреден интеллект. Зачем мне Абрам Терц, когда у меня есть Франсуаза Саган? Но для этого надо познакомиться с Абрамом Терцом. Персональное открытие — вот с чего надо бы начинать. Я хочу быть цветущей пенсионеркой. Мы с тобой вместе будем цвести. Ах как хочется в кино. Жутко хочется в кино. В кино хочется со страшной силой. Я попал в Милан, а собирался в Абруцци. Графика великого художника в музее на Волхонке — как театральный разъезд: скорей от этих разговоров. Они сейчас почему-то не смешат. Мятель и очередь на улице возле музея на Волхонке. Впрочем, это уже напор трудящихся на графическое искусство Пабло Пикассо. А там был напор бездельников. Она в новой шубке. Он будет читать лекцию для искусствоведов музея. Она сияет знаменем свободы над воротами В СР. Так что остается шиком писать от руки обыкновенной ручкой на обыкновенной бумаге. Это великая идея: никогда ничего не проворачивать как идею. Шик кончился пшиком. А потом начался новый шик. Зайдем в буфет, возьмем пива и сосисек для улучшения эстетического пищеварения. Курилку перестроили. В каком лагере он был? В пионерском. Я работаю, если вы улыбаетесь.

11

Массовый напор индивидов на Пикассо. Чего только не услышишь. Я б таких вам рисунков сотню за 15 минут, да бумаги жалко. Любое в любой момент может случиться. Плохой перевод с английского, подслушанного у немцев на немецкой волне. Слабовато Ренуару до таких сибирских ню. А я не знал, что у Афродиты Книдской такие худые мускулистые ноги. Я его породил, но он меня убьет. Давай, давай, парень, действуй, мы пойдем дальше. И ты поможешь нам пойти дальше. Ревизионисты боятся услышать мысли Мао Цзе-дуна! Сдерем кожу с русских-ревизионистов! Так говорила хунвэйбинка. Не помню этих коричневых колонн. Их тогда не было. И вообще вход был там, где сейчас выход. Там мы и собирались в ожидании Радцига. И по ступеням парадного подъезда никто не поднимался. Не было такого зрительного впечатления. Кондотьер поражает грубым высокомерием. С тоской оглядел греческий дворик, но Гармодия и Аристогитона нигде не было. У обнаженной Ренуара заулыбался Сваричовский... А-а, ты меня ревнуешь! Мы отошли к Гогену, но нам сделали замечание: заслоняем картину. Где я видел Зарянко? Куда исчезла графиня Воронцова? Позвонить? Может, правда, позвонить? Новый француз не похвалил за плохое описание галереи. Или то был музей Льва Толстого? Надо было оглохнуть, а я ослеп. Это еще от тебя не уйдет. Замело аллеи сквера у бассейна. Грустный — это навязывание интонации и лишнее, хотя ритмически оправдано, чуть внятный — это правильный эпитет.

12

Что с воза упало, кобыле легче. За твоими перескоками не уследишь, шею себе сломаешь. Себя не уважать, его ценить, серьезно относиться к таким вещам. Все это недостойно нашего внимания, но мы об этом никому ни слова. Андрей Белый — гигант по сравнению, но уродливый и в свою сторону. Уродство все-таки чужого рода. Пока мы не отдадим отчета в собственном уродстве, пока мы не выясним все для себя, нам чужое уродство только мешает. Дневники Марии Башкирцевой — вот книга для тебя. Ольгу Шапир не считая. Франсуазу Саган не считая. Саганистка или саганианка — как правильно? Как тебе лучше, так и скажи. Фантастика! сказал один читатель Михаила Булгакова. Он прочитал всего Беляева. Фантастическая повесть о литературе еще интересней фантастической повести о театре. Литературный роман — «Золотые плоды» Натали Саррот — не прошел мимо. Но мы его еще не видели. Вот откуда день рождения Ф.Куарэ — 21.6.35 — 21-го июня не забудьте отправить открытку. А куда? Просто — Франсуазе Саган, Париж, Франция. Носится в воздухе, прямо летает, как летучая мышь, а не понять, не поднять, не поймать. Тягостное чувство от наедине-с-белой-бумагой. Живот страшный. У деревянной скульптуры скульптора Дуниковского. Весьма реальная вещь. А немцы называют роман Сартра просто «Отвращение» (Дер Экель). Люблю читать параллельные названия, в этом смысле этот домашний словарь — одно удовольствие. Требуется что-то другое. In the white sweater she was wearing they seemed to sag with their own weight. It was a guarantee of reality. I could imagine myself touching them.

13

Девушка из «Украденной картины» протянула руку для знакомства. Это она говорила про молодых красивых сыщиков с золотой звездой на пиджаке. Меня с сумкой не пропускают. А вот идет лектор. Где лектор? Все в темпе, все в стремительном темпе: бешеные ритмы, но ей именно это нравится. Оттягивание не увеличивает удовольствия. Когда смеются боги? А на улице мятель. А на улице снег идет. А на улице спокойно, мороз, тихо и нет лишних слов. Хорошо на улице. А в кармане — мечта. Скорей домой в огромность комнат. 25 копеек за «скорей»! Любой ценой вырваться из ада. Но так можно и пропустить хорошую книгу. Обход книжных магазинов у него — ритуал. Радциг поймал нынче леща. Откуда у него рыболовные метафоры? Жеваная бумага. История языка в Замоскворечье — странная вещь: ты забывал, ты все хотел забыть. В мастерской у художника есть один уголок, и тут каждый узор на стене напоминает. Но жизнь должна быть в мире. Одна линия писалась пламенем на огненном фоне: хоть бы раз тебя увидеть. Такая антиципация только в 15 лет. Ладно, буду читать с машинкой, а то я так ничего и не прочту. Взять особый лист? Завтрак на траве — это богослужение — не богохульство — великому богу искусства. Она все-таки прикрыла левую ногу. Это он нарочно прикрыл для фона, чтобы белая нога отчетливей на черном фоне. Меня бесят эти знатоки. Отцы и дети. Дедушки и внуки. Посмотрите, детки, как едали ваши предки. А они больше ничего и не умели делать. Вот беда. Not my cup of tea.

14

Как, ничего не сказал? Два часа проговорил и ничего не сказал. А по его мнению, он все сказал. Это вы ничего не услышали. Что именно я хочу извлечь из чужой радости, ЧТО? Я понять его не хочу, смысла в нем не ищу. Странная жадность. Вот эту одну страницу и надо найти. Он хотел твоих усилий на алтарь освободительного движения. В каком смысле вышел из игры? В смысле вина? Нет, пить я буду. В смысле ста дней. Первые 6 дней: бурная неделя закончилась письмом в «Правду». Ильфа тогда еще не было, был Илюша Файнзильбер, но он пишет: мы с Ильфом. Длинное ритмическое дыхание тургеневской фразы про извощика на петербургской улице в пронзающий холод январского мороза. Где бы это найти? Это из стихотворений в прозе, но где? А я и до этого знал, о чем идет речь. Слишком много дополнительных радостей. Так много наговорили, что уже ничего говорить не хочется. Just the time to come back. Свирепость апостолов из-за неуверенности в своей силе. Так вот итог твой, мастерство! Путь, проделанный в одиночку по чужим следам через 10 лет нас возвращает к той же проблеме. Самое интересное — последнее. Самое интересное — первое. Ты же меня ввел в заблуждение. Первое я читала и удивлялась, знаешь, в каком смысле? Что ж тут криминального? Когда я дошла до последнего, я поняла, что их так разъярило. Вдруг мелькнуло самое забытое и самое заброшенное. Ни одно из деепричастий так не настраивает фразу, как точка, поставленная в нужном месте. Отчего это зависит? Оттого что ни одно слово не стоит в именительном падеже и вообще лексика другая. Скользит взгляд.

15

Взгляд скользит и ни на чем не останавливается, но чужая забота гипнотизирует и способна заворожить, если уделишь достаточно внимания. Веселая лаконичность настраивает в ненужном направлении. Если бы это уже было написано. Если бы. Слова, которые услышишь на очередной выставке. Они воспринимаются как «Театральный разъезд», который интересно было бы прочитать, если бы он был написан, но писать его неинтересно. Скандальность? Разоблачение нехорошего человека? Нашел я эту страницу, но она оказалась нецитабельной. Там все в другом смысле и в пересказе выглядит значительней. Что вы скажете? Я хотел бы услышать от вас ваши впечатления. В двух словах? Покороче? Я на эту тему написал вот такую книгу, а вы просите в двух словах. Занимает чужое место в нашем внимании. Чужие семейные разговоры, и не войти нам в круг чужих радостей. Картину из нас никто не видел. То, что мы принимали за картину, было репродукцией или даже литографией. Так создавалось твердое убеждение, что все картины у всех художников размерами в страницу журнала «Нива». Мелькнуло воспоминание о том, что мелькнуло, но это уже совсем не имело никакого значения. А потом предметом постоянных размышлений становится недоумение, ну а уж это ровным счетом никого не касается. Если бы не Ильф, мы бы Ольгу Шапир и не знали. Ведь он что, мечтает отметить карандашом в чужой книге то, что ему еще предстоит написать, но это только его касается. Я так и знала. С устранением препятствия устраняется и способность что-то преодолевать. Заспал такую мысль.

16

Он был стимулом, а превратился в тормоз. Это как с карманным форматом. Один раз только сработала идея, один раз. Та же мысль, только выражена на длиннющем дыхании синтаксических конструкций чужого языка ученых монографий. Первые движения внутри были такие осторожные, и их можно посчитать, настолько они остались. И тон задавался заснеженной пустыней и проходящим поездом. Первые движения на пути внутрь были такие беспокойные, что он вдруг подумал: а может, я что-нибудь не так делаю? А разве можно это сделать? А может ей будет больно или неприятно, но она ничего не говорит. Сколько бы ты ни останавливался на этом, слова будут бледные и неуклюжие. Мальчик завидовал Радеку, а Радек завидовал мальчику. Только в смысле молодости непочатых сил и все впереди. Но чужие мысли могут занять место твоих собственных, а ты и не заметишь, что это так. Сказать об этом можно, но не надо делать из этого событие. Вредность такого чтения в том, что целых три будешь думать, что на свете никого не существовало, кроме Карла Радека и того, кто об этом написал. Здорово. Ученые синтаксические конструкции освежаются разговорной усеченностью, а что выражено попроще, освежается усложнением. Если это что-то дает. Этот рассказ я бы прочитал вслух с правильными интонациями, но я этого не сделал, чтобы не производить лучшего впечатления. Пусть сама прочитает. Он вкладывает много своего. От этого «Август» превращается в великое стихотворение, и я его принимаю полностью и целиком, хотя на самом деле я ни одного стихотворения Пастернака не принимала полностью и целиком. Так говорила мадам Мейн.

17

То все значительно, то вдруг все теряет значение. А отчего это происходит? И я бы хотела это знать. Случай на мельнице был совсем с другим человеком. Совсем другой человек вышел из Бутырской тюрьмы. Но этого никто не заметил, кроме Лили Брик. Она только намекала, но на ее намеки никто не обратил внимания. Старушка учительница тоже иногда вспоминала случай на мельнице, но делала вид, что это было с кем-то другим. С кем-то другой. Это была не она, а какая-то другая. Мы набрасываемся на англичан, а англичане отсылают нас к французам, а французы отсылают нас к русским. Мы набрасываемся на Олдоса Хаксли, а он отсылает нас к французским романам, а французские романы ссылаются на Достоевского. На втором месте стоит Чехов или Толстой в зависимости от того, кто говорит — Кэтрин Мэнсфилд или Норман Мэйлер. Мы с интересом следим за его шагами по своей дороге. Есть и там кое-что, на чем можно остановиться. Но как тебя там обманули, ты и до сих пор не можешь себе представить. Что же там за хризантема? И почему она то вырывается на первый план, то исчезает? Ни слова, ни слова, ни слова. Такая настойчивость всегда подозрительна. Уж больно человек старается. Somebody e1se's joys, I'll throw them away. I'm sick and tired of them. Осталось у нас кафе, которое in common and — what is more — EN FAUTE DE MIEUX. Тоже б читали Маркевича и получали б удовольствие. Я не заметил, как произошла подмена. Уж больно много там энтузиазма по поводу того, что нам только что — вот сию минуту — понравилось. И упреки я не принимаю на свой счет. Что задевает, так это настойчивость. Или требовательность.

18

But I don't remember the exact words and can't find them. А все дело в точных словах.

А все дело в том, что ты ушел из ее жизни. Этого простить нельзя. Эти паритетные начала бросают в дрожь. Откуда повелось, что синяки и шишки уравновешивают пироги и пышки? Кто сказал, что мы квиты? Как это так — никто никому не должен? Ты же брал у меня 500 рублей? А я думал, это подарок. Ты же взял у меня молодость и красоту? А я думал, что я тебе отдал свою молодость. But I never found what I was looking for. Я нарочно затягиваю процесс, как будто так можно увеличить количество радостей. Уменьшить количество неприятностей, хотя бы мнимых, тоже не удалось. Такая яркая личность и так скучно читать. Так говорила Гертруда Стайн. Не уменьшается, а увеличивается ощущение беспомощности от такой фантастической повести. То, что ты знаешь, каким размером это написано, тебе мешает получать удовольствие непосредственно от стихотворения. Так всегда говорят неспециалисты о специалистах. Так что ж ты требуешь от нее, чтобы она отказалась от своей эрудиции? И почему ты думаешь, что она не получает удовольствия от картин? Не меньше тебя. Тебе хочется плюнуть и бежать, так это не в твою пользу. Тебе еще предстоят маленькие трагедии. Я до сих пор не знаю, чем тут можно было гордиться. Умом мы жили, но кончили усмешкой. А он начал с перебежки. And if not shot or hanged you'll get knighted. To do good to mankind is a chivalrous lot. Ничего там не было, кроме междометий.

19

Wie würde dich die Einsicht kränken: wer kann was Dummes, wer was Kluges denken, das nicht die Vorwelt schon gedacht? Казалось бы, казалось бы. Я уже перестал путать эти вещи. Никто не сказал главного о лавке-лавочке метафор: говорить интересно о неинтересном, а она сказала. Но на нее зашикали. Но ей никто не поверил. Нет уж, покорно благодарю, вы уж как-нибудь сами разберитесь. Такой вежливый собеседник и такой бесстыдный корреспондент. Все вам мало. Нельзя культивировать такую жадность. Оскорбить автора романа «Маски» было легко. И чего они так унижались перед ним? Единственное пока впечатление от стенографического отчета. А ей-то что бояться, а вот она боится. Хемингуэй, написанный как произносится — Эминвэй — звучит хорошо, но читается как наглость и претенциозность. Я б тоже отметил карандашом нужную страницу и всю б жизнь только и делал, что перечитывал. Ага! Вон куда. Вон что. Так с этого надо было начинать. «Der Ekel» or simply «Disgust» — that is the name of his only novel. The face is ugly as usual. No wonder, nature is just and economical. Too much beauty is as too much intellect: it calls forth the vengence of fate. Да, но я читал, как будто Школы Плавания действительно не существует. Вот что забавно. Снег идет. Она лежит. Вы сидите. Они побежали. В моду вошли фотокопии с отметками толстым карандашом. Отметки в оригинале синие или красные, но на фотокопии виден только жирный карандаш. Как читал Галич донос на Галича, еще никто не рассказывал. Распишитесь. Да, но тут стоит «подпись расстрелянного». Ничего-ничего, распишитесь, это ничего не значит.

20

В ритуал выходит попытка и сам процесс, который состоит из цепи-ряда попыток. Еще раз взглянуть на результат. Не доходя до «А-а, ты меня ревнуешь!» и как раз в районе единственного Ренуара. У этой встречи могло быть и другое место. Деникинский пулеметчик получал удовольствие. Фантазия вращалась в том же кругу литературных образов, но каждый боялся литературных ассоциаций. Захлеб одного чтения вслух не повторился, но сколько судеб построилось вокруг иллюзии, будто все это повторимо. Еще жестче. Еще заковыристей. Еще круче. Тут нет места для снисхождения. Устраивайся, как можешь. Лишай себя, если это помогает. Она прошла походкой солдата, и стук каблуков отчетливо раздавался в усталом мозгу. Какой-то странный крест. Удивительные переплетения. Намеки на символы. Чем-то иначе, чем-то иначе. А то как же еще. 20 страниц чужой книги, прочитанные вслух, еще не создавали нужного фона для продолжения. Танец бесит. Чужой разворот еще стоит в памяти. Острые углы наметенного снега, и ветер сдувает снежную пыль, и нога тонет в снегу. Он бы развернулся, если бы ты изъявил готовность слушать. Не будет. Не гнется, так сломается. Испорчен текст. Но он существует, и как хорошо, что он существует. Откуда такой взлет у бедного армейского подпрапорщика, откуда? Ну и жутко, ну и жутко. Как будто боится сделать доброе дело. Он развернулся в другую сторону, и этот разворот не забудется. То накладка, то повторение. Когда заслоняет, а когда заменяет, все равно неуловимо. Странные переходы. Не вижу взлета. Чем он привлекает, до сих пор не пойму. Выхватывались куски, на них что-то строилось, чтобы привлечь чужое внимание. Кончалось это пренебрежением. Внимание было стимулом, а потом превратилось в тормоз.

21

И на этом много построено лишнего. Забота о голосе. Перебои ритма. Вижу я сутулого мужчину. Когда из ничего, тогда совсем хорошо. Обман. Такой хороший обман: я сам обманываться рад. Оттолкнись и ты. Один вид латинского шрифта наводит уныние. Он писал, а влиянием пользовались другие: ему, конечно, было обидно. Это не про Булгакова, это про Эрика Блера. Для них звучит только двойная фамилия, и они этим пользуются. Значит нет возврата к возвращению. А ему не дали развернуться. Но сначала была видимость, что его минула чаша сия. Пустынный дом, пустынный сад. Откуда-то шли письма. Еще доходили письма и даже посылки из Парижа. Но запах силосной ямы действовал уничтожающе. Силен парень! Что значит классовое чутье! Значит хлеб есть. Насильно мил не будешь. Судьбы решались не там. А взгляд все чаще падал на это лицо. Зубы дракона. В том самом смысле, что нет никакого смысла. Плывет. Падает. Уложите его. Не знал, что враждебность принимает такой вид. Он сидел на кухне. Не вздумайте с ней воевать. Не вздумайте ему противоречить. Ты же не расскажешь под Достоевского, ну а он тем более. Он может выслушать чужой рассказ и улыбнуться в нужном месте, но для этого рассказа тоже необходимо безвоздушное пространство. Вы меня не забудете. Чужой конец воспринимался через свое начало: у нас другая жизнь. Богатая шуба, холеное лицо и бравурная мелодия: его превосходительство — ниц — девиц! Его фаустиана меня не трогает. Я не то увидел в конце распятого человека. А об этом никто не позаботился. Без вас обойдутся. Высоты не развивались, глубины не трогались.

22

Танец пчелы. Вредный ген. Старинные шутки. Слова, которые записаны на концерте Мравинского. Маленькая симфония в замысле, а в результате сумбурное чтиво. Не взвился. Не получилось. Не те глаза. А попытка была. Не знал, что даже случайно прочитанные слова отзовутся и будут иметь значение. Луна раскололась, вот именно. Этот жест вел за собой серию жестов. 4 строчки — как эквивалент серии жестов. Что тебе стоит, а мне приятно. Хорошо информированные люди под влиянием плохо переведенных предложений в ужасно сложном мире сами не замечают, отчего разгораются глаза. Триумф этого животного. Без контекста слово воспринимается как лексика 17 века. Машинка превратилась в тормоз. Но почему так все засушено? Неважно по какому поводу, но слова звучали. Нет этого ощущения полета. Крылья опять сломались. Пятна черного чистого льда и полоса старого белого шершавого льда и заснеженный кусок гладкой дорожки и вот уж конек врезается в примерзший снег. Ветер дует в спину, звенит обломок льдинки, мчатся назад огороды, дома, деревья, кусты. Кто забыл, а кто и помнит. Временно. Остановка. Вот все. Ха-ха. А у вас? Такая же нелепость, как русская строчка, написанная на латинской машинке. Чем все это достигалось и какой ценой и сколько было усилий и к чему это привело и результатов как будто нет и все как бы с кем-то еще, ну совершенно бесполезно. Все это выражено в одной строчке о классическом образовании. У меня нет такого переплета. Он тоже работал над Фаустом и чувствовал себя Мефистофелем. Карандаш бы пренебрег.

23

ВРЕМЕННО. ОСТАНОВКА. ВОТ ВСЕ. Ха-ха. А у ВАС?

Карандаш бы ничего этого не взял и правильно сделал: тут и брать нечего. Удивительно было другое. Те же самые чувства уходили в механическую работу. Черная папка потеряла свою черную сущность. Удивительно другое. Те же самые чувства уходили на новых друзей. Классовая борьба на комфортабельном лайнере: люкс в 2 раза дороже 3 класса, жизни всего 12 дней, но сколько затаенной неприязни в одном молчании. Жив ли он сейчас? Его ли дочка — Марина Влади? Снится ли ему та широкая площадь, где — крой, Ванька, Бога нет? Стихи любезно предоставлены дочерью поэта. Многотиражка МГУ за 1986 год. 3 года назад я умер. От количества затраченных усилий это качество не зависит. Правильный был ход в том движении. Мысли врасплох на самом деле не были застигнуты врасплох. Они-то и составляют четвертую книгу. Хоть бы как-нибудь. Хоть бы приснилось. Хоть бы померещилось. С каким тяжелым напряженьем я проходил по темной улице. Помню слова в одной тетради. Хорошо, что они не сохранились. Дерзость и безнаказанность и молодой замах и чувство силы в плечах и твердый спортивный шаг — все это и вышло на одной странице, только слова были другие. Какой ты вывод из этого делаешь? Пора переходить на новые радости от чтения вслух чужих произведений на чужом языке. И чувств изнеженных отрада — в классовой борьбе против неприятного типа. А чего тут уметь, нужно только воздерживаться от недобрых слов и говорить приятные вещи и вообще. Кажись, это ясно? Испорчена такая цитата одним телефонным разговором. Чтоб я когда еще раз! Вот кому нужно позвонить.

24

Дирижировал САМОСУД. Вещи для себя создают нового человека. Не узнать старого знакомого. Не такой, не прежний, недоступный чистый гордый? Злой! Осторожный! Первое слово в этом рассказе. Красивые вещи создают нового человека. Подарки дешевле пианино или магнитофона не принимаются. Чтение Канта или Гегеля звучит как моя вещь — я купила — вот это вещь! Но Кэтрин Мэнсфильд, кроме этого междометия, наговорила еще и много слов. Они бледные, ладно, но все-таки слова. Разговорные интонации настраивают на собеседника. Они хороши только для чтения ученого текста. Пусть каждый прочтет по одной странице. Я не верю в то, что ходит по Москве. Вещи вокруг меня — это и билет во втором ряду партера. Мы стояли целую ночь за билетами в Большой театр, а потом я заснул во втором ряду партера. Дирижировал Самосуд. Самосуд — тоже междометие. Вот когда я сбагрю Моего Немца, я только этим и буду заниматься. Сбагрить — это в стиле баржи. Дом Бакуниных на Остоженке — это который без забора. И Тургенев жил тут же. И Гончаров учился. Из круга Бахтина, а раньше про Бахтина говорили: из круга Матвея Исаевича. У черновика особые ритмы. Я тоже так буду. Зачем перепечатывать, когда проще сфотографировать. Он теперь ничего не пишет. И в библиотеке тоже. Разве это можно? А кто заметит? Это же делается незаметно. У него теперь фотографическая память. Не 120 рублей, а 20 только и не он, а она. И паспорт она потеряла свой, а не его. Ты кого больше любишь: Юру или Ваву? Как мы читаем, вот о чем бы написать, только без фокусов, только правду. А чем мы ему заморачиваем голову?! Злейший враг достоин самого крупного шрифта.

25

Опера? Балет? «Красный мак»? «Чио Чио Сан»? Абсолютно пустое место. Но на правах «Анны Карениной» в следующем году: все рвались, целую ночь нужно было выстоять за билетами. Он много пишет. Где его почитать? Я хочу его почитать. Видно, что он только что сделал для себя это открытие и хочет со всеми поделиться, но адресует западному читателю, а для того это давным-давно не открытие. Кто читал Камю, тот не будет читать Синявского. А он читал и все равно ему понравилось. Первая книга, наоборот, разочаровала: голый натурализм и апология материально-телесного низа. Это их научил М.Бахтин так говорить. Богато живет академик у В.Шаламова, но дело в другом. К нему пришел как раз тот самый человек, который остался тем же самым человеком и именно поэтому отказался от себя прежнего, от себя, которым был. Чтение с машинкой. Список нелепостей. Одна страница помирила. Твое открытие ты и должен делать сам, иначе это будет чье-то еще открытие. 9 страниц из одной книги. Не понять, к чему все клонится. А эта работа увеличивает количество нейтральных слов вместо того, чтобы уменьшать. Латинский шрифт не терпит ерунды. Английская машинка знает дело. Почему КАРМАННЫЙ ФОРМАТ ТЕРЯЕТ СВОЮ КАРМАННУЮ СУЩНОСТЬ? Других забот не было. Машинка вредно действует: придает читабельный вид всякой ерунде. Вот это вывод. А разговор, как всегда, о политике и антиполитике. Пенисуальная зависть — это антиполитика. Но до каких степеней опупения надо дойти, чтобы написать такой доклад. Лучше не срамиться. Сидел бы, молчал бы, как молчал 20 лет. Читал бы свои лекции, никто бы и не знал, что есть такое имя на мировой арене. Впрочем, даже тут один фактический материал может перевернуть всю концепцию. Если он сделал под Эжена Ионеско.

26

Все это уже потеряло свою ценность. Занесло меня в переулки этой улицы, и я ходил там, не знаю за чем. Еще тягостней была старая задача, которая обернулась ошибкой. Пробежал 1000 метров, результаты вот какие. Это просто наваждение. Такая страница внушает ужас. Из белой бумаги рождается что-то. Рука чертит привычные линии. Но есть и просто испорченная бумага. Одна картина светилась самыми яркими красками. Все это можно переделать. Не подумал об этом, не подумал. Жалкое зрелище. Что там так привлекало? Не по своей воле я туда возвратился. Неужели там ничего не было? Я знаю, что ничего не выйдет, но мне это зачем-то нужно, и я буду. Я знаю, что никому нельзя показать, я и не буду показывать, но на какую-то минуту это будет существовать. Пусть так будет. Жалкий результат пусть вас не тревожит. А вы сидите и рисуйте. Better twaddle than nothing at all. Etwas Andres getan hatte. Etwas Anderes. But I want them to be read with my own intonation. Then read them yourself. But I want to hear my own voice. I'm sick and tired to hear somebody else's voices. Then do it yourself. Единственно, что было понятно, — это то, что все было непонятно. На этом можно было и остановиться.

27

Опять он будет распоясываться. Ни за что б не написал, если бы не на машинке. Но ведь подумал. Да, ну и что? Значит машинка берет глубже. Значит машинка захватывает всякое жито. Это жутко как получается. В особенности с четвертованием. Да и с казнью у Камю то же. А то вдруг как будто ты еще не сдал кучу экзаменов, и все это еще предстоит. Там в воздухе летали тысячи страниц. Но я боялся их трогать и в них входить. Этот-то зачем тебе понадобился? Мы сводим старые счеты. Мы никак не можем забыть старые обиды. Но он действительно распоясывается при первой же возможности. Положи локти на стол. Метонимия еще лучше в черновике. Но что из этого получается, мы видели. Случайный захват. Рассказ старого художника о старом писателе. Все, что написано и столько раз, сколько написано. Вот какой читатель нам нужен. А сами мы крутим носом. Это я не буду читать. Я лучше оценю это слишком высоко, но читать не буду. Я лучше подниму на щит спущенный флаг, но читать не буду. Что он там про машинку писал? Они шли мимо «Анны» Ренуара, а я был около Гогена. А подошли и заслонили мы действительно «А-а, ты ревнуешь?» Вот так же и все остальное. Ошибка как будто незначительная, но одно слово про замминистра все переворачивает. А зачем он все-таки, гад, мне царский гривенник сует? И этого не будет. Да, странная вещь — внезапный жест. У него своя логика. Ладно, один раз в три недели, почему бы нет? Об этих свойствах тоже никому не расскажешь. Как все меняется оттого, что глаза не видят. А еще больше от исчерпанности. Я почему-то забыл, что батальонный Энгельс тоже из той когорты. Играли в «сексти секс», так по-американски звучит 66.

28

Чайка немножко просветлила, но вдруг опять темно. Я занимаюсь ерундой, а утешают слова Кэтрин Мэнсфилд. Куда тебя ведет латинский шрифт, это жутко подумать. Тоже не выход. Но величайшее удовольствие человек испытывал именно от этих рисунков. Хм. А показать нечего. Out of sight, out of mind. Как все было бы хорошо, если бы все было хорошо. Я забыл веселый поезд. Да и не это мне было нужно сказать, совсем не это. Оттого что он видел первые страницы, мне теперь противно смотреть на все остальное. Что бы это значило? А если поставить рядом с тем, что хотелось, так и вовсе будет что-то несусветное. И не понятно почему. Поставить рядом все-таки надо и сделать все как было задумано тоже, потому что все равно неизвестно что это такое. От этой картины мало проку. Я ее вижу. Мне приятно на нее смотреть. Но слова, которые возникают, никуда не годятся. Но слова жуткие. Так вот к чему все сводится? Я не знаю, к чему там все сводится, но слова там были бешеные. Нельзя сделать ни одного естественного жеста. Все движения на учете. Толки были разные. Ни одного б слова, ни одного. Какой тут толк, спросите вы. А тут и нет никакого толку. И смысла нет в звезде. Вот когда в звезде нет смысла, тогда и говорить не о чем. Я Г Е Г. Так этим же ничего не сказано. Это было 20 раз, и каждый раз по-разному. И каждый раз это значило что-то еще. Абсолютно бессмысленная фраза. Но ее приятно увидеть на бумаге. Но ее радостно прочитать. Это правда.

29

Милые мои мозговые извилины, да не думайте вы о том, что вы заедаете чьи-то жизнь! Тот же самый котелок с рыбой. Обожаю этих людей. Они любят делиться замыслами. Они внушают уважение одними своими планами. Вот его подпись. Вот его портрет. Тут замахи на всю жизнь. Напрасно не обратил внимания. Вот когда ему будет 46 или 47, тогда мы и поговорим. Ваши заботы имеют значение только для вас, но для вас они важней всех тревог мира. Из вежливости мы слушаем вас, но дать понять это не вежливо и поэтому вы не замечаете, что вас слушают из вежливости. Но мы же не можем не злоупотреблять. 3.1.67 Мария Магдалина и Миролюбивый Мангуст. ГБ с маленькой буквы — это говенная баба, а не блядь и не безопасность. То, что вы видели в углу. Не зная Бродского, не суйся в Водкина. Петрова-Водкина я имею в виду. Это как 106 страниц из чужих старых книг: долой маленького брата. Последний гусар куда-то исчез. Тоже пока чужая торба. А все зависит от количества бешеных денег в кармане. Увы! Колченогая стрела из чужого колчана до сих пор мне мерещится в темноте. Тревожит шуршание счетчика. Так и не нашел. И окружения у старой стенограммы не нашел. А его поражает только берлинское разговорное «е-е-бен» «унд айнйебунден». Мама любила повторять: читаешь, читаешь длинное придаточное предложение на полстраницы, все понятно, а потом на конце вдруг «нихьт гехабт хат». Значит все наоборот.

Считанные дни

1

23.5.67
ТАК ВОТ И НАДО С ПЯТОГО НА ДЕСЯТОЕ.
К вопросу о втором «я». Второе Я. Третье, четвертое, пятое. Иначе не успеешь. Не успеешь. И не успею. Думаешь, много осталось жить? Считанные дни. А думать — и того меньше. А мыслить — еще меньше. А писать — еще меньше.

Все это мне нужно, как рыбная ловля удочкой с вертолета на персональном озере. Вот тут они и встретились. Мистер Уайнот и товарищ Почемубынет. Мсье Пуркуапа был в стороне. Я тоже. Не было слов. Не было множества картин. Было ужасное чувство и жуткое ощущение: мозговые извилины прилипли к черепу. Смешно. Все время одно и то же. Но без этого было бы смешней. От имени кузнеца про молотобойца. Жутко было бы. Стиль остался бы. Так тоже получался характер. Рыбку делал. А ты знаешь, что у него одна нога короче другой? Не заметил? Но это же заметно, как он выходит к доске. Только ты об этом никому не говори. А ты знаешь, у нее с ним роман. И он ее возил в лес на велосипеде. Жена, наверно, не знает. Но она к ней хорошо относится. Только ты об этом никому не говори. Это такая тайна. Это похлеще измены. Тут почти уголовное дело. Впрочем, нет. Это уж было потом и в другой школе и с другим учителем.

Еще не научились читать энциклопедии, а уж примеривались, как бы туда попасть. Пушкин, Платон, Переверзев, Поспелов. Видал? Оказывается, достаточно быть доцентом московских вузов, и ты уже попал в энциклопедию. Рядом с Платоном и Аристотелем.

2

Я забыл, что я уже шуровал в черновиках и все самое интересное оттуда уже выудил. Беда с этой старой тенограммой. Конечно, Пушкина и Платона мы не видали. Но Переверзева и Поспелова — сколько угодно. Такие же люди, как и мы. Я до сих пор не знаю, как влияет чтение на писание. Беспорядочное или случайное чтение на те слова, которые вдруг тебе хочется отстучать на машинке. Иногда кажется, что все это — только перевод, не больше. А мне как раз и дорого то время, когда пускался на дебют. Вот пошел еще один «я». Тот «я», которым я был — сколько лет назад? Пожалуй, лет 30. Если ему 17, значит ровно 32 года. Много ли осталось жить? 20 лет? 10 лет? Один год? Постоянно кажется, что впереди вечность. А на самом деле, считанные дни. Никаких выводов не надо делать. Живи, как ты жил до сих пор. Сиди и жди. Сиди и жди. Конечно, по сравнению с такой пустотой тут намек и целая история. Раньше нужно было воспитывать, когда они еще не знали, что их воспитывают. Есть о чем задуматься. Но попробуй остановиться на этом, вырежи и приклей, и через 2 дня будет еще один засмотренный ракурс. Будем читать вслух. Ничем не хуже всего остального. Ничем не хуже. Прожектер — откуда? Плановик из Лукрая. Вон где его Лукоморье. Она соскучилась по слонопотамам. Ах как я ее хорошо понимаю! А кто у вас написал «Мухес, мухес И ТАК ДАЛЕЕ»? Не знаю, чей это почерк. Не знаю. Да мало ли кто мог? Скорее всего из тех, кто общается с АУЮР. Это его школа. Это его манера. Это его стиль. А мой стиль — это горестное недоумение и интонация задумчивости.

3

Горестное недоумение сменилось веселостью, но лексика та же, и это ограничивает: это вообще чужой характер. С этого и надо было начинать. А никто и не собирался надрываться. О надрыве тут и речи быть не может при таком благодушии и самодовольстве. Человек думал, что он надрывается, а впечатление претенциозности. Ведь это все для узкого круга. Это мне чуждо. Это мне не нужно. Мужик перекрестился. Широкие круги — это я. Я — это тираж 150 000. Но еще хуже прозвучало бы «мы». С этим местоимением неразлучны зловещие интонации. Мы вас предупреждали, но вы ничего не поняли. Мы с ним беседовали, но он ничего не понял. Высокая болезнь. Вакансия поэта. Странно, что тогда мы понимали то же самое несколько иначе. Мы думали, что нас это не касается. Мы думали, смерть героя — это не про нас. Опять вы принимаете ПП за ВЧ: у ПП таких ВЧ — на каждом повороте, и он меньших не держит. Вот так. Цикута. Опять цикута. Я другой такой звезды не знаю, где так больно обижает век. Вы не знаете, а мы знаем. Расскажите поподробней. Когда приезжаешь из Италии, хочется говорить только через «Неделю» и так далее. Виталия покоробило.

4

Но он, гад, дал понять! Хотя на самом деле ничего не сказал. Я не знал, что одна улыбка может так задеть человека. А смех вообще воспринимается, как будто его облаяли матом. Как он вообще реагирует на чужой мат? Никогда не видел. Ни разу не слышал. Нога в ногу, нога в ногу и еще раз нога в ногу. А что он все-таки сказал? Они говорили все время про какую-то женщину. Она, она, она. Дурак, Свобода, Россия, Партия, Диктатура — все это ОНА. Цикута — тоже женского рода. А тут речь шла о каком-то яде. Три женщины в его жизни: я ищу безупречную. Так и начинается один бессмертный документ под номером 23. Документ на одном листе линованной бумаги, исполненный синими чернилами, начинается словами «Я ищу безупречную» и кончается «виноват ИЗМ». У Катаева был «дороговизм», который он хотел приписать Бабелю. Такой яростной апологетики «мовизма» никто не ожидал от личного недруга Валентина Катаева: он принял все всерьез. Ну пошутил один раз, ну еще раз, а потом оказалось это для него не шутка. Ему очень хотелось выдумать еще один «изм». Мовизм, товарищи, — не идиотизм, а революционная теория международного Ангела Смерти.

5

Хоть бы раз попробовал писать о том, в чем он ничего не понимает. Хоть бы раз. Была бы зеленая папка, был бы еще один просто подарок. Впрочем, был еще один, но он его законсервировал. Не он особой чистоты, не ОН. Ты у нас самый благородный. Не Сирано сказал, не Бержерак. А так и я умею. А вот он может и НИКАК. А вот вы не утерпите, чтобы КАК-Нибудь когда-нибудь не «уж как-нибудь!» Общее впечатление — весело поговорили и, в общем, друг друга поняли. Но потом пытаешься вспомнить, а о чем шла речь, а что именно он сказал, и ничего нельзя вспомнить. Такой разговор. Откуда они взяли «извращенность»? Какой же это буквализм? Это называется отсебятина, а не буквализм. А разве нельзя избежать этих двух крайностей? Вот когда мы с тобой будем переводить, мы избежим. Я прочитал 12-ю страницу «Сюр-хода». Если бы за каждой фразой стояла где-то написанная глава, тогда конечно. А так — только память о двух разговорах за чашечкой кофе. Вот вам пример — ББ. Он пишет обо всем, и у него никогда не поймешь, а в чем он, собственно, разбирается. Он во всем разбирается. Вы вот почитайте его трактат о диалектике, опубликованный в журнале «Коммунист» против Сталина.

6

(или Этого)

Правительство Того издало указ о регистрации пишущих машинок. Где Того? Там было 2 президента. И 3 пишущих машинки. Он сегодня узкий специалист по неясным вопросам одного года от 12 февраля до 25 октября. 6 июля был кризис. Нет, это было в следующем году. Задавайте вопросы. Вы учились вместе с Рильке? Тут пошли веселые рассказы про Софью. Они очень удивляются, что русские не празднуют Методия. Это чужая Чечилия. В следующий раз это будет Цеце— нет, Кекилия. Для меня это запретная зона. Его тетка училась вместе с Светланой Сталиной. Партвзносы платила за 300 рублей: значит персональная пенсия. Пенсионер районного значения улыбнулся. Так чей же он был человек? Об этом они ничего не сказали. Сол Беллоу, Норман Мэйлер, Джон Апдайк — три последние подписи. Всем известно, что «мао-дуси» значит «председатель Мао». 15 000 иероглифов остались на чьей-то совести. Она что, не знает моей фамилии? Они все пишут загадочно, а я должна догадываться. А я думала, он в Кеми. Слишком веселое настроение. Вот когда на кухне горело, в это время все и произошло. Когда нас не будет тут? Я по поводу реконструкции.

7

Загадка новизны тут решалась просто. Кислое вино, накладываясь на забытую ленту, заполняло пустые места дайджестом по предыдущим текстам. Но эти дайджесты были не дайджесты, а рисунки по памяти. Контуры на потолке были уничтожены хозяйкой дома. Чтобы не было никаких напоминаний. Разве он плохой художник? Вот Леня Невлер — хороший художник. Его фрески остались и охраняются государством. Государство в этом доме называется Вика. Я сам только через 7 лет понял, что речь идет не о Вике, а о Виктории Викторовне. Так это она спасалась от Аквината? А мне сказали: скрывается от мамы. Так называемый Валентин Катаев, так называемая Трава Забвения. Теперь все убедились, что он не еврей. Он падишах. Не с кем поговорить о смерти героя. Значит надо читать? Не надо читать. А как же тогда говорить? Не надо говорить. Снимается кино — опять запретная зона. И как всегда вертится на языке то, о чем тебя просили никому не говорить. Теперь, когда сняты запреты, тема потеряла актуальность. При таком знакомстве 7 лет будешь делать открытия. Самое важное я узнаю через 7 лет. А мы думали, что это все знают. Но это же всем известно. «Оглашенная» — название романа Достоевского. Жаль, что вы не читали. А это всем известно.

8

Он был как выпад на рапире. Надоело переводить с цветаевского. Книга о Юрии Олеше — удар не по Олеше, а по Катаеву. Но есть же и наивный читатель у «Травы забвения». Он просто не в курсе личных подтекстов и читает себе «Новый мир» как «Чертогон» или «Жидовскую кувырколлегию». Все вранье. Гад, гад, гад. Значит нужно читать, если все кругом только об этом и говорят? Хочу все знать. Один позабытый рассказ Нормана Мэйлера вспомнился на этом месте. Один застольный спич Л. Робота проиграл и прошел стороной. У них такие события. Режущие ритмы заставляют облизывать губы. Посредине лета высыхают трубы. Надоело переводить с американского. Нет. Нет. Жутко бесит та мысль, что невольно переводишь с американского и даже сам не замечаешь, как и когда это получается. Если так, я могу просто взять цитаты. А если вдруг все-таки не так? Вот и обидно. То есть как это — Хайдеггера никто не читал? А Жан-Поль Сартр? А Симона де Бовуар? Я уж не говорю про Валю Чемберджи. Что-то не так в ее горькой судьбе. У нее жесты Фэнни, но работает она, несомненно, как Элизабет. Но мы видели 2 тома, и я сам попросил позволения подержать их в руках.

9

Ненаписанная новелла Стефана Цвейга. Ты забыл, что написал «Шахматную новеллу». Ты помнишь только 24 часа из жизни одной женщины. Ты забыл, что твой долг — выстоять до конца и рассказать об этом. Тебе никто больше не пришлет такое письмо, которое нужно только переписать, чтобы была еще одна новелла. Ты всем на свете побежден, и только в том твоя победа. Женщина, безумие в одиночке, грани ума и сила слова, чужой язык, страна изгнания и «выхода нет» — вот что такое Южная Америка. Люди и звери. Но сил нет. Но где взять сил? Шахматы означали успокоение. Больше того. Единственный выход из положения. Единственный способ сохранить себя. Я заметил, что мои восторги холодно воспринимаются. Тайная враждебность: и что она в нем нашла? Не восторги, а эмоциональная взволнованность — просто стиль речи. Но нам непонятна чужая взволнованность, потому что нам нужна информация и логика. Никто не знал, что так строится новое прошлое. Практически, никто не огорчен, когда умная женщина отсутствует. Не такой она хотела реакции на самосожженца. А нас занимает то, что так и не было написано в Южной Америке. Загнулись осетровые рыбы. Зато великая электрическая держава: чем-то надо жертвовать. Мы жертвуем паюсной икрой. Они жертвуют справедливостью.

10

Цикуту так и не нашел. Чем слабее мотор, тем быстрее машина едет, но это уж зависит от водителя или владельца. Над этой загадкой любил размышлять Илья Ильф. Вот у кого точные слова. Их можно цитировать без кавычек. Надо их только найти. А найти труднее, чем самому сказать первые попавшиеся и, в общем-то, случайные слова. Но лучше случайные слова, чем никаких. Как много тяжелых и на половину пустых страниц написано только из-за этого. Как он читает диссертации. Академик. Как вы читаете чужие стихи: последнюю строчку, первую и рифмы. Даже таких поэтов, которые и понятия не имеют о том, что стихотворение пишется из-за последней строчки, которая приходит первой. А он вот пишет поэмы. Он не Тютчев, он другой. Меня беспокоит переписка Стефана Цвейга. Он не имел права умирать. Это была ошибка. Чортов дурак, неужели он не знал, что нужно только терпеливо ждать? Тем более, тянуть за собой в смерть жену. Ну это уж ее дело. А она должна была его убедить, что не всегда так будет, невсегда! Все равно. И выстрел из двух стволов — тоже нарушение своего собственного завета. Какой ценой все это достается — возможность напечататься в 67 году в новом мире. Из-за этого и весь сыр бор. Считанные дни — и у автора «Травы забвения», но это почему-то никого не беспокоит. Таких легион. Тьма тьмущая.

11

стр.142
Родственники — ужасны: они отнюдь не повышают вашего интереса к жизни и воображают, будто им дано право вечно вмешиваться в ваши дела.

p.160
«Relatives are awful — they contribute absolutely nothing to your interest in life, and think that gives them a perpetual right to interfere in your affairs».

стр.240
Мне наплевать на ваши идеалы; несомненно, они ни к чорту не годятся. Но я знаю, что вы первые настоящие мужчины, каких пришлось мне увидеть. Я готов поклясться, что вы лучше, чем женщины и полумужчины, и я предпочту умереть с вами, чем жить в мире, откуда вы ушли.

p.272
I don't care a damn what your cause is — it's almost certainly a fully rotten one. But I do know you're the first rea1 men I've looked upon. I swear you're better than the women and the half-men, and by God I swear I'll die with you rather than live in a world without you.

стр.272
Вместо напряженной радости, какую давали ему красота и мысль, он искал теперь примитивных развлечений.

p.308
He came to want common amusements in place of the intense joy he had felt in beauty and thought.

12

стр.130
Каждый бедный служитель искусства и интеллигент ищет женщину, которая бы его содержала.

p.146
Every poor artist and intellectual is looking for a woman to keep him.

стр.117
Что касается его побед, то на эту тему он галантно и, может быть, по необходимости молчал, но всегда готов был поговорить о любви и дать утонченный эротический совет, который всякого, кому случалось лежать с женщиной, наводил на мысль, что м-р Опджон в лучшем случае мямля и, пожалуй, еще девственник.

p.132
While gallantly and probably necessarily discreet as to his conquests, he was always prepared to talk about love, and to give subtle erotic advice, which led any man who had actually lain with a woman to suspect that Mr.Upjohn was at best a fumbler and probably still a virgin.

стр.62
Ребенок, тянувший ее сосцы, доставлял ей физическое удовлетворение, в тысячу раз более острое и утонченное, чем неуклюжие ласки Джорджа-Огестуса.

p. 78
The child tugging at her nipples gave her a physical satisfaction a thousand times more acute and exquisite than the clumsy caresses of George Augustus.

13

ПЕРЕВОД КРИВЦОВОЙ И ЛАННА

СМЕРТЬ ГЕРОЯ, Москва 1935

Я листал эти страницы под зимний пейзаж. Странное дело. Этот перевод или не этот? Нет, не этот. А может, этот. Да, возможно, этот. Нет, не этот. Когда дошел до «туше», убедился окончательно, что мы читали «Смерть» по-русски в другом переводе. Странное впечатление — эта книга на этой станции. Если вы хотите меня назвать по имени, то я — Михаил, а не Виктор. Сейчас вам будет смешно. Увы, мне не было смешно. Ах, вы уже успели про «Смерть героя» поговорить. 2 месяца лежит книга в этом доме, и ее никто не раскрывал. Можете взять и не только на 3 дня, но и больше. Дарственная надпись: не могу никому подарить. И всем буду так говорить. «Тушэ» — музыкальный термин, проверил бы по музыкальному словарю. Что в точности означает «ассонанс»? У нас приемный день — суббота! ЖВЧ, вы принимаете ПП за кого-то еще: вы забываете, что у ПП таких ВЧ — на каждом повороте: и меньших не держим. Иди ко мне. Почему при электрическом освещении?

14

р и т у а л

SCRIBBLEDEHOBBLE

Самое вредное из всего, что могло придти в голову, — это такой вывод. Раз некому рассказать об этом, значит и не надо об этом рассказывать. На этом и была запятая в мутной воде у Черного моря. Из-за этого же и многое пропало из написанного у Балтийского моря. Сколько вреда принесла эта мысль. Желание написать рассказ для хорошего человека. А хороший человек, прочитав о хорошем человеке, отобьет тебе охоту писать правду. Вот почему замысел был лучше результата у Полоски Цветной Бумаги. А тут все построено на предательстве. Коварная женщина тоже просит рассказать о том, какая она умница и какая она красивая. Я проснулся с новым отношением к оксфордской лексике. Он мне испортил «Чертогон». Он мне испортил «Жидовскую кувыркколлегию». Да, он прочитал самое ударное место, но я остался недоволен чужими интонациями. Один «Оском» — первые 4 страницы — идет под коричневую ленту. Хуже всего, «Озеро» — ни туда, ни сюда: отошло от работы на каждый день, но не пришло под 106 страниц в кармане. Тупик, путаница, писанина в беспорядке, спотыкание, черновик, мура — вот что такое scribbledehobble.
21.5.67

RITUAL

15

КТО КРУПНО ГОРИТ НА ЭТОМ ДЕЛЕ?

Любопытно проследить отношение к чужой лексике на всех этапах работы с английской машинкой. Озеро в жаркий день. Лодка, велосипед, книга на пляже.

С железной силой пробивается зелень сквозь асфальт. Просто разворачивает. Может, это не трава, может, это дерево? Все равно, речь идет о стебельках, о мягких листочках, которые пробиваются на свет божий через камень.

Вот теперь бы я ему написал кое-что. А тогда? Ну что я знал тогда? Не было же никаких оснований считать его ни цзаофанем ни хунвэйбином. Жалко. В утешение могу сказать, что эти 24 тетради написаны за 4 дня. Не велика потеря. А вам все равно интересней всего было бы читать дайджест под стилистику протокола обыска. А казалось, я знал этого человека. А казалось, ему важна мистическая благодать одного немецкого писателя. Я не принял всерьез то заявление, что Марк Твэн звучит в некоторых местах мистически. При желании мистику можно найти и в кратком курсе. Не придал значения и разговору о книге номер один. Запечатайте на 10 лет и забудьте, если вам так неприятно. Запечатал. Забыл.

В это лето на озере Селигер мы ловили красноперку и окуней удочкой с вертолета. Однажды с нами был такой случай. Об этом рассказал писатель Росляков в «Москве».

Давно б мои ребра летели, как щепки. За крупные купюры ему заплатили мелкими купюрами, но, по их понятиям, купюры были тоже мелкие. Подумаешь, 9 строчек в одном месте и 2 слова в другом месте. Старая баллада на вечно новый сюжет.

16

ЛОШАДЬ У ОЗЕРА

Что я с чем перепутал? Нужно вспомнить, ЧТО перепутал, а потом найти С ЧЕМ.

Странно читать книгу из Оксфорда: какая богатая и удивительная страна — СССР, какие хорошие и удивительные люди — русские и какой великий и удивительный город — Москва. Впрочем, это похвала главным образом себе. Русские похожи на нас, англичан, тогда как грузины, например, или армяне похожи скорее на итальянцев и греков. Было бы ошибкой Сталина считать типичным грузином, нет, совсем нет: Джугашвили — типичный тиран, восточный деспот, больной человек.

Эту книгу можно было читать в 1935 году, а мы читали «Диалектический материализм» и «Дневник Кости Рябцева». Впрочем, нам казалось, что смерть героя никакого отношения к нам не имеет. Скорее, жизнь Чернышевского или статьи Писарева.

Красный телефон? Не помню. А что? Чем он вас так поразил? Жалко, что вы не читали «Цикуту». Я б хотел узнать все про цикуту. Хотел разрезать, хотел вырезать, хотел уничтожить: уж больно отдавало в печенки на следующий день. А на следующий день равнодушным взглядом скользнул по странице и решил: плохо написано, не читается, но и резать нечего. Или так оставить или все выбросить. П о д в о д о ч к у и это пройдет.

«Достоевский» уходит в Бухту Радости. Черная папка расплевалась с красным телефоном. Есть что-то подозрительное в этой готовности идти навстречу. Пожалуй, работа над новым стилистическим приемом, но не больше.

17

ФИЕСТА

Меня бесит другое: сам же сказал, сам же и нарушил свои заветы. Сказал и забыл. А когда это могло помочь решить проблему, никто уж не мог вспомнить. А я что говорил. Должен же жить хоть один человек, который сможет всех потом упрекнуть: а я что говорил? Вот за это мы ее и любили. Не вижу перехода. Начинается

ПЕРЕЛИВАНИЕ ИЗ ПУСТОГО
В ПОРОЖНЕЕ:
все это уже написано.
Я ТОЛЬКО НЕ ЗНАЮ ГДЕ

Одно стихотворение про цепочку: я потяну за собой цепочку. А другое про что? Про что-то неопределенное. С одного чтения ничего не остается. Не считая ощущения прекрасной поэзии, не считая. Угроза миновала. Такой опасности и не было. Но она существовала в ее мозговых извилинах, и для реальности жизни в тот день этого было более чем достаточно. Волны, струны, шмотки, пакты. Мелькнул эпитет «хамская что-то такое» из письма в «Новый мир». Как это так — не ответит? Как это так — и читать не будет? Мы сдали ответственному секретарю под расписку.

Ваше знакомство с веселеньким новым миром только начинается. Хорошо с ним поговорили. Указали ему его место. Хорошо. Она тоже сама — и солдат и великий полководец, а то еще откуда дождешься высшей награды для солдата. Еще чего. Вот еще. Мне это нужно, КАК РЫБНАЯ ЛОВЛЯ С ВЕРТОЛЕТА.

Озеро в жаркий день. Босиком голыми подошвами по горячей траве пройти еще раз. Снять рубашку и в одних трусах посидеть на лодке. Не забыть соломенную шляпу. Столько было устных рассказов про голавля в Щелыково, что не написано ни одной страницы.

18

ФИЕСТА

THE DANGER OF REAL FEELING
ПОЧЕМУ НЕТ СИГНАЛОВ ИЗ КОСМОСА? НО МНЕ НЕ НУЖНА ФИЕСТА ОТ 4 ДО 5!

Ну они считают, что люди имеют право знать, что происходит. The danger of rea1 feeling? Ну эта опасность ей никогда не угрожала. То, что она не дала вам свой телефон, имеет значение только для Юрия Яковлева. Все это на общих основаниях с «Муж Извицкой пропивает 4 000 в месяц». Разговор был на старые деньги. Вот где место для цитаты: обожаю актеров, голос Барбары Крафтувны, слова Казимежа Брандыса. Но мне нельзя пить

и сухое вино! Я реву	Тут	
все время. Максимум	можно	А я с Вами
был — сколько раз?	и	до конца
Но я с вами не до К О!	вклеить.	ОТКРОВЕНЕ

Такой интенсивности текст не достигал со времени «Травы». Почему я разлюбил Феликса Круля? Смешно! Но я его увидел после «Далеко от Москвы», и он мне — из окна такси на этой площади! — показался родным человеком. Но ведь соната была написана не для него. А кислое вино на его счет сидит в печенках. Вот с этого и надо было начинать. Там такой размах. Не будем мешать такому размаху.

ДЕДУШКА! дай мне посидеть за твоей машинкой, я тебе напишу «На полпути к Туманности Андромеды».

Это что, ему в Б. показали то дерево — дуб или тополь, липу или каштан, он в этом не разбирается — на котором кверху ногами вы — сами — понимаете.

Тут у ВАС хорошо.
КОМАРЫ НЕ КУСАЮТ.

19

КРАСНЫЙ ТЕЛЕФОН
был предназначен для разрезки
30.4.67

(как всякая попытка написать дайджест, не имея перед глазами всей книги)

ЕСЛИ от меня вы услышите другие слова, значит я поддался дьявольской силе и не смог преодолеть человеческую слабость.

ОПЯТЬ НЕ ТО.

Не те слова, не та музыка, не те картины.

Ваше знакомство с веселеньким новым миром только начинается. Он еще себя покажет, Никита Моргунок из страны Муравии.

Мне стыдно за тебя, что У ТЕБЯ такой знакомый писатель.

К чему бы ни при/д/цепиться, лишь бы доказать, что серый на Серого не похож. При этом затрагивается старый библейский вопрос: «Разве я сторож брату моему?» И ежли складно ето выразишь, то и на том табе спасибо.

Объявление начинается словами «Уставший от обожания и невозможный вообще гений». Дьявольский хохот заглушает следующие за этим слова.

Почему-то не работает зимний пейзаж.

Мы 4 часа пролежали в постели и обо всем поговорили. У нее теперь сложилась новая модель МЕНЯ.

Всякая скотина имеет право жить, но некоторые еще и живут. Вот окончательная формулировка трактата «Акты, пакты и факты».

20

Сидел и раздирал на куски страницы собственной книги. Слова «хитрый и умный враг» были сказаны в другом месте. Я не знал, что у меня такие хорошие страницы написаны. Но мне никто об этом не говорил. Как же, дождешься! Почаще бы она приходила. Приходимая крошка — такая мысль. Фиеста будет в другом месте. Тут нет места для фиесты. Теория диктатуры в литературе. Литературоведение — самая важная теория. Помогла она тебе выдержать удары подкованного сапога по ребрам? Тебя опять уносят на носилках. Саблинское издание Марселя Пруста — такие тонкие изящные томики. Эй ты там, реви потише, ты тут не один! А вам не приходит в голову, что без вас советская россия не была бы Советской Россией? Они организовали 4 выставки, но мы же ни одной не видели. Опять та же история «Внутренняя тема и пикирующий бомбардировщик». Где ж ты была раньше? Куда ж ты исчезла? Где ж ты пропала? Почему ТЕБЯ никогда НЕТ, когда ты больше всего требуешься? Нет передачи мыслей на расстояние. Заклинания не действуют. Магический аспект не состоялся. Он еще не волшебник, он только учится. Сколько можно учиться? Считанные дни остались жить, а он все учится. Не такая уж цикута. Не вижу волшебного слова. Ты — мама — волшебница.

21

Выброшенные 2 страницы — как всегда, самое интересное. Но эти две страницы ни в какие ворота не лезут. Хорошо хоть не порвал. А надо было. Сгорит все равно.

Подтекст

1

Нулевой читатель, он же герой. Но как он стал со мной разговаривать. Это не важно, что на Вы. Он меня вдруг спросил да еще в присутствии кого, если бы вы знали! — Вы видали когда-нибудь стриптиз? Вопрос прозвучал с такими примерно интонациями: вы отстали от жизни, вы даже не видели мою маму голой, а еще говорите! Не будем называть имен. Хунвэйбинка все-таки — да ну, не надо! — может вдруг понять идейного противника, но ЭТА? Я просто сожалею по поводу деградации вкуса, изменять такой женщине! Вот именно. Вы правильно вспомнили. Это что. Если бы вы знали, как он себя вел в районе голубых шортов на тахте у торшера! Эгоисты! — сказала она и этим ограничилась, но потом ей все понравилось. Никто ж не читал «Наблюдателя», никто ж этого не помнит. А это письмо придумал Валерий Тарсис. Тогда тем более. Я видел ее в «Экране», мне не захотелось ей написать. Одни имена еще ничего не значат. Если он пишет без точки с запятой, это тоже еще ничего не значит. А значит ТО — вы сами знаете что. Триумф разговорной интонации, не больше. Странно, что это тогда имело значение. Даже Юрий Казаков мало читает Юрия Казакова. Еще 2 года прошло. Ни ответа ни привета. Неужели? Я же не могу предположить ЧТО. Дело в том ЧТО. Глаза потускнели, прозы совсем нет, а интонации сохранились, Ну и что? Я и не собираюсь звонить. С меня хватит ОДНОЙ в театре Вахтангова. Так он же ничего не имел в виду, какая же может быть речь о подтексте. Вот Хаксли написал «Обезьяну и сущность» — вот это, я понимаю, подтекст. Подтекст у романа «Гений и богиня». Но опять же мы до сих пор не знаем, что это значит.

2

Цитируете себя за 7 лет работы? Это что! Вот если бы вы цитировали себя за вчерашний день или хотя бы за последний год или ХОТЯ БЫ! Это что, я лучшего друга не увижу, по крайней мере, 7 лет, — и то терплю, а вы слишком торопитесь. Нет, Вы скажите, кто ВЫ? Я абстрактный артист. Я так и угадала по бороде. А вы всегда так и делайте: по бороде угадывайте. Единственная особенность, которую я заметил у всех, которых вы можете назвать по имени, — это то, что называется старым словом неологизм, и только! «Комунноид занэпствует» у Андрея Белого или «ри-формикейшн» у Джойса ИЛИ. А во всем остальном никакой разницы. Бабель больше отличается от Бабаевского, чем Марсель Пруст от Константина Симонова. А подтекст мы узнали из писем Казакевича, но кто мог подумать, что ему нехватало лавров и положения Фадеева или Ставского? Еврейский мальчик писал стихи на еврейском языке (Анна Караваева), а теперь вполне настоящий советский писатель. Михаил Светлов: а может Вы тоже начнете писать еврейские стихи, а? Вот это — я понимаю — ПОДТЕКСТ. Но для этого надо быть умнейшим человеком! Повтор сильнее всего разработан у Гертруды Стайн, но у нее же нет подтекста! Краткость и лаконичность Хемингуэя в романах ничем не отличается от подтекста Эренбурга, то есть ни у того ни у другого в романах подтекста НЕТ. Тогда у кого есть? У Владимира Соловьева есть. У Бертрана Рассела есть. У Юрия Казакова есть. У Пастернака был, но мы об этом поздно узнали. А разве Булгаков по-французски? Балашов по-французски — да. «Собачье счастье» не читал, не знаю.

3

Мечта нас не обманула, ничего подобного. Если уж на то пошло, это мы обманули мечту. Мы ее обманули, а? А она нас, а? Я не подсказываю мысль, я развиваю направление. «Черная книжечка» Арта Бухвальда — тот тонкий пустячок, что нежно мимолетно у Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник. Танечка-душечка сидела на коленях не только у профессора Бугаева. Борик все помнит, Борик ничего не забывает. Борик помнит всю эпопею своего собственного Я от зачатья до рождения. А вот Алик не может написать такой книги. «Мост № 2» (с датой 6.4.67) тем и хорош, что он про себя веселый, а вслух довольно грустный. Я бы сказал, совсем не веселая история. Он облизнулся. Да, она заметила. Он осекся. Да, вы заметили. Вы когда-нибудь видели С   ? Среди наших общих знакомых — нет, но я надеюсь. Все-таки ничего не сказал и то слава богу. Мог бы и ляпнуть что-нибудь такое. Ей-то что, она как крапчатый мустанг, которому не понять всадника без головы. Полный да еще и логический параллелизм требовался тогда вместе с юношеским максимализмом. Юношеский, мальчишеский, он же и сатанинский. Повтор импонирует, но слово «подтекст» настолько замызгано ЧТО! Тогда самый великий современный писатель с подтекстом — Сергей Михалков.

4

Нужен венский вальс. Да, он-то помнит. Хороша Вена. До сих пор в ушах звенит. А мне их не показывали. Все ухнет. И вам не в первый раз. Я вас буду любить, а мы их будем презирать. С вашим экстерьером да в таком интерьере — сотри случайные черты у этой чертовой картины. А работает она в морге. Девушки самых обыкновенных профессий. Санитарка, но учится на медсестру. Конечно, она никогда в жизни не видела визитной карточки. Ой девочки, с каким я парнем познакомилась! И тут лучше всего интонации Виктора Конецкого. Еще одна полоска. Был дьявольский замысел. Вдруг все начало двоиться, и девушка из Кватроченто стала хунвэйбинкой. Она ороковела, вы заметили? Вам понравилась моя откровенность? Он еще не то умеет. Это вы еще не знаете. У нас все такие. Меньших не держим. Только слова на полях.

5

Два слова подчеркнуты и слиты вместе: писанина и спотыкание. Два круга разнообразных значений, не считая звукоподражания. Он работает под сермяжную правду. Граф де Гиш — я имею в виду. Кому как. Смотря для кого. Для точки с запятой — это, конечно, чрезвычайная опасность. У виноделов БИБЛИОТЕКОЙ называется коллекция вин, в том числе и столетней давности. Я не коллекционирую оттиски. С одной стороны писанина, а с другой — путаница. А у нее все книги с дарственными надписями от авторов. А у него все портреты с автографами и комплиментами: Н.Гоголь читал ему вторую часть «Мертвых душ». Я знаю, все у х н е т . Впрочем, это больше касается библиотеки. Просто потребность потрепаться. Ее антимир кончился выходом дочери на мировую арену. Она теперь потихонечку вытесняет Юлию Борисову. Еще сопливый, а уже усатый, а сопли и усы — две вещи несовместные. Ага, вот что меня раздражает. Обилие вступительных слов. Просто подарок. Там была возможность. Там было иначе. Конечно, эта ПОЛОСКА проходит и через школу плавания. Не везде нужны круги по воде. Это клевета на мечту и пасквиль на молодость.

6

Закрыть глаза и с закрытыми глазами видеть горячий туман. Ты ничего не делай чего тебе самому не хочется. Странно другое. Я продолжаю делать то, что я всегда делал. Я вас буду любить, а мы их будем презирать. Но как ты меня воспитываешь? Но как ты меня воспитываешь! А она ушла в антимир. Еще одна полоска цветной бумаги. Мечта нас не обманула. Но она, может, обманула вас. Мы именно об этом тужили. Мы именно этого желали. Слова, написанные на полях чужой книги, стали такой же роскошью и редкостью, как эпистолярный жанр. Иногда нехватает. Иногда думаю с завистью. Но возвратиться не хотел бы. Девушка под Боттичелли стала вести себя как хунвэйбинка. Роль могучего урагана играется теперь другим актером. Великий комбинатор — далеко от Москвы. А работает она в морге. Насчет схватки с леопардом это я и сам могу сказать лучше, а вот цитата — стихи Гюго у «Он что, совсем офранцузился что ли?» — это на месте. Кто это — германистка? Одна симпатичная женщина, источник информации.

7

А по-моему, в контексте этого художника где-то не хватает подтекста. Вы ошибаетесь. В его подтексте есть свой НАДтекст, и он-то и является основным контекстом в тексте. Что-то он давно ко мне не приходил. Тут обязательно кого-нибудь встретишь. Русская манера — читать между строк, сказал человек из Оксфорда. Меня задело его высокомерие. Мне понравилось, что он Леониду Леонову тоже не понравился. У него по Леонову диссертация. Если бы я вам назвал другое имя в тексте этого контекста, вам стало бы тошно. И даже имени такого не смею громко произнесть. Нет, но он — гад, но он просто гад! Такой был контекст. А подтекст был по телефону. Вот тебе и лучшая виолончель Советского Союза. Но такие слова через запятую, как «Дура, умница, сволочь, божественная душа!» могут звучать только в контексте 10 лет знакомства и только в устном объяснении в любви со стороны известного вам персонажа. Разве их можно поместить в письмо? Не надо меня приглашать к покойнику, я сам покойник. У дубов верхние ветви всегда черные, а у тополя или вербы только когда ее вымочит дождь. А друг о друге они говорят одно и то же: известный московский подонок. Почти дерзкий незнакомец. Став стариком, я уйду из суетного мира и буду жить в обществе элегантной культуры, читая великие книги, которые должен был прочитать гораздо раньше, но так и не успел. Он много кое-чего наговорил. Но разговорчивый старик ей явно понравился. Ее подружка читала «Тоску» Цветаевой на вечере в Литературном музее. В кафе читала третья. А слова «Он мне рассказал все» были сказаны четвертой. Пятая колонна теперь на шестом этаже: миллионерша живет не одна, а с экономкой-компаньонкой.

8

германистка

До сих пор это не имело значения. Но приятно было слышать железные интонации в голосе делового человека. Сегодня не состоится. Но вы можете поехать. Но вы же об этом не знаете. Не знают и те, у кого еще не установили телефон. В одном ряду с Марселем Прустом хотя бы у Пастернака во «Вступительном очерке». Хотя бы в четырех строках одной кем-то прочитанной книги. Все-таки. «Посвящается Италии» не попало в Италию. «Посвящается Варшаве» не попало в Польшу. «Неон особой чистоты» вышел из употребления. Кому как. Как кому. Для тех, кто получает прибавочную стоимость, это хорошо, а не плохо. А потом не утвердили на сталинскую стипендию: не совсем наш человек. А потом не выдвинули в члены-корреспонденты: совсем не наш человек. А вы разве не читали, что о нем пишут во втором томе истории русской мысли, изданной в Париже? То-то. Оском остался. Отава была буйная. Мне душно, Бес! Я выйду на свежий воздух и там вас подожду. Что делать, Фауст? Вся тварь разумная тоскует по озону. А получает в лучшем случае никотин. Мария Ивановна хвалила элениум. Но теперь она его уже не принимает. Он перестал действовать. Привыкла. Теперь ей дали френолин. Вас лечили там тофранилом? Тебе надо принимать первитин, тогда ты будешь писать гениальную прозу. Норман Мэйлер принимал героин и разочаровался: он утверждает, что марихуана в его жизни сыграла такую же роль, как и морфий в жизни Зигмунда Фройда. Не ваши радости. Наши радости сейчас — роман Айрис Мэрдок «Дикая роза». Там есть один мотив, я все его твержу и все собираюсь перепечатать на английской машинке. Она перестала действовать. Привык. Привык к тому, что на ней работает кто-то другой. Но он смотрел на тебя такими глазами ЧТО.

9

подлежит уничтожению

ЧТО НЕ ПОДЛЕЖИТ УНИЧТОЖЕНИЮ?

С Л Е Д Ы Л Ю Б В И (хотя бы и не
с л о в а тем более самоотверженной).
Машинописная рукопись, начинающаяся словами «Юрка, сволочь!» и кончающаяся «правительством СССР». Обрывок веревки свисал с дерева. Что вы делали с 4 до 5 вечером 26 марта 1930 года? В высшей степени подозрительно. Привлечь, конечно. У этих абзацев есть название «Разговоры Владельца Победы за рулем по городам Прибалтики». Какой же это перевод с санскрита? Накопилась еще чертова гибель бумажек, жутко! Дайте карандаш. Ручкой я не люблю рисовать, перо скрипит, у меня нервы болят. Великая художница за столиком в кафе. Этот великолепный осенний день под липами на улице большого города и чувства загнанной лошади вместо того, чтобы радоваться. Как это тогда назвалось, я уже не помню. И слова из чужих книг, которые уничтожали ощущение беспомощности, тоже забылись. Она его прятала под кроватью. Такой водевиль с трагическим оттенком: между Сциллой и Харибдой. Сегодня мы пойдем к Харибде с гордо приподнятым носом, но эмоциональный комплекс все равно будет действовать отравляюще, пока нас не вынесет на свежий воздух. Закурить, или вздохнуть и улыбнуться. Он достал 4 таблетки бензедрина. Чтобы вынести ваше присутствие. Он так и сказал. 30.3.67
Я сегодня вечером буду тебе бросать платок. Ты не траться ни на кого другого. Кто тебе сегодня будет целовать пальцы? Начальник паспортного стола. Ты прошлый раз был просто пьяный. А он прямо из кафе и значит уже выпил. Он промчался, как метеор. Он со всеми незнакомыми начинает разговор прямо со свежезамороженного подарка Хрущеву? Нас мало уцелело. Тот ураган еще не прошел. Не ты и не я будут говорить об этом в прошедшем времени. А ты говорила: уничтожь. О тебе вспомнят через 100 лет только потому, что я не уничтожил то, что ты просила уничтожить.

10

Он тогда и он сейчас — это два разных котелка с рыбой. Отчего ты тут получал удовольствие? Отчего он сам тут получал удовольствие, вот вопрос. Он улыбался в темноте. Руки нашли друг друга. На общих основаниях с рассказами владельца «Победы», не вошедшими в «Поплавок». А для равновесия критика элитарных концепций. А для равновесия лучшая экзистенциалистка Советского Союза. Черные громадные птицы кружились над рожью. А он писал пшеницу. Без всяких символов. Символы появляются в качестве символов только 20 лет спустя. Твое «я» — это инструмент, на котором играет сверхчеловеческая сила, а потом уж происходит все остальное. Никаких эмоций — это было бы просто блаженство, когда от этих эмоций человек вскрикивает даже во сне. Никаких чувств — это было бы даже хорошо, когда эти чувства только увеличивают ощущение беспомощности. Только забывчивость и помогает резвиться кроликам в загоне. Да, но мысль и каждый благоприятный миг тогда считались двумя видами собственности, и только через 20 лет читатель И.В.Гете понял, что это одно и то же. Его облаял Лифшиц. Его можно не цитировать. Какая связь между Сергеем и тополем? Никакой, а он нашел связь. Сергей Войтинский никогда не был у нас в переулке. Если ей это так нравится, могу подарить. Но я была в долгу перед милым мальчиком, который любил меня в мои лучшие дни и всегда помнил об этом. Я только заплатила долг и даже, по его словам, слишком щедро.

11

А оказалось ни то ни другое. А оказалось — Айрис Мэрдок. Но вспомнилось когда уже было поздно.

See as much as you like of her if it makes you happy. These words! Strangely enough, they annoyed him. HOW COULD YOU ENJOY TAKING A GIRL ABOUT when your wife fairly urged you on? Dash it all, it wasn't decent! All the feeling of being a gay dog, of being a strong man playing with fire, fizzled out and died an ignominious death.

Только и всего, я думал-то больше. Земная ось крутится и не думает ни на кого налетать, а что об этом говорили 42 года тому назад, так это на общих основаниях с «Голос Качалова иметь необязательно» (сказал В.И. Качалов). На общих основаниях с «Но кто же тогда (в Гонконге в мире — Сьюзи Уонг?) знал, что она будет четвертой женой Верховного Божества?» Ритта Жомм хороша, но там же не было Квартеронки, а я влюблен в Квартеронку. Умирать, когда есть телефонов твоих номера? А с кем же мне еще разговаривать? Стану конечно — Е-Б-Ж! Странно. 5 часов. Странная жадность. Голос мадам Ходасевич-Леже: а потому что москвичи — новый человек — уверен в будущеЕ!

Dash it all, it makes me sick!

13.4.67

12

E D A once more?

DICTATION

16.4.67

You should have spoken of art and music as «all that nonsense my wife likes». She will take you at your own valuation — and you deserve it. Our brain is seething with ideas, but we can only tell that Anna und Marta fahren nach Anapa. So much for the two-act play My Wife in the Evening and In the Morning. And what will your wife say about it? Practically nobody ever misses a clever woman. I haven't got time for that sort of nonsense. Life isn't long enough for love and art. He mentioned 4 names but I remember only one reader. But I do know Agatha Christie. And never worry about money. That's a noble ambition. The simple Soviet rhino. Now I hear the voice of A Brave Rabbit saying, «Don't be afraid, they won't touch you!» E D A once more?
You're famous? Very. Utterly unknown, but very famous. The same case, the same words, that's the trouble. I wasn't certain I could handle the situation, but I certainly expected there'd be a situation to handle. She was clad only in a blanket.

13

Мы читали вслух Михаила Булгакова. Он им читал вслух письма Тургенева, но нас там не было, а жаль. До сих пор в ушах звенит голос лучшего русского друга писателя Хемингуэя. Госпожи Понти нет дома. Неизвестно когда будет. А что ей передать? Кто звонил? Этой Галатее было 16 лет, когда ее заметил Пигмалион. Этой Галатее 26 лет, но она еще не нашла Пигмалиона. А может и не ищет. Правая рука Гудзия в тот день встала с левой ноги. А кто страдает от этих беспрерывных не кутежей, но смен настроения? Опять же русская литература. Критик Чирва знал дело. Ты богаче меня на одну ногу, ты можешь идти по улице и получать удовольствие. Я богаче тебя на одно прошлое, у тебя их было, по крайней мере, два, а у меня сколько? Уже есть такой образ в советской литературе, его нарисовала писательница Генина. Такой старик-пенсионер, бывший член Сибирского ревтриба, покупает французские газеты и помогает жить одной такой девушке, которой он звонит по телефону. Я видел его почерком выписанную цитату из Голсуорси. Каждая старая развалина думает, что он как старый Джолион и знаток женской красоты и к нему должна приходить Ирэн. Но заметьте, он до сих пор не написал стихов о новой Прекрасной Даме. Стихи о голой девке под бомбежкой — это же не в счет. Читали. Понравилось. Нам понравилась Ваша откровенность. Мы будем молчать потому, что наша откровенность Вам не понравится.

14

Вот так вы правите и Василия Аксенова. А вот Юрий Казаков не позволил бы. Марк Розовский пока еще позволяет, ПОКА. Поток писем в редакцию составляет неистощимый предмет для устных юмористических рассказов. Никто не помнит то письмо. Оно попало в чужой адрес. Ему место — в архиве комиссара Мегрэ. Ну после такого вечера у гейши надо, конечно, поехать к о й р а н, но вы же, господин Пильняк, с супругой? А мальчики нынче почем, ты знаешь? Вечер с ним стоит, по крайней мере, золотой портсигар. Нет, не нам, грешным, тягаться с Вандербильтшей. У нее муж — военный профессор. Она пришла в сером скромном костюме из серого джерси, и я подумала: дешевка и есть дешовка. Речь идет о новом платье. У рассказа про еду странный заголовок — «Дни Турбиных». Речь идет о горячей закуске. Эти вербы и мимозы только занимают нужное место, самое видное место для другого. Да, но у меня и полного текста нет «Квартеронки» по-английски. Человек 19-го века попадает в гущу событий 20-го века и по старой привычке пишет и действует. Правда, девочку он все-таки спас от расстрела и даже целую группу других, но что дозволено Короленко, то не может быть примером подражания для других. Да, кстати, а как он умер? Он умер во-время или несколько иначе? «История моего современника» читалась тогда как «Гений и богиня», как «Смерть героя». Французский беллетрист Анфот де Мьё — в «Бесах» он фигурирует под именем Поля де Кока — нет, конечно, так нельзя говорить про него. Он был благородный человек.

15

Волчий бег действует на измерение, а измерение действует на волчий бег. Такая семиотика. Социолог на симпозиуме получил массу удовольствий. Обычные описания он загромождает метафорами и возвышенной лексикой, что жутко раздражает читателя: никогда не скажет просто. Необычные понятия и даже научное открытие он может передать разговорным языком и даже в виде афоризма (хмель дружбы прошел, осталось противное похмелье фамильярности). Вот за что его так нелюбил Михаил Булгаков. А ты давно видел Мату Хари? А вам понравилась Мата Хари? Последний раз я видел ее имя на книге, купленной на Кузнецком мосту. Такая хрестоматия по-английски. А в предпоследний раз мы читали два романа Айрис Мэрдок из ее библиотеки. В такой позе сидеть в кресле любит не только Валя Чем-(бы дитя ни тешилось). Они живут дружно. Она о своих редакторских поправках никому не рассказывает. Но какая упрямая женщина — Надежда Давыдовна: ей говоришь одно, а она все равно ставит другое. Трудное дело — редактировать ее перевод. Этого самого крупного специалиста нельзя пускать в свой дом: он крадет детали. Но кто ж знал, что ей нужны деньги на Юру Горохова. Что-о-о?? На покупку редких книг через Юру Горохова. А вы знаете, почем теперь «Маски» Андрея Белого? То-то же. Дороже «Доктора Живаго» и почти столько же, сколько «Весенний лист». Не у всех же есть вклад в швейцарском банке и не все получают визу за границу.

16

Зачем люди ходят в театр? Зачем люди ходили в церковь? Праздник кончается очередью на вешалку. Фиеста с 6 до 9, нет, до 10 — четыре часа — начинается с медленного восхождения по лестнице. Надо писать про «Мольера», а он все время думает про «Дядюшкин сон». Как будто то, что она хотела сказать про «Консультанта с копытом» интересней того, что он стал рассказывать про «полную генеральшу Ставрогину». Но это все читали и это давно было и зачем с таким упоением? Нет, погодите, я еще не успел и точки с запятой поставить. Она так тонко чувствует театр, она такая театралка, она все понимает в театре. Есть еще один человек, который тоже все понимает в театре, а больше я никого не знаю. Но он же ничего не понимает в театре! Зато он все понимает в архитектуре. Но берется-то он писать о театре. А вы не читайте. Теперь уж я вижу. Опять та же самая история. Текст, предназначенный для разрезки, читается не то с одинаковым интересом, не то с одинаковой скукой, но резать нечего. Или так все оставить или все выбросить. Ничего там не было в темноте, декорации, правда, одни и те же. Я только вспомнил французский эпиграф к пьесе Булгакова и, не помня точного текста, стал распространяться. Одно утешение: сиди и радуйся, что тебе не нужно обо всем этом писать. Да, но мы хотели увидеть О. Яковлеву, а нам показали И. Печерникову. Да, но я хотел видеть Пелевина, а мне показали Раутбарта. В фойе висит большой портрет с цитатой, я думал, это Булгаков или Эфрос, а оказался Берсенев. Актеры и актриса много раз с разными душераздирающими интонациями повторяли одну и ту же фразу. У нас случилось несчастье. Господа, вы нас извините. Господа, мы не можем продолжать спектакль.

17

Читать такие слова было страшно скучно, и я помню ощущение пустоты, а вот со сцены они звучат как крик утопающего. Но мы сидим и молчим и, в лучшем случае, молча глотаем слезы. Худший случай сидел рядом ближе — кухарка, вышедшая в генеральшы, — слово «кабала» (священного писания) вызвало непонятный восторг. Они вышли и стали раскланиваться, и все такие красивые. Когда ты придешь к портнихе, ты эту первую красавицу не узнаешь. У нее нет времени следить за собой, за своим лицом. Она очень занята, она все куда-то спешит, у нее каторжная работа. И голос резкий и противный. Но она же все-таки актриса, она же должна следить за своим лицом. На сцене у нее изумительно красивое лицо. А чего это так волновало Петрушу Верховенского, что Ставрогин такой красавец? Непонятно. Я смотрел на актера В. Раутбарта и думал почему-то о писателе М. Булгакове. Я не знаю, насколько органично было его христианство в годы ежовщины, но смотреть на его Мольера очень грустно и даже, может быть, вредно для здоровья. Я уж не помню, почему в ту ночь никто не смог уснуть в Театре Ленинского Комсомола. Но МОСХ сейчас самый либеральный из всех творческих союзов. Там нет Кочетова. А Грибачева? Это вы имеете в виду, что вы организовали 4 выставки, а мы ни одной не видели? Это что ли? Мы вот тут долго говорили после спектакля «Случай в Виши» и пришли к выводу, что это не только искусство, но и БОЛЬШЕ, чем искусство. Яркие краски у этих картин. Я не говорю о звуках: твист-менуэт или менуэт-твист Андрея Волконского я бы и не заметил, если бы мне не сказали. Но все равно хочется в кино.

18

Ниже травы: трава пробивается сквозь асфальт. Тише воды: вода, кругом вода. Все равно этот пароход на этой реке будет постоянным напоминанием не только о кофе и огурцах. Саблинское издание не только Марселя Пруста, но и Стефана Цвайга: такие тонкие изящные томики. Тебя опять уносят на носилках. Эй ты там, реви потише, ты тут не один! Жутко необходимый разговор. Мне есть нельзя, пить нельзя, ничего нельзя до 5 часов вечера. Вот ерунда-то, вот ерунда. А меня всегда почему-то бесит вступительное слово. Ты скажи сразу, что ты хочешь сказать, а я уж догадаюсь. А если нет, то спрошу, но не объясняй мне заранее, о чем я и не буду спрашивать. И ты — СССР. А Вам не приходит в голову, что без Вас советская Россия не была бы Советской Россией? Он сказал что-то вроде того что — ну я никогда не помню слов! — ну он меня любит, но у него нет денег. Вам не дано, Аркадий Чеботарев, предугадать, как ваше слово отзовется. Это ни то, ни другое, ни третье. Сиди и вымучивай из себя детскую непосредственность. Кому это нужно? Он простил доносчика и гада и предателя и даже с сожалением ему сообщил: моей жены ты больше не увидишь. Эти христианские чувства до зрителя не доходят. Нет, вы посмотрите на лица их! В милицию! Ты бы, конечно, его не принял опять в свою труппу. Я бы ему посоветовал организовывать свой театр. Я бы его спустил с лестницы. А он чувствовал за собой вину. Он тоже сам такой. А потом — ничего бы не случилось, если бы она не оказалась шлюхой. Ты этого не допускаешь? Она шлюха и все. А у Мольера тут умудренность, великодушие и просто человечность. Откуда ты знаешь, какой был Булгаков?

19

От этого ясности не прибавится. Я думал, это маленький умненький скромный еврейский мальчик вроде Саши Сыркина, и его остроумные ответы интересны только в кратком пересказе, а при первом знакомстве ты ничего не увидишь. Оказалось, это мощный костромской мужик — ему палец в рот не клади, он с ученостью обращается как В.В.Розанов с костромским платком, а отпусти он бороду под Владимира Соловьева — ни дать ни взять Григорий Распутин. Ему нехватает только Марии Федоровны. Впрочем, он сразу же дает понять, что Марию Федоровну он уже нашел. Ведь самое главное — не разговор, а разговор по поводу разговора. А потом, конечно, — еще больше радостей! — разговор по поводу разговора о разговоре. Она желает быть принятой во всех салонах Москвы. Хотите, она вам будет петь и играть на гитаре? Но если не будет Анастасии Ивановны, она не будет о нем рассказывать. Слова «умный и хитрый враг» были сказаны в другом месте. Но смысл был тот же. Но мне не нужны помидоры по две копейки. Мне нужна Ленинка, Шайкевич, что-то еще и Юдифь Матвеевна. Как это?! Но тогда бы вы были еще ближе к помидорам за 2 копейки. У нас нет эпистолярной дружбы. Ага, я понимаю, вы целуетесь устно. Валя осталась без фестиваля. Фиеста будет в другом месте. Тут не место для фиесты. Но кто ж знал, что она будет четвертой женой председателя Мао, а Председатель Мао вдруг потребует божеских почестей? В партийной школе в Гонконге — не в мире Сьюзи Уонг, а совсем рядом — она отличалась тем, что конспекты и тетради у нее всегда были в полном порядке. Это она в кепке? А я думал, это Чжоу Эн-лай. Но разве вы не видите, что это мужчина?

20

Если от меня вы услышите другие слова, значит я поддался дьявольской силе и не смог преодолеть человеческую слабость. Но это опять не такая книга, которую она бы хотела хранить. Увы. Он подавляет меня барским голосом по телефону. Эти ленивые интонации в начале разговора, когда снимается трубка. Слова не те, музыка не та, картины совсем другие. Разумеется, там 4 точки зрения и, как всегда, четыре подводных течения, но мы делаем вид. Все это имеет значение только в широком контексте старой стенограммы, по крайней мере, на 416 страниц. Это полоска цветной бумаги или подтекст? У этих книжных шкафов от пола до потолка необходима специальная должность — воительница с пылью, и это работа с утра до вечера. Вместе с Белинским мы возмущались когда-то «плотным усестом» у Владимира Бенедиктова. Я вас люблю, но денег нет. Почему не пошел на разговор? У тебя же будут свои награды. Как это ни странно, я сейчас больше всего встречаюсь с Переверзевым. Она ничуть не изменилась. Она все такая же. Может, Вы мне дадите телефон Одного Из НИХ? Он ни с кем не общается. Я ее узнал во сне, потому что подумал: а что будет, когда он вернется? Странно, что он сам отказался от официальных ответов. Я читал кое-что и в некоторых нюансах он дает весьма смелые мысли. Еще раз «гордо». Он держит себя гордо. О другом иначе. Он читает то, что я пишу; я читаю то, что он пишет; и мы друг друга знаем и раскланиваемся. Двое-трое высоко пошли. Странно, что такие вопросы задать мне и в голову не приходило. Ваше знакомство с новым миром старых друзей только начинается.

21

Приговоренные к бессмертию еще настойчивее хотели жить. Самое кувыркколлегиальное из всего не поддается лаконичной формулировке: в одних ритмах слишком много тяжелой злобы, в других словах — банальность. Чтобы сказать 5 слов (у нас есть злые старики), ему пришлось наговорить много всякой муры, подписав ее своим именем. Актриса играла свою роль, и ты не во-время подошел, но теперь ты видишь, как это выглядит. Мне приснились кадры тайного кинофильма снова по черной тропе: у этого бессмертия отвратительные формы. Она бы не согласилась. Да и вы пришли бы в ужас. Вам нужно договориться, чтобы врать в одно. Давайте договоримся, после смерти одного из нас не говорить ничего. Тогда о нас ничего не будут знать. Это же еще хуже. О нас все будет говорить Феликс Круль. Но ему никто не поверит. Тогда надо говорить все. А это же еще хуже. Многозначительная ерунДА. Хунвэйбин с хорошей девочкой поздравляет с хорошей погодой: вот нахал! Я все время путаю зимний пейзаж с «У вас тут хорошо: комары не кусают». То, что ты вчера вошла и спросила, было крутится-вертится по-английски. Сестры Гершвик? Но сестры Гершвик — американки, кроме того, они не поют еврейских песен. Слова «священное писание» произносились с другой интонацией. Но заунывные песнопения были прерваны джазом. Как странно звучат высокие слова в России. На трибуне бесновалась эсэрка Спиридонова. Ленин слушал, сидел и скучал. Забытые слова театральных афиш. Никаким синесеризовым колером не передашь столкновения двух комплексов.

подтекст

22

чрезвычайно опасный человек

the danger of real feeling

МНЕ ГРУСТНО НА ТЕБЯ СМОТРЕТЬ,
полоска цветной бумаги и эта тоненькая книжка в зеленом переплете. Почему слова всегда запаздывают? Где ж они были раньше? Почему их не было тогда, когда они больше всего требовались? Тоже крик души. Тоже голос вопиющего в пустыне. Я имею в виду английскую вырезку от 21 февраля 1967 года. Тоже сначала было весело, а потом стало грустно. Андрей Белый в Лондоне 1967 года, но деловой, молодой и энергичный: тоже пленный дух, но с диктофонами-модерн, светокопировальной машиной и целым штатом секретарей и стенографисток. Почему такой взрыв хохота? А может, это женщина? А может. Гигант в своей области — это именно про нее, а не про него. Но я хочу знать 7 предупредительных сигналов рака. Она тут похожа на кошку. Но мне нужны сами 7 сигналов рака. А я все равно его люблю. А я все равно к Вам хорошо отношусь. Теперь он пойдет сравнивать — первое с последним, светлое с несветлым чувством. Но все-таки вдруг все стало вокруг голубым и зеленым. Еще бы. А сколько ей надо! Водка, сволочь, выдает подсознание. В своем подсознании она с вами давно на ты. В своем подсознании она вас любила уже сколько раз! Это «что-то общее» и связывало по рукам и ногам. Тут пошла слэнговая лексика: пимп, попси ту пим-пим ю. Много ты поймешь из такого разговора? Андрей Белый рядом с Анатолием Софроновым в Москве: дети, мои дети! Что это за фильм, на котором я остановился? «Протяни руку и поздоровайся с Дьяволом». Ирландцы — забавный народ, они как у нас поляки: с ними не соскучишься. Но слишком серьезно — это же как раз тот самый случай. Чрезв. опас. чел.

23

THE DANGER OF REAL FEELING

Как это похоже на одну страницу из путеводителя по Волге. А вы стоите на учете у онколога? Прибавить тысячу слов нетрудно, трудно удалить лишнюю тысячу слов. Разница в публикации не заметна. В старой истории про любовь у поэтов она целиком на стороне Андрея Белого. Когда я читал ее прозу в первый раз, я на это не обратил внимания. Впрочем, я ничего не знал об этой истории. Мне никто ничего не рассказывал. Наглая и бестактная выходка имела невинный вид беседы за столиком. Требуются новые собеседники. В новых глазах мы хотим выглядеть замечательными рассказчиками. Нашим старым знакомым надоели наши постоянные рассказы. Как это ты напился до такой степени, чтобы все растерять? Ну, если есть такие, которых зарывают шпагой, так я не хочу, чтобы меня зарыли лопатой. С этого началась Марина Цветаева. Вот ее настоящее начало. Ахматова и Цветаева в «Нездешнем вечере». А потом места переменились — Цветаева и Ахматова, мало того, между ними встал Пастернак, и Ахматовой пришлось уступить в этом ряду первое место. Почему нет сигналов из космоса? По той же самой причине. Вырезка из газеты с датой 21 февраля 1967 года. А я буду писать крупными буквами те же слова. А я буду писать самыми крупными буквами те же самые слова. «Пленный дух» рядом с Анатолием Софроновым: читаем, мы все читаем. Как много прошло гроз, если на таком маленьком отрезке песчаного берега столько «чортовых пальцев».

24

А сам боишься провести эту линию. Да, но она выдает с головой. Да, но после этого с тобой перестанут здороваться. Да, но эту линию может провести всякий дурак, кому жизнь надоела. Да, но после этого никаких линий уже проводить не придется. Да, но таких линий сколько угодно у других художников в другие эпохи. А нам нужны нейтральные слова. А мы не хотим кончать самоубийством. А мы не хотим потерять последнюю возможность. Написав завещание, нечего приходить к старым знакомым и утром и вечером. Забыл и не хочу напоминаний. Ты даже и этого сделать не можешь! Если не упрекать, так о чем тогда разговаривать? К теории упреков. Странное очарование у этих страниц. Читаю с тайною тоскою и начитаться не могу. Такая лихость, а память подводит, а слова совсем не запоминаются, а имен она не помнит. Вот и приходится выражать все одним взмахом ресниц. Но кто их замечает? Зачем я буду читать всякую муть только потому, что она только что поступила, когда у нас есть столько хороших вещей. «Вещи» понимаются буквально. «Вещи» совсем не воспринимаются. Такая пустота. А вот для нее вдруг стала книгой про нее и про ее жизнь. Почти «Любите ли вы Брамса?» Она исчеркала ее и карандашом и авторучкой. Вот это, я понимаю, читатель. Я все понял. Мне передалась чужая боль. Струны. Как важно быть серьезным. А он ржёт. Да, но вот пошел слишком серьезный разговор, и ей стало скучно. Господи, хоть бы один человек улыбнулся. И никто не обратил внимания на вызывающий жест. Мне грустно на тебя смотреть. Акты, пакты и факты. Скорее «Домик на Волге» или хижина у моря. Если вам надо объяснять, то кто же поймет?

25

Пишется только один рассказ. Длинный, нудный, нескончаемый рассказ о том, как и почему не был написан рассказ. Она сама — и солдат и великий полководец, а то откуда еще дождешься высшей награды для солдата? Видимо, возобладала другая мудрость, мудрость, о которой никому не расскажешь. Впервые это прозвучало в тексте, озаглавленном «Просто праздник». А правда — это то, что Вы мне никогда не скажете, а я — Вам! Коллектив будет. И он показал сжатый кулак. Я помню и предостережение: ты с ним поосторожней будь. Они сколачивали группировки. Они боролись. Когда тебя съели, тебе уже стало неинтересно, кто съел. Тут сработали коллективно и та и другая сторона. Важно, что тебя предупредили, а там ты сам маху дал, а видимость такая: все шито-крыто. Удивительно много осталось в живых. Но с кем интересно было бы поговорить, покойники. Или за пределами. МЕНЯ НЕТ! Я покойник. А я давно хожу уж мертвая, да только некому отпеть. Но беседуя на таком уровне, мы и через год не доберемся до того, что нам интересно. Отчего это вдруг захотелось послать рассказ о смерти тети Оли? Странная штука — заменяющие части. Поговорим. Мне нельзя говорить. Почему? Я скончаюсь от разговора. Посидим. Мне нельзя сидеть. Я сдохну, если еще раз посижу. Мне нельзя есть. Склероз. Мне нельзя пить. Печень. Мне нельзя звонить. Я умру от телефонного звонка. Мне можно писать. Но кто же будет переписываться, живя на соседних улицах? Еще важней — незаменимые, но их определить еще трудней. Это становится ясным только постмортем. Вот вы ходили в кино. Кто платил за билеты? Мороженое покупали? Кто платил за мороженое? Классовый враг хитер. Он мог купить вас за порцию мороженого.

26

Столько было устных рассказов про «посидеть на лодке в жаркий день», что не написано ни одной страницы. С такой верой в собственную предусмотрительность и даже прозорливость они просто опупели от неожиданности. Да, все известно, и они начали все выкладывать. Почему он не ухаживает за нашей Валей? Дядя! Дядя! Дядя! И вдруг я понял, что меня дразнят всерьез и на очень застарелых основаниях. Кто ж их знал, как они повернут. Кто ж их знает! Они всегда повернут в неожиданную сторону. Ты только одного не показывай. А ей как раз и приятно это всем показать. Те-те-те! Они что, соревнуются что ли? Вот именно. Нет, этого допустить нельзя! Но было уже поздно. Я жил с твоей бабушкой! Пониженные коленные рефлексы, отсутствие аппетита, жалобы на сердце, болит под ложечкой, давит на чашечку. Впрочем, что же это я, сам же и заговорил о медицине. Девочка, сколько тебе за это платят? Мастерская по перемотке нервов закрыта на учет. Санитарный день. Пора сматывать удочки. Да, но заниматься ерундой так приятно. Почти так же приятно, как сходить с ума. Иначе чем бы объяснить? Ух ты какой хунвэйбин, он еще оказывается и цзаофань! А ты разве ушибся ОБ БИБлиотеку? Обо что-о-о? Чтобы выписать эти 5 строчек из Сенкевича, надо внимательно прочитать все 500 страниц романа «Семья Поланецких». Я полагаюсь на чужой выбор. Я полагаюсь на вкус пана Мариана Эйле. Пан Мариан лишних слов выписывать не будет. А у вас есть страницы по Ортега-и-Гассету? Список страниц — вот что нужно. Мы с этого начинаем, а вам придется этим кончить. Текст такой интенсивности достигается на большом накале и с огромной предварительной подготовкой. Я и понятия не имел, как вредно для меня было читать вслух такого писателя.

Собака трижды героя

1

Сам же научил на свою голову. Сам же приучил к такому отношению к себе. Вдруг стало обидно. Как жаль, что передача письма не имела продолжения. Я помню, что меня остановило в первый раз. Смешные детали. И об этом не раз потом подумал. Как жаль, что я, встретив ее в библиотеке, не поговорил, но о чем бы мы с ней говорили? Она отошла от литературного творчества. Так это теперь называется. Чего я ищу? Чего я ищу? Чего я ищу? С таким остервенением повторялся один и тот же вопрос. Он будет описывать, ты приготовься. Я приготовился. Но для меня же действительны совсем другие картины. Но я же помню совсем других людей. Ни меня ни тебя там нет. Как славно! Я взял лопату и пошел на скотный двор копать червей. Солнце припекало спину сквозь рубашку. Я хочу сидеть на берегу и слушать плескание волн. Слова из этой книги скользили мимо. Я думал, что обнаженный меч; я думал: сила слова! — а оказалось — беспомощность. Такая ерунда, что дальше некуда. Но вы же так мало с нами были. Помню свое недоумение после чтения дневника одной девушки. Я же ведь был тут все время, а читая написанное, можно подумать, меня не было. Эти «Яшка», «Жорка», «Сенька» ничего не говорят. А прибавилось бы тебе от чтения рукописного варианта с настоящими именами, когда ты не знал никого из них? Все равно было читать интересно. Все равно читать было интересно. Милая моя маленькая трепещущая душа, как мало ты значила в мире, который мыслил другими категориями. Я хочу опять уйти в первую комнату. А на глаза постоянно лезет напоминание о второй комнате. Я с вами. Я с вами. Я с вами. Вы, которых никто не помнит, я с вами.

2

Наш интерес к тому, что мы помним, и насколько это помогает жить. Вот и все. Не знаю, нужна ли сложность. Хуже другое. Вдруг возникает вопрос: нужна ли правда? Эта же книжка в зеленом переплете. Что поражает потом, так это жуткая беспомощность. Я хотел сделать подарок, а подарка не получилось. Я хотел написать рассказ, а получилось письмо без адреса. Ну тогда это одно и то же. Я хотел написать письмо в один адрес, а получилось литературное упражнение. Ну сила, ну сдохнуть от голоса, который не выбросить из головы. Все равно, я читал эти слова с интонациями знакомого мне человека. Перед лицом чистилища такой пасквиль на милый образ уже не имеет значения. Задел, затронул и исчез. Не надо исчезать. Он мне с готовностью хотел подсунуть Зайдлера. Я уважаю Коркешкина. Я помню его упругую походку. Вот только Бродов не помнит Бродера, а Бродер не запомнил Бродова. Так же как и я не запомнил имя той девушки, которая пострадала от меня на катке. Странно, что интереснее всего было бы поговорить с теми, с кем ты не был знаком и чьих имен ты не помнишь. Ч-ч-чорт, все время лезет на глаза тот досчатый переход, по которому мы спешили по утрам к трамвайной остановке возле рынка. Как это похоже на выдающиеся успехи, которые ничего не принесли в реальной жизни. Вот опять немецкая рота на марше, и девчонка подставляет губы. Опять сверкнула нога из-под юбки, и я дрожу от страха при звуках первых падающих бомб. Что делать в таких случаях? Никто не подумал доставить тебе такую радость. А ты заметила, что всякий раз твой шаг навстречу встречал тайное сопротивление. Как это похоже.

3

Тебе некогда читать хорошие книги, тебе надо писать свои — плохие. Вам, конечно, а не тебе. Удивительная способность — выбрасывать из головы или просто забывать. Иначе было бы невозможно вообще. Тут вся надежда на тебя. Что-то не то совершенно. Взять что-нибудь совершенно не похожее, взять совсем чужое. А тогда это будет одно и то же. Что может быть отдаленнее чужого персонажа на чужом языке? Специалист по заковыристым вопросам, так что ли? Дух отрицанья, дух сомненья. Ей хотелось что-то сказать в упрек, поперек, в отрицание отрицания. Отрицание тоже вызывает негативную реакцию. Но интерес к Альберу Камю глубже, разумеется. И тот, кто читал вслух, и тот, кто слушал, и тот, кто читал про себя, — если это три человека, то у них три точки зрения. Неужели так мало? Неужели так мало? Вот будет обидно, если все это — только перевод. Он кончил роман про фараона, теперь будет писать про Аспазию. Господи. Так и вижу опять его закатившиеся глаза, когда он сидел в актовом зале, держал в руках записную книжку, задумывался, потом что-то быстро строчил в записную книжку. Много ты вычитал из Эразма Роттердамского? Прочел стихи еще одного великого европейского поэта в русском переводе и еще раз ужаснулся ощущению пустоты. Ничего не понимаю в том, что они понимают, или они ничего не понимают. Нужно сделать один решительный вывод, и тогда все будет понятно. С серьезным видом знатока хранить молчанье в важном споре. Меня обеспокоило другое. То, что я читал монологи из «Портрета Дориана Грея» с интонациями Никиты Бескина.

4

Потом вдруг слова прорываются, и пошло, и пошлО, и человек сидит и строчит. Но до этого-то человек просиживает часами перед листом белой бумаги. Сидит и смотрит на лист чистой бумаги. И если это никак, тогда уж я не знаю что и как. Что же сделал ты за пакость, ты убийца и злодей? Бог правду видит, да не скоро скажет. Гвалт приехал и привез новости. А надрываться не надо было. А все остальное можно было и не писать. Меня беспокоит другое. Кто мне испортил невинные забавы и скромные радости за латинской машинкой? Кто настроил против тихих радостей переплетного мастерства? Кто отбил охоту печатать на машинке? Синусоида начинает прыгать. Синусоида делает бешеные скачки. В ужас придешь от такой синусоиды. Точно так же как никому дела нет до твоих забот и огорчений. А я хочу, чтобы меня кусали комары. Я помню нежность ваших плеч. Чорт меня толкнул завести такой разговор. Вот уж не было печали. Вода лилась, лилась вода. Я теперь знаю, какая картина меня будет сопровождать при звуке льющейся воды. Как имя Эльзы Триоле. Но высота обязывает. Но низость тоже накладывает свои обязательства. Во что и упирается благородство вашего ремесла. Он слишком был смешон для ремесла такого. Друзья ушли в князья. Надеюсь, теперь ты не будешь смеяться? Надеюсь, теперь тебе не будет смешно? Сталин послал специального человека в Камышин. Этим человеком был я. Помню. Помню и труп, прикрытый простыней.

5

Декоративный эффект велик, не отрицаю. Но разве у вас среди знакомых не было ни одного человека, который бы вам, прочитав надпись по-английски, посоветовал бы вам держать эту изящную вещь под кроватью?

Звенит опять Звенигород.

Я не знал, что себе дороже. У вас нет желания мне что-нибудь высказать? И этого делать не надо. И точка с запятой ни к чему. Мне грустно на тебя смотреть, Странная Жадность.

В том смысле, что у меня нет никакой основы экономической. Я понял. Я понял. Ой господи, ну конечно же в 5!

Туристы обнищали, приехав из-за границ. Они теперь, приехав из Италии, будут разговаривать только через «Неделю», «Известия» и ТАК ДАЛЕЕ.

СМЕРТЬ ГЕРОЯ даже по-русски им ни к чему. Два месяца лежала книга, и хоть бы один человек хоть бы один раз притронулся. Никто и не раскрывал. Никто и не брал в руки. Мало того. На самом видном месте лежит ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ
СМАЗОЧНОЕ МАСЛО
ВИНТЫ И ГАЙКИ — 67
посетите выставку сыновей великих пролетарских полководцев 60-х годов 20-го века. Уберите этот красивый флакон: это жидкость от клопов, блох и тараканов.

6

Он ловит рыбу удочкой с вертолета на персональном озере. Об этом спросите у Рослякова.

Every morning I would sit down before a blank sheet of paper. Throughout the day, with a brief interval for lunch, I would stare at the blank sheet. Often when evening came it was still empty. And it seemed quite likely that the whole of my life might be consumed in looking at that blank sheet of paper. The deadlock was overcome and the work finished in the end, but my intellect never quite recovered from the strain. I have been ever since definitely less capable of dealing with difficult abstractions than I was before. Adorable, impossible genius is overworking his present staff and needs another assistant who will he prepared to dedicate herself to the fascinating world of art and antiques. Secretarial qualifications useful but resilience and sense of humour essential. I had not finished when His Excellency interrupted me. I begin to doubt whether you ever will finish, my friend. You are extremely fond of hearing yourself talk. True; but since you have endured so much, you may as well endure to the end.

7

На этом сейчас он крупно горит. Этот процесс начался не вчера и будет продолжаться, вы еще увидите. Но чтобы до такой степени! Он дурак, что кому-то говорит такие вещи. Она уйдет от него при первом же намеке, как только узнает. А я сделал вид.

Not only EN FAUT DE MIEUX but a greatest particle of our past and our school and influence and hope. Yes. Never mind the compulsory character of the beginning.

They mistook us for You-Know-Whom or at least for I-can't-mention-it's-even-worse. Strane people they are. Strange, I mean. Not very funny, indeed.

Сидеть и раздирать страницы собств. книги.

ФИЕСТА с 5 до 7, и на этом он крупно горит. Но я хочу дружить с человеком, а не с домом. Друг дома? Кроме того, дома не видно человека. Человек перестает быть человеком у себя дома, нет? Он хочет отдохнуть, нет? Но у себя дома он самый неинтересный человек, которого только можно себе придумать. Но у себя дома она только тем и занимается, что капризничает.

8

Плантаторша-модерн перестала тосковать по зимнему пейзажу. Я спутал два сюжета: стрельбу и собаку. Кроме того, почему-то оказалось ДВЕ СОБАКИ. Как будто трижды герой — не он и доктор наук — тоже НЕ ОН. Особой чистоты никто и не ждал от травы забвения, но все-таки. Кому позволяют распоясываться? Осип Колычев. Но он не умеет распоясываться. Оба хороши.

Б. Жутовский опять — жуткое дело. А какие были колготки? Какого цвета? Зеленые. Ну тогда это неинтересно. Теперь в моде красные. А где был хозяин дома? Тут же. То-то, я смотрю, он на меня иначе стал смотреть. И это будет продолжаться. Чепуха какая-то. Если бы этим все кончилось. Может, ты его возьмешь на снабжение? В том смысле, что уж я тут как-нибудь попользуюсь. Поэт от стихов переходит к прозе — тут все, но я знаю только одного поэта, у которого это хорошо получилось. «Шут в лесу» — такая поэма: в ней заложен метод, но дело не в методе. Дело в том, что он любил этого человека и дорожил памятью о нем и все время сожалел: лучше б я погиб, чем он. 3. Паперный за 27 копеек. У вас есть? Такая «публицистика» у Лескова где-то в 6 томе. Я их отшил. И вопрос — кто кого? — не ставится. Вот как это называется: медленная пытка заболевания, гниения и разложения — судьба большинства людей. А для счастливчиков, а для немногих, а для избранных и только для избранных — мгновенная смерть.

9

MAY DAY

may I mention?

Ничего лучше не мог придумать. Чем-то отличается «Цикута» от всего остального. Но чем, но чем? Вот для этого и существует КФ. ФК тут не поможет, наоборот. Еще раз три буквы начертал он на щите — ФМД чужою кровью. Аглая промолчала. А кого же еще и обманывать, как не Аглаю. А она его огненная поклонница. Вот ты всегда споришь до хрипоты, потрясаешь своими записными книжками, а нужно только доверять моей памяти. Я кое-что помню. У меня кое-какая память, и уж если я помню, так Я ПОМНЮ. Не надо у меня отнимать тех немногих достоинств, которыми я все-таки обладаю. Длинно, нудно и неинтересно по-русски, а по-английски всего три слова.

GOD IS SPIRIT AND IN THE SAME SPIRIT IF I MAY MENTION THE UNMENTIONABLE.

НАКАЗАНИЕ

то же самое: казнить неупоминанием. Голос Алены Старицы все равно перекрывает голос поэта Мандельштама. Я научила женщин говорить, но как их замолчать заставить? Опять потерял цикуту. Чортов порядок в чортовом хозяйстве. Но откуда берется легенда о меньшей нетерпимости, вот что я хотел бы знать. Откуда?

Надувная лодка

Он мне перебудоражил весь день. Он сбил меня с велосипеда. Я и так прочитал 4 раза. Хватит, хватит. Сказал я иначе, там были более нервные ритмы. А иначе не успокоишься. А спокойно читайте по-французски книгу, написанную в 18 столетии. Он повсюду с собой таскает атмосферу успокоения и даже умиротворения. Тут сдохнешь от одного стихотворения. Сказал и забыл.

Just the time to read French. Just the moment to run away. When I get highly baffled I just open page 174 from the novel For Whom The Bell Tolls. It's a reassuring sight. You ought to try it sometime.

Can't you see it's different? Can't you say?

Но мне нужны другие ритмы:

20 лет спустя рукава

например.

Сотри случайные черты, и даже ураган прекрасен. Если это никому не нужно, то тебе тем более. Но молчаливо подразумевалось другое. Если ты это делал, значит тебе это нужно было. Тогда нужно было, а сейчас не нужно. Но делать вид, что это нужно сейчас, тоже нелепо. Нам не войти в ее интересы, она ушла в историю древней Руси. Все привыкли, что мы ходим в лохмотах. Пусть отвыкают. Действительно свинство. Символ божественного доброжелательства в Катманду его и вдохновил на фразу «Большой Брат за тобой наблюдает». Глаза Будды из Непала — Пагода Боднатх. А также и высшее знание символизируют эти глаза. Она ужасно часто врет. Золотой ребенок. И днем и ночью скот ученый все ходит по цепи кругом. Знаете, что они кричали? Они кричали два слова: УСССАТЫЙ КЛОУН! Суковатая палка забыта в кафе. Я сижу на суку, а он, сука, с пилой хочет перепилить мой сук. Никакая сука твой сук не собирается трогать. Даже У.Ходиссукк и тот воздержался. Я позвонил как раз в тот час, когда в том доме вот уже 15 минут как шла интеллектуальная жизнь и хозяйка дома устала, и ей не давали отдохнуть. Ну почему у вас такие глаза, как будто через 15 минут вы ожидаете взрыв? Взрыва не будет. А заботы были как в почтовом ящике. Откупорь мне там место на письменном столе. Ты уж не можешь в других терминах разговаривать, кроме как «откупорь»?

Такая небольшая и незаметная выбоинка — я ее не заметил на повороте под уклон — и может выбить из седла. На такой скорости это просто шею свернуть можно.

Под хеттов, конечно, под хеттов. Цитата из Лескова такая. Владыка решение консисторское о назначении следствия хером перечеркнул.

Смерть велосипедиста. Он меня бережет пуще милиции, шофер грузовика на шоссе. Но и ураган над Эстонией — большая случайность: бывает один раз в 100 лет. Наше счастье. Ты не знаешь, когда считается бабье лето?

Буду сидеть и раздирать страницы собственной прозы. Больше можно и не писать.

А сущность новой обезьяны — в упрямстве. Она же и каприз. Хочется чего-нибудь патриархального какого-нибудь матриархата. Ваша хата с краю, это я знаю. Школа плавания в эпоху Синявского и Даниэля. Опять чтобы скоротать время ожидания чего-то, что, быть может, вздор.

Как Гете про веймарскую конституцию. Нужна как звезде зубы. Как верно здравый смысл народа значенье слов определил.

Эх рожа-рожа, на кого же ты стала похожа! А было тонкое лицо интеллигентного мальчика, которого можно было поразить только манекенной красивостью еще одного красавца, хотя и не поэта. Пунша пламень голубой. Вы же не помните художника из «Комсомолии». Вы же не помните автора рассказа «Свидание», потому что пришли в литературный кружок Ойзермана только через год. А Ярополка Гунна? А Слащенко? А Нарочитова? А стихи про дым папирос. А ухожу, как Парис, за своею Еленою, за своею безумной тоской ухожу. Когда-нибудь осенней ранью я брошу край родных отцов. И только прорыдает осень и дали передаст привет, что эту жизнь навек окончил последний, может быть, поэт. МОЖЕТ-БЫТЬ-ПОЭТ в вашей жизни сыграл скромную роль, но рассказывать о нем стало вашей первой специальностью. А когда кто-то вызовет на Сенатскую площадь, вы скажете что следует кому следует. Пока не вызывали, а я так и понял. Иначе бы вы иначе писали. Жил я по евангелью Фомы. Хома Врут и ты — оба вы обошлись без темноты и разговора там, где нет темноты. Ты понимал бы больше, когда б сам обо всем догадался. Не мне, не мне об этом. Я и не собирался. Но вы читали Ж.-П.Сартра в нашем переводе и в моем переплете. Вашу дочку видели в ЦДЛ с этой книгой в руках. Так значит можно только стихи заучивать на память и больше ничего не знать и не хотеть знать?

Можно было бы выразить и поконкретней. Неужели эта махина проделана только ради одной страницы? Сколько тут страниц? 739? Уже есть готовая формула для фырка. То, что он называет книгой, вовсе НЕ КНИГА, а собранье горестных замет. Это же выписки. Ах и это выписки? Ну, так каждый сумеет, а я-то думал, он сам написал. Это же все под диктовку. Ах и это под диктовку? А я-то думал ЧТО. Коньяк тут, Валя Никулин в другом месте. Как это похоже на все остальное! Как это похоже на публичную библиотеку: книга в одном месте, кофе в другом, а курить можно только в третьем. Странно, что в метро никогда не возникает потребность закурить. А в библиотеке этот импульс имеет форму «бежать отсюда». Или солидные или недоступные: несолидные доступны, а солидные недоступны. А я стараюсь быть разнообразным, но получается ни то ни другое. Эта мысль пришла в подземном переходе от Центрального телеграфа до Российских вин. Дальше мы не пошли. Е.Б.Ж., больше так делать не буду. И так всю дорогу.

СМЕРТЬ ВЕЛОСИПЕДИСТА не поддается чтению вслух. Может быть, потому что там сказано: больше можно и не писать. А выбор еще меньше, чем у точки без запятой. Эпоха переплетов была декларирована давно. Но какой конфуз с бегемотом! Теперь все идет под «Скрибблдихоббл». Ну и хорошо. Это значит: терпи, девочка, терпи! Это, конечно, очки.

А Каконсней живет-поживает? Как она с ним, так и он с ней.

Ein Reisebericht fur meine Freunde:

M O S K A U 1937 — eh? Never in my life did I read a book with so exciting interest, with pleasure, with thought, with influence on the following steps in my life. As if a book can model a behaviour. AS IF.

The crucial point was critical attitude to life and the unreal, non-genuine reality. That's the beginning of an end.

Вот где таилась погибель моя.

Доктор Выпиваго разорился и купил «Маски» Андрея Белого за 12 руб. И все из-за одной 78-й стр. И коммуноид занэпствовал бы.

СМЕРТЬ ВЕЛОСИПЕДИСТА стоит рядом с английскими «Сопоставлениями». Тайну свято сохрани. Сохранил. Вам же хуже. От вас ничего не осталось. Тайные радости Бенвенутто Челлини. Наконец-то мы узнали в точности, что это такое. Почему поздно? У меня режим. По режиму мне пора. Но дело не в километрах. Но дело не в самом большом формате. Что-нибудь великолепное, как та картина, которая у вас хранится в тайне, потому что святыня и бесстыдство нераздельно требуют, чтобы их никто не видел и об этом никто не знал. Вот мы и добились того самого состояния, когда накал вокруг чувства слова слишком велик, чтобы сидеть и печатать на машинке. Нам нужно мчаться. Мчаться куда-то, куда-то мчаться.

Не так уж мал этот зубоскал. Менаж а труа? А катр! Или вам нужно больше? В одном сантиметре 6 километров. В общем, Москва в диаметре 18 километров. Рядом со словами, написанными ночью на пачке сигарет «Прима», а стоит почему-то возле «Нефти». Турецкая казнь сажания на кол: турчанка Азадэ не забыла. Все равно, она хороша, когда отбивается. ЧБ в данном случае — чудная «бэ», а не чортова бабушка. Хочется увидеть Г 3 и посадить ее на 3. Какие-то сокращения, я уж забыл, что они значат. А указатель где-то запропастился. Такая маленькая книжечка салатного цвета. Была когда-то. Она еще с алфавитом. Там все варианты всех сокращений. Пособие для главного стилиста КГБ.

Ну 20 километров. Но дело не в километрах. К усталой женщине пристают с любовью. На сантиметры меряют портные. Ну еще мальчишки, когда хвастаются эрекционными прогрессивными размерами. Еще никто из них не знает, что дело не в размерах.

Как поживает твое левое Я?

очередная

Надувная Лодка

М
67

Но зачем же нагонять страху? Можно подумать, он на всем скаку с обрыва в реку хочет прыгнуть. И почему он корчится на берегу? Это он переживает. Как это ни странно, вид футбольного мяча на настоящем поле действует больше, чем кино. Эдик, ты меня не жди. Под буквой «Ж». Да, мы там и встретились. Ах, вон почему дорог тебе твой дом. Вот что нехорошо. За 40 минут можно душу вынуть. Да что там, за 15 минут можно, задав только 3 вопроса. Я вам лучше нарисую. Смешно переходить на рисунок пером. Тут кругом всякого жита по лопате. Я не знаю, к чему это сводится, но вид неважный. Кто-то позаботился. Я отвык. Да, я отвык. Странная штука получается. Читальный зал и книги без разговора о книгах. Так же можно заполнить абсолютно всем. Тут ведь дело в непочатых силах. Лента слишком жирная. Бумага в клетку раздражает. Один вид текста через два интервала на редакторском листе наводит уныние и сон. Калитка в стене появилась бы еще раз. При ярком свете дня видения ночи блекнут. Вчерашние заботы. Завтрашний человек идет и улыбается. Я не знаю, зачем ему это было нужно. Со всех сторон дым, нет никакого спасения. На каждом шагу подстерегает нелепость. Я никогда не употреблял таких слов. Трезвый взгляд на известной дорожке. Печальный эпизод. Попробуй проверни самобытность, и ты останешься в одиночестве, окруженный чужими заботами. Я тебе буду читать вслух. Мне все казалось, этому не будет конца. В хорошем смысле. Все еще впереди. С нехорошими интонациями. А мы не ценили, но в следующий раз, когда мы будем жить, мы будем ценить. Вот-вот. Черновик тем и хорош. Там не только единоборство, но и реальный конкретный результат. Жалко, что нельзя его оценить в момент результата. Но чувство не обманывает. Ощущение было правильное.

НИЧЕГО ГОРЯЧЕГО
Я КАК БУДТО
НЕ ТРОГАЛ

В этом есть своя
«рэзон д'этр».

Обыкновенный фашизм
был в другом контексте.

Откуда такая информация?
Откуда он взял цитату из
Киплинга по-русски? Нахал
он, вот что я вам скажу. Не
только сам перевел, но еще
и сам сочинил. Теперь уж ни-
кто не поверит.

Без фотокопии, заверенной юрисконсультом, теперь уж
никто не поверит. Пергамент из телячьей кожи и переплет
из нержавеющей стали мне понравился.

Иногда это и ошибка.

Странно, что про Эдгара По
на этом формате почему-то
нейдет. Удивительная осо-
бенность чужого лексикона.

Иногда это оплачива-
ется, иногда — нет. Вам
это нетрудно и уточ-
нить, не правда ли?

Такой вежливый разго-
вор был на стоянке
такси. Но старомодное
воспитание победило.

Обо что я обжегся? На
пальцах явное ощущение
ожога, а я ничего горяче-
го не трогал.

Особый платонический инте-
рес к рисунку: кто-то будет
рисовать, а мы будем наблю-
дать, а значит и поучать.

И учит не-
НАВЯЗЧИВО

У всех в зубах навяз
пункт навязчивости.

Ах какая это
была жалобная
книга!

Как разговор с предпоследней прямотой. Есть в ваших днях такая точность: а вы, конечно, тоже догадались, хотя не без Интернационала, но ближним сумели оставить славу. Уж какую ни есть. До слуха вашего дошли и ямбы уездного Кампанеллы, но вы же не собирались в 36 году бросаться под трактор. Вас тогда вообще еще не было. Вы пришли потом, но об этом и поэт Лещенко рассказывать не будет. Потому что не тот собеседник. Штрафники в разведку с боем, все там полегли: был бы интересный разговор. Не ваша наивность, не моя еврейская солидарность, ни то ни другое не поможет нам без коньяку в корреспондентском клубе. Вот эта толстая заплывшая рожа и есть наш комсорг со второго курса русского цикла? Не может быть. Вот и весь наш разговор. Сережка? Разве это он? Не может быть! Шурик? Какой Шурик? Я не знаю никакого Шурика. Да и вам пора забыть жену Азефа. Незабываемый Рабинович опять по дороге в институт русского языка: я недаром вздрогнул. Кстати, с кем вы все-таки говорили о Марине Цветаевой в ИФЛИ? Мне интересней про того молчаливого парня не без чувства пародии, которого вы конечно помните, вы все конечно помните. Вот онто и был главной фигурой, а поэт Коган ему только помогал. Вы, конечно, не заметили. Разговора не было. Не было такого разговора. Да не было такого. Не было.

Летучая мышь днем — беспомощное существо, кроме того, она, видимо, спит и не видит, что ее собираются схватить. Если вырвалась, улетит. Мы обнаружили летучих мышей за ставней окна, которая давно не закрывалась. Одну упустили.

У нее красивая мягкая тонкая кожа на крыльях, как резина, складывается и растягивается, как на зонтике. Она не кусается. Может, у нее и зубов нет?

Ах вон что.

С морозом дело так: разбивать кролика — ошибка, выброс пятой ноги — может быть, тоже. Только вынесенный в начало текст и неделя в конце, только это и больше ничего создает единство. Мало радости. Тем более, что избежать подклейки все равно не удалось.

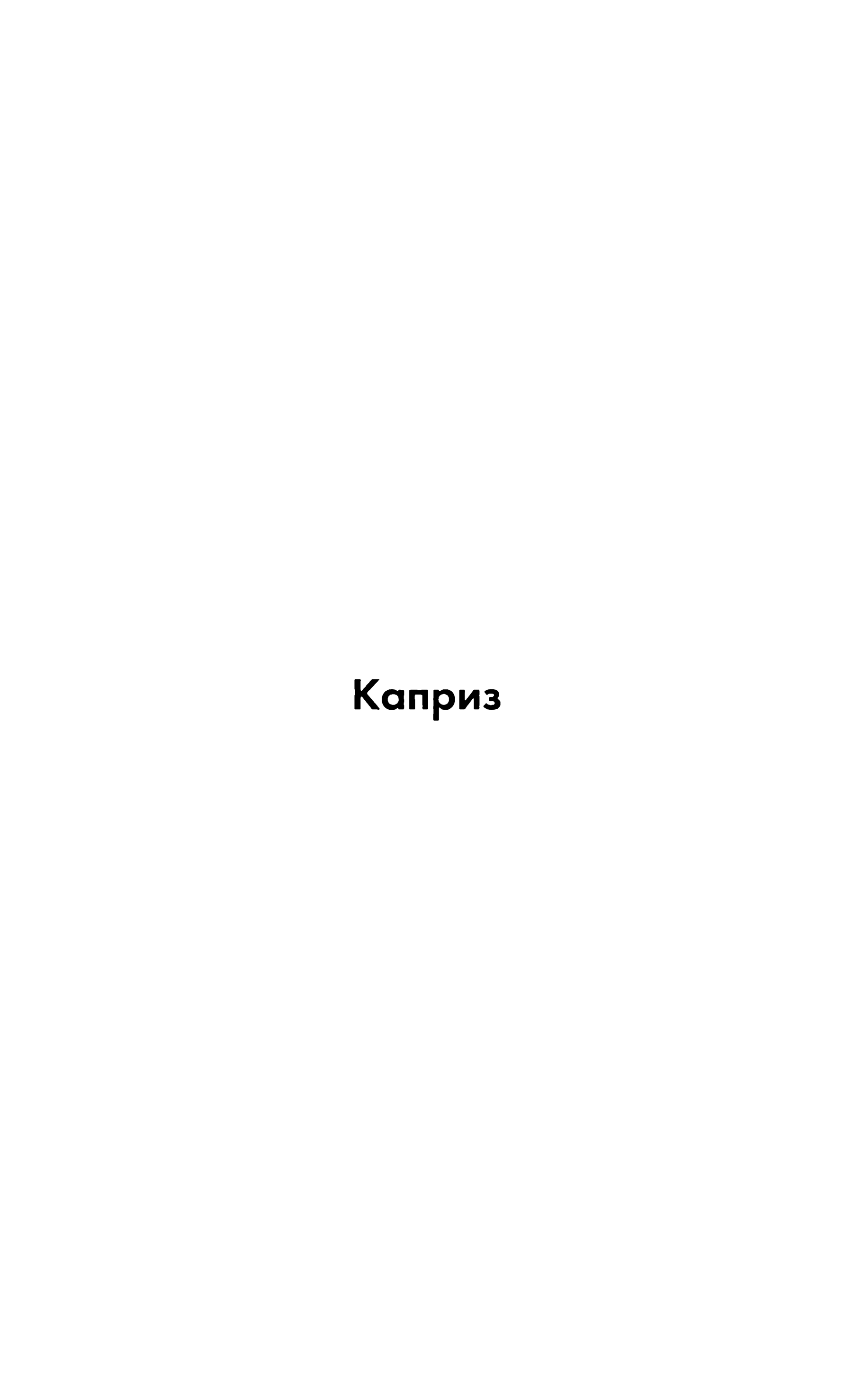
Маргарита Морицовна вошла в подземелье и вскрикнула, а мы ее ждем. А мы боимся темноты и вдруг кто по голове ударит. Как потом оказалось, она увидела замученного ребенка и упала в обморок. Мы ее зовем, она не откликается. Что-то страшное произошло, а ожидает нас еще страшней. Мы все-таки идем в подземелье и видим, она лежит в обмороке.

Вот видишь, что значит зарядка и обливание холодной водой. По словам Маргариты Морицовны, она очень много работает. И выглядит и ведет себя и интерес к жизни и вообще самочувствие лучше, чем у нас, а мы моложе.

Только один раз — просто подарок — удалась попытка большого дайджеста. Но это уже ритуал. Крик на кухне с утра пораньше. Все остальное можно найти в новой стенограмме, которая не имеет вида стенограммы.

Это ужасно, когда действуют какие-то привходящие штуки. Глаз изголодался, да. Для глаза нужна картина, по крайней мере с нужными линиями. Краски осеннего леса. Вот теперь я вижу эту комнату. Как бы мне попасть в мир по ту сторону зеркала? Мы приготовились умирать, так что все остальное перестало иметь значение. Выдержать 8 с половиной секунд воющего визга днем было просто. Вот ночью просыпаться и без подготовки ждать, когда тебя разорвет на куски, это было трудней. Сколько тут их? 4, 6, 8? Или это двоится в глазах? Сажать когда будем? Пора сажать. Не торопись, погоди, всегда успеем. Тоже мне нашел где искать Сорбонну. Милый мой, ты голодный, иди ко мне, дурачок! Вид исписанной тетради внушал уважение. Глаза смотрели на мир внимательно, очень пристально, ожидая, что в любой момент может произойти чудо. Что-нибудь неслыханное может произойти в любое мгновенье, и как можно пропустить? Нельзя пропустить. Как передать на бумаге улыбку, когда вся прелесть ее — в движении? Что-то слишком много вопросительных знаков. Конечно, ожидание чуда. Кино теперь это передает. Мне хоть бы немножечко побыть бы в твоей шкуре. Мне бы очень быстро надоело, это я понимаю, но так важно для разнообразия побыть в чужой коже. А ты еще с этим бревном церемонилась. Как это ни странно, но именно так и было. Мне было бы тошно, если бы я знал, что такое стихотворение еще не написано.

Но он воспринял бы это как продолжение классовой борьбы, которую он вел 30 лет тому назад. Да не хотел я ему доставить этого удовольствия. У меня не было возможностей парировать удары, которые он мне будет наносить в разных местах, о которых я и понятия не имею. Давно не видел этих страничек. Теперь бы они мне не понравились, я знаю. Своей лобовой лексикой по крайней мере. Этот Феликс упражняется в падежах на радость всем баснописцам. Я не то хотел сказать, но вы меня поняли. Это условно так называется, а условия часто меняются. Я забыл эту метафорическую птицу. А он что, напоминает, да? Не знаю, не знаю. У него звучит это мрачно и почти угрожающе. Вы заметили мой духовный рост? А мой духовный портной подходит опять ко мне со своим старым духовным сантиметром. Конечно, у него ничего не получается. Велосипеду велосипедово: я кладу велосипедные штаны на велосипед. Я не знал, что кривая отсюда не вывезет. Нет более забытого угла. В целом весь переплет — неудача. Уголки неудачные получились. Это связующее звено — портрет его помещен впервые в 85 лет — уже давно никого не связывает. Цепочка распалась. Это же работа под скоросшиватель. Отнимите у него зажигалку, отнимите. Осторожней с авторучкой, она может брызнуть неизвестным ядом. Усталость, прикрывшись рукой, уже ничего не воспринималось из того, что кругом происходило. Ошибка немецкого ученого опять повторяется этими французами. От специалиста по намекам нельзя требовать точной информации.

Каприз

1

25.8.67

Опять та же ошибка. Когда я перестану быть маленьким? Если вы заметили отдельные недостатки, сообщите нам. Если нашли что-то хорошее, расскажите всем. Вот как надо, а то вы. В сущности, то же «Свидание», только то было в начале, а это в конце жизни. Джеймс Джойс помог больше, чем Шадерло де Лакло. За то мы его и любим. Эта старуха перевела и «Улисса»? И у нее в рукописи можно прочитать «поцелуй меня в пизду» (733 страница парижского издания)? Феликс Круль увидел два толстых волюма, но он не знал, где что сразу искать. Совершенная Вольпинианка ему намекнула, но не просветила. Только один долг, и только одна проблема. Биологическая, а не политическая, и лучше всех пока ее сформулировал Эрик Блэр. Сохранить себя. А все проблемы решаются метастазами. Как будто Бог желает видеть Свою вселенную новенькой каждый божий день. Как будто. Опасно только превращаться в бессловесное животное. Первое открытие в век открытий — это с 16 до 21, но не только тогда, но, вообще говоря, и еще раньше. Как история человеческой души от зачатья до рождения. А сущность новой обезьяны — именно в упрямстве. Она же и Каприз. На этом рабочем определении Достоевский и остановился. Тоже ничем не хуже всего остального. Школа плавания в эпоху Синявского и Даниэля (1966) — хочется чего-нибудь патриархального какого-нибудь матриархата. Ага. Ваша хата с краю. Да. Опять чтобы скоротать время ожидания чего-то, что, быть может, вздор. Больше можно и не писать. Тут можно поставить дату. 25.8.67

Странно, что пентаграмма не действует на полях уже написанной книги. А я пойду один к неведомым пределам, душой бунтующей навек не присмирев.

2

Тут разгорелся лингвистический спор среди переводчиков Джемса Джойса. Она принадлежала к той школе, которая придерживалась того мнения, что тут надо сказать «лизни меня в жопу».

Как будто старые слова мешают. Как будто слова связаны с местом. Как будто кому-то нужны новые слова.

Название книги слишком настраивает на робота, разве нет? Нет, конечно.

Метастазы (1967) —

18 тетрадей. Но БОГ все время с маленькой буквы.
В этом вся и разница.

Спешу и падаю.

Ни брови ни бороды ни усов, ничего мне принадлежащего никому не давай стричь. Крик по другому поводу. Виконт веселится, король забавляется и всего на 2 копейки. Семпера? Темпера? На минуту зашла. Так начались разговоры сначала стоя. Потом уж я села. Потом сидя, потом лежа, потом опять стоя. И никаких интимностей. «Дристун», конечно, тут ошибка мировой литературы. А «говнюк» пишется все-таки через «а»! Единственно, что не вызывает возражений - это «засранец». А слово на пэ ты можешь увидеть у Даля в старом издании. Неужели в самом деле. Ухаживание за женой по-английски застопорилось. Метастазы, впрочем, тоже.

3

Эпоха переплетов только началась, как все это и произошло. Точка с запятой, как и черное солнце, тем и хороша, что там было не до переплета. Озеро в жаркий день перестало сниться. Беда или победа, этого я еще не знаю. Во всяком случае, отдайка-ты этого Апдайка! Чтение и перевод «Ухаживания за женой» — интересная игра. Только запоздала. Где ж ты была раньше? А я была тут же. Только ты меня не заметил. И я был тут же. Только ты на меня не обращала внимания. Хлопнуть дверью — плохое название для книги, но ничем не хуже «И опять восходит солнце». На этом основании эту подборку можно озаглавить «Фиеста». Или ФАРНИЭНТЭ. Фарниенте? Твой закон. Упрямый человек. Моя проза на материале вашей книги: очень важен выбор и еще важней монтаж. Слова ваши. Как будто когда-то еще было иначе. А то, что вы думаете, составляет вторую часть — табу. Пока.

4

Наши знакомые вчера, сегодня И неизвестно когда. Не так уж оправдана московская кинонеделя в Эстонии. Если вчера вы были в Москве и видели Софи Лорен и Марчелло Мастроянни, тогда конечно. Отчаяние будет преследовать вас и в Таллине. Я пулей пролетел мимо Лубянки. Ну просто потому, что там подгорку вниз, и я знал, что тормоз у меня надежный. Кроме того, теперь уж, раз сюда выехал, терять нечего. Я же не знаю этих правил уличного движения. Я же не умею теперь поворачивать в левую сторону. Слава богу, везде требовалось поворачивать направо. На углу Герцена и Проспекта Маркса постовой милиционер покосился на мою палку, которая торчала из багажника, а я подумал: свиснет или не свиснет? или я что-нибудь делаю не так? Когда я свернул на набережную в виду большого красного кирпичного красивого дома, я вздохнул свободно. В крайнем случае, могу и довести велосипед до дому по тротуару. Вот была мысль. Она мне не давала спокойно заснуть в Эстонии. А как я буду ехать через центр? Сухое вне нормы венгерское вино в знак двух побед домашнего значения, и ты свободный — пока! — человек. Ухаживание за женой на половину готово. Воскресенье — хороший день, понедельник у вас — плохой, значит я жду во вторник или четверг. Очень мило с вашей стороны проявить такое внимание. Ей-богу, единственный человек, который хоть как-то считается. И если складно это выразить, Володя Корнилов, то и на том тебе спасибо. Но у В. Корнилова есть гениальные стихи про рыбу. Даже Ю. Айхенвальд не смог таких написать. Ладно, я все-таки выпишу цитаты из Шадерло де Лякло по-французски. Ладно. Преодолеть барьер давно написанного никогда не удавалось, но поплавок, но Балтийское море без поплавка, нет, лучше еще что-нибудь только что пришедшее в голову.

5

Проделал забавную операцию с озером. Во всяком случае сбил ощущение оскомины, возникшее от чужого взгляда однажды. Во всяком случае, работа над озером в жаркий день продолжается. Переплет оживит и первую попытку улыбнуться. Ласточка моя. ЯЛТ. Вот было самое яркое впечатление от Ленинской библиотеки. Я впервые в жизни проехал мимо нее на велосипеде. Ну как бы сказать? Это как возвращение к далеким забытым годам в старом доме невозвратных лет с книгой Майн-Рида на диване: я буду ирландец Ван-Дик, а ты будешь капитан Кассий Кольхоуэн. Ваня Миронов отказался. Но ты не знаешь, какой он благородный человек. И что он сделал с крапчатым мустангом. Все забылось, а решение никогда больше у всадника без головы она помнит. И вспоминает, чтобы попрекнуть. Дым отчества — как фамилия отца: все в первую очередь вспоминают, а сын хочет быть известным сам по себе, а не потому что он сын знаменитого поэта. Какой-то Проспект Мира. Это, кажется, б. 1-я Мещанская. Уже были звонки. Уже Сааремааа приехала. Но я знаю ее голос! Я узнала. Вокруг событий скрытого сюжета громоздилась стилистика ученического перевода. Что мне сказать? В. Гаевский читал вашего Хайдеггера? Ну вот когда прочитает, тогда и я. Л. Невлер до сих пор не может представить, что для нас был Т. Ойзерман. А Карл Кантор только внес незнакомую струю в тот воздух, который создался вокруг Умберто Д. Но Агата Кристи — умная женщина. Лишь бы не на глазах. Вы будете рисовать мой портрет, а я ваш. В каком году это было? Я оглянулся на тополь и понял тайну старого рисунка. Да, именно тополь так можно рисовать карандашом, и только листва тополя подходит под карандаш.

6

Хочу еще раз видеть Пал Палыча на полустанке. А что при этом скажут снобы из ресторана Дома кино, нам со второго этажа. Я не понял, почему неприлично. Почему ж все-таки она вам не показывает ничего из написанного на известную мне и вам тему? Она несомненно пишет, но об этом может рассказать только Юра Горохов. Я никогда не увижу этого человека, поэтому без зазрения совести ставлю его фамилию. Может, он тоже заинтересован в бессмертии. А поскольку у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что он хороший человек, то почему бы нет? Вот уж никогда мы так не пишем. Но всегда именно так говорим. После этого он мне будет говорить: 2—3 перевода, и готов диктофон для записи слов Таши Сарасова. Ерунда. Даже Ленку Строеву мне пришлось перевоплощать со стенограммы на машинку, а то еще Саша Тарасов. Носи диктофон всю жизнь в кармане, и ничего кроме улыбки и междометий не услышишь. Господи, как они мне все надоели со своим Хайдеггером. Даже Вы не читали? Ка-а-ак? Не может быть. А ваш друг Косыгин? Сдохнешь от тоски, пока хоть одно слово услышишь. Нет, кончился Хэмский образ о жизни, и возврата к нему не будет. Юрка до сих пор не понял. Я этого опасался, но это уже было, а теперь уж не имеет значения. «Поплавок» и появился на свет только из-за того, что я не не выполнил своего обещания насчет Сирано де Бержерака. Он забыл. Пошли другие проблемы и другие события, но все остается по Брежневу. Когда скажет вам товарищ из ЦК, что мол правильно мечтаете пока? В кафе я бы пил меньше. Ушел собеседник на тему «Как мы пишем» Андрея Белого.

7

Прыжок через метастазы. А разве у Галича не было? Щенок! Я до сих пор не могу переварить тот разговор, который он однажды осмелился провести. Но вот пяти страниц из «Капитала»? 40 000 читателей сделали одну и ту же ошибку. Все начинали читать Карла Маркса с первой страницы и, прочитав до опупения страниц 10, не больше — бросали. Один Н.Балашов, прочитав первые три главы «Капитала» по Энгельсу, всех обхитрил, потому что через 60 страниц начинается такой текст, который можно читать, как роман. Ворвался этот псих в читальный зал Калининской библиотеки и заорал дурным голосом. Сидите? Читаете? Ну и дураки! Я тоже был такой дурак. Я хотел «Капитал» Маркса изложить пятистопным ямбом. Николай Шпанов и покойница Как-ЕЕ-Забыл, она еще написала «Жатву в пути» или это пародия? Я вам позволила писать такие вещи, и с вами не разорвала и не поссорилась. Можно мне выбросить всякие оргазмы? Вот дура! Но для нее же важнее было показать своей лучшей подружке Той-То, чем заслужить ваше одобрение, почти Максим Горький устами почти персонажей «Путевки в жизнь». Видали ошибку Пекинской тюрьмы в последний раз рядом с двумя бутылками пива и новой воспитанницей. Да все они разбрасываются. Вроде меня. Он что-нибудь сдал в аспирантуре или нет? С твоих слов я начинаю видеть ЖВЧ в новом свете. У тебя должна быть твердая и твоя точка зрения. Это не имеет значения. Ах гады академики хорошо живут. Если в ее жизни связать с таким человеком, так уж будь благодарна, а мне, если ее послушать шоб, да, да, обидно для и за себя и ЗА ТЕБЯ. Ты лучше мне не говори такие вещи, а то я начну к ней плохо относиться. Мне тоже обидно, что ты — не Паустовский и не Федин.

8

(продолжение ВЕЛОСИПЕДА)

Ах какая трагедия, что он у нее — не профессор! Ах как ей хотелось бы быть профессорской женой. Пусть скажет спасибо, что он до сих пор не сидит, дай Бог ему здоровья! Я тоже могу так. Я тоже могу кое-что высказать на эту тему. Я только молчу. Мы перескочили через м е т а м а т е м а т и к у. Мы перескочили через «Метастазы» (1967). Нам это теперь ни к чему. Гораздо важней — доставить велосипед с Ленинградского вокзала. Гораздо важней еще кое-что. Да я уж молчу. Я ни слова. Стилистика скрытого сюжета только помогает иногда через Джеймса Джойса, а иногда даже через Шадерло де Лякло. Что-то сделалось непонятное с ручкой. Ты себе испачкаешь, костюм испортишь, тебе теперь нельзя. И ни разу не заглянул в слова, написанные только сегодня утром. Вот ужас. Какому царствию не будет конца? Что ты не понимаешь, что меня сейчас волнует? Мне удалось самое главное, я умолчал об этом. Велосипед. У нас пока нет оснований считать ее перевод «Дон Жуана» лучшим, у Акимова почему-то есть. Весело, конечно. Это ты сохранишь. Да, великое событие. Я теперь из окна коммунальной квартиры могу смотреть с точки зрения велосипедиста. Да что там! Я могу теперь на Кремль смотреть глазами велосипедиста. Ты и представить себе не можешь, потому что ты никогда не был велосипедистом. Вот так.

9

продолжение ВЕЛОСИПЕДА

К твоим сединам так пристала корона царская. Я немножко забралась не в свою тональность. Ты будешь царь земной. Сэлинджер для девочек, помню. Убить пересмешника — мы видали в «Метрополе». Сс-мм моо? Спасибо доктору Елизарову. За операцию по Богоразу. Люди в белых халатах, низко вам поклониться хочу. На пути к невероятному — слезы великого инквизитора. Следующего раза не будет. Не будет и все. Мой папа — великий хирург, мой отец все может. Так мы опять возвращаемся в Южную Америку. Доклад профессора Краснушкина в Политехническом музее после Нюрнбергского процесса о психопатических личностях произвел неопределенное впечатление. Так же неопределенно звучали и отзывы других профессоров о заслугах этого профессора. Племянник профессора Краснушкина! Няня-старушка поверила. По жене. Но он по яйцам бил! Тоже произвело впечатление. Везет же людям! Не знаю, не знаю. Завтра я отправлю эти слова в архив на выдержку в течение энного количества месяцев, а может и лет. Не такое там уж дикое место. Рядом полуденный паром на острова, с которых шведы бежали в Швецию. Ладно, пусть останется.

So lang du lieben kannst! So lang du lieben magst. Es lebe der Wintersport. Miss Britain or miss Great Britain? I envy your troubles, mister teacher. Now we return to "Les Liaisons Dangereuses".

Критерий

1

КРИТЕРИЙ

23.9.66

Уклейка на учете. Тут все на учете. Вот только повестка из военкомата почему-то не вызывает чувство юмора. Как китайская культурная революция. Смешно на расстоянии. Клев бешеный. Вобла берет у мельницы. Вобла и чехонь, по-бешеному, вчера ПП полный рюкзак домой принес. Бирюк везде. Как называется то место, где жируют сазаны в августе месяце? Но желал бы я знать умирая, что стоишь ТЫ на верном пути. И смысла нет в борьбе. Теряет смысл, теряет всякий смысл такая работа. Евпомп работал с помпой. Так казалось чистому читателю на первый взгляд. Но уже поэтесса Элефантис знала, что это далеко не так. И смысла нет в мольбе. Опасная банальность. А он разве читал роман? И смысла нет в звезде. Вичка — молодец, другая бы постеснялась придти без подарка на день рождения, а она прямо: придется нам к вам еще раз придти, я забыла вам подарок купить. Критерий тот же. Кто пишет стихи после 40 лет? Будем считать, что свет погас. А он — главное — помнит все свои ощущения и в 4 годика и даже раньше. Боятся все-таки, что это им не зачтется. Странно. А он вот не побоялся. С каких пор вы начали вести классовую борьбу против Ю. Смелкова? С тех пор как он стал носорогом и признал это. И они умрут в пламени. Это сказал Рода Рода. Про новый класс нечитабельная копия. Театральный разъезд не состоялся ни с черного, ни с белого, ни с красного, ни с желтого хода. Тут играет поэт Щупачов. Это произошло в тот день, когда она в последний раз была женщиной. Писатель Никулин сидел и размышлял: кость Гоголя есть, теперь бы череп Пушкина или Льва Толстого достать где. В. Гаевский: а живых классиков он кость не купит? Я могу ему свою продать.

2

А ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ МОЖНО БЫЛО И НЕ ПИСАТЬ

21.9.66

Запах музея сразу же переносит в те дни: как проехать до Третьяковской галереи? А как правда? От Волхонки до библиотеки Ленина, потом до кинотеатра «Ударник», а там спросите. Просто плохая вентиляция у старого здания. Внизу отчетливый запах мочи. Вчера он мне показался захудалым художником. Как верить импульсам? А чему еще верить? Как вы смотрите картины, это никому не интересно. Важно, что носится в кармане. ЧТО именно. Затрепал до дыр, заносил в кармане, лучшая похвала, зачитанная книга. А я вам возвратил. Извините за вульгарный жест, но он вызван вульгарным поведением. Вы думаете, всегда можно сослаться на плохую память у собеседника? Продолжаете оскорблять. Художник в Варшаве сидит перед своим шедевром и раскачивается в кресле-качалке: Збигнев Цыбульский впервые без очков. Зато есть что показать. Есть что выбросить. Тогда слабости превращаются в самую сильную сторону, и в этом оправдание всей жизни и надежда. Ага! Наконец-то мы услышали это слово. Никто не придал значения этому заявлению. Монти беседовал с Мао. Как и посол Гарриман устами лучшего друга комиссара Мегрэ. Корни этой дружбы уходили в леса Литвы, а вместо корчмы на литовской границе у этого Курбского для Гришки Отрепьева была шинкарка и прекрасная жидовка. Трагедия маленького народа, он все-таки понимал. Мамаев курган и женщина в мешке. Отчего отталкивались, к тому и пришли. Из того, что выдано на-гора и то, что осталось под спудом, разницы нет только в одном случае. Как раз тот самый случай, когда приходится выдумывать новое правило. Только такие случаи и стоит рассматривать. Ты почаще взрывайся. Сегодня я в ударе добрых чувств. Не мчусь. Не тороплюсь.

3

СИВЦЕВ ВРАЖЕК. ВРАЖЕСКИЙ ГОЛОС. А он ходит в военной форме. Он ходит к Кондратовичу. Они ходят на второй этаж. Не перепутают, прочтут и не перепутают: сразу видно. Удивительная способность. Кипит в застенке варево. Машинка дымится. А у нее когда что дымится? А вы знаете, что вы имеете репутацию лучшего друга теперь и вызываете бешеную ревность? А он у него теперь лучший друг! Это сказал Сирано де Бержерак. Кстати, возвратите что было до востребования в смысле мировой литературы. Очки ему придают загадочность, таинственность и интересность. А спор идет на тему, кто первый. И никто не хочет быть последним. Грузины это понимают. У вас же нерусский характер. Да, но зато куча впечатлений и все воспринимается как жуткая трагедия в твоей личной жизни. Только как элемент, но самый важный ингредиент. Как в «Даме с собачкой». А что именно Алексея Толстого? Такую взбудораженность уже можно брать в переплет.

21.9.66

Очистить желудок, советовал Алексей Толстой. Возмездие. Тут он знал толк. Чужая проблема. И надолго тебе хватит твоей Нобелевской премии?

Смешные далекие были. Ага, вы возьмете почитать и не отдадите. Возможно. Приятно. Наглость вдруг вырастает в самый нужный комплимент. Я вернусь тогда. Никогда не вернется. Никогда. А все остальное можно было и не писать.

Вздохнуть и улыбнуться. Мгновение остановилось. Мы читаем это понемецки. 21.9.66

4

А ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ МОЖНО БЫЛО И НЕ ПИСАТЬ.
С этого и начлось. С этого и началось. 21.9.66
Последний Гусар Мрожека похоронил отца и привез мать в Москву. У них есть возможности жить дружно, у них две комнаты на разных этажах. Вам тоже повестка из райвоенкомата? Но у него же нет никакой бумажки! Впрочем, гимназия есть. ЧБПК — член богатого праздного класса. Вот кого было интересно читать. Вот когда язык был оправдан. И упреки тоже. Гвардейцы-гасконцы вдруг оживили ураган-шотландские-юбочки, только конец фразы смазан, и это беспокоит. Ах, это всего-навсего оперная музыка? 5 минут с Никой Балашовым могут заменить всех программистов всех кибернетических машин библиотек будущего. Судороги продолжаются У Стен Малапаги — а-а-а! Ну хоть это осталось. Как фамилия того зубного врача? Не такой громкий, тихий спокойный, но такой важный голос без всплесков, без судорог, но как важно его услышать. Перепечатала вся западная пресса: триумф ИНС. Видели — не видели, верили — не верили. Но главное-то — думали, не думали и сделали все выводы. Друг на друга (ШПИЛЬ-РЕЙН!) собирали материал: «Президент» Жоржа Сименона. Для творческого труда? Ха. Швед из варьете по фамилии УЛФ ГАДД записывал адреса и телефоны. А я вам возвратил. Не выпить коньяку ли нам с Валей Никулиным? Все-таки читатель, только не у школы плавания. Самая хитрая штука — написать короткий текст, но сначала все-таки надо иметь самый длинный для сокращения, для выбора. Равняться на чужую стрельбу не пришлось. А нас интересует только устарелая информация. Объем информации уменьшается с каждым годом в 10—12 раз. Вы тоже не собираетесь жить в этом мире? Тогда почему такая осторожность?

критерий

5

Вот когда «А проблема та же самая», тогда все оправдано. Тоже ТРИШКИН КАФТАН. А все выводы только по ту сторону добра и зла. Никто не обратил внимания на это заявление. А я все козыряю своим последним козырем. Старая стенограмма для вас не должна быть старой. Летопись у летописца бурных дней чужой жизни наталкивается на грипп и головокружение. Где-то сидит работает, где-то живет, когда-то заскучает и выразит желание увидеться. А у вас болят зубы? Все идет как в кинофильме «У стен Малапаги»: начинается с зубной боли, а кончается арестом. Обыском, по крайней мере. Та же птичка на той же тропинке, та же беззаботность насчет обысков и следствий. Непреодолимый зуд — да, неуловимое желание — да, необходимый элемент — да. Только один абзац с одной страницы переводного романа. А все остальное можно было и не перепечатывать с утренней стенограммы. Звон колокола с колокольни Биг Бен нарушил наш покой. Мы узнали все новости из чужого мира. А наш голос говорил тихо. Дура она: про кладбище? это же мрачно! «Август» и «Повесть про садовника»: описал СВОЮ манию величия.

6

> А я его не люблю, Евгения Шварца. Даже «Тень». А чего вы, это что, ваш псевдоним? Так вы бы так и сказали.

СТРАННАЯ ЖАДНОСТЬ. Тут тоже были какие-то слова, но они потеряли свое значение. Слишком много нейтральных слов. Да, но нужно отвязаться от каких-то впечатлений, чтобы освободить место. Это Юрка-то мыслитель? Наша Инна — мыслитель, ха! Он решил, что он свои мысли запрячет в такой подтекст, что никто не догадается. Книгу одного театрального критика нельзя показывать другому: сочтет за личное оскорбление и за намек. Нет, не буду я ему наносить этого удара. Он не выдержит. Правда здорово, это я ему сказала по телефону? ВПГ — все признаки гениальности. Ну вот, идет работа на перелет незаконченной фразы, переходящей через скачку идей в злоупотребление интонацией. Но потом оказалось, именно это и только это имело значение. Колеса медленно вращались у машины, которую тащили лошади. Ну и что? Узнаю школу. Ну? А они все так начинают разговаривать. Ты можешь говорить при этом все что угодно. Вот когда требовалось, вас не было. Вот когда потребуется, нас не будет. Чтоб я еще раз когда! Он уехал во Францию. Или в Италию? Он уехал в Чиверево. Или в Сорокино? Тебя буду уважать, смотря куда ты уедешь. Только не до такой степени. Хуже другое. Колеса крутятся у машины, которую везут лошади. Медленно, странно медленно, но крутятся. Он перешел на магнитофон. Хуже другое. Я пишу сценарий, фильм по которому уже поставлен. Эти цветы называют французские нахалки, потому что они всюду лезут. Я нарочно не вникал. Что-то там еще было. Никто не хотел уходить. Его хватит инфаркт, не надо этого делать. Вся жизнь потом была потрачена на поиски забытых цитат, которые она когда-то где-то читала. Еще один Булгаков, которому нужна любовь актрисы Художественного Театра.

7

Она в этом знает толк. У нее отец был полковник ГБ. Даже генерал. Даже генерал ГБ. Автограф Маяковского затерялся, как роман для слепых юного Олдоса Хаксли. С тех пор его никто не видел. На нее это произвело впечатление неожиданного удара. Она и не знала. Мне говорили, что там на кого, но я не запомнила. Нужен комментарий. За исключением некоторых мест, где он пытается дать реалистическую картину. «Святой колодец» Валентина Катаева шумел в эти дни. Толя Макаров уехал во Францию, а не в Италию. Там другой контекст. Профессор Никольский тоже произвел впечатление пижона, но это впечатление рассеялось. Это его лучший телефонный друг. Кафе — это где можно сойти с ума, написать шедевр или совершить преступление. Условно это называется ш н у р. Что у вас с телефоном? Хуже другое. Это якобы переписывание старой стенограммы, а на самом деле — лучшие годы убить на пустяки. На что тратятся время и силы. Мне важно прочитать хотя бы 4 страницы, написанные Устеном Малапагиным. А где галантные галоши и список великих инквизиторов? Одна машинка сломана, другую увезли, а на третьей я работаю: как ИВС в библиотеке шаха на Тегеранской конференции. На лицо не надо смотреть. Жуткое лицо. Серьезная девка. Себя принимает всерьез. Но лицо, но лицо какое! Вечный несостоявшийся подросток перед 5 марта написал 24 страницы показаний, пришел весь в слезах, слюнях и еще кое в чем. ЖВЧ указала ему на дверь, а ВЧ сказал: вы еще не можете заниматься конспиративной работой, вы еще должны расти. Г   в юбке. Никто не приветствовал наш неуспех, для нас и лестный и почетный и назидательный для всех. Одну страницу из «Тележки с яблоками» по-английски можно прочитать, но по-русски она не звучит. Большой устоявшийся бардак, но он уже перестал восприниматься как большой. А почему я вдруг такой добрый, а? Ах вот они. Их отъели крысы в Таганской тюрьме. На этом можно остановиться.

8

Не вижу разницы. А я и не знал, что это про него. А. Моралевич, «Как я стал Эпифаном». Это про всех них зарисовка с натуры. Неожиданный эффект. И этого было достаточно. Он слушает только себя. Я с трудом пробилась сквозь эту стену. А вы придете? А ты там будешь? Он отстаивает свое право на неблагодарность и недобрые чувства. Ладно, пройдет. В такси потеряна рукопись. Художественной ценности для товарища Николаева не представляет. Тут еще хуже. Эта жирная лента портит все удовольствие. А потом окажется, только такой текст представляет ценность и интересно перечитывать. Хватит у нее забот и без этого. Собрание банальностей, от одного вида сдохнуть от тоски. А он редактировал эту книгу. Бандитский или вшивый ритуал, но все-таки ритуал. Лучше никогда, чем поздно. Судороги, мировая служба, твой тихий голос, но все-таки твой. Такой Булгаков, только без «Записок покойника». Пьесы нельзя писать после 40 лет, подумал и тут же приступил к писанию пьесы. Стихи нельзя писать до 40 лет. А я и не знал, что А. Моралевича надо читать под этим углом. Критерий тот же. Не удержаться, не устоять, не выдержать: такой контекст.

ШЕРСТИ КЛОК

критерий

9

Любовь ямщиков — как всякая деревенщина. Не терплю этого балагура. Он не обратил внимания на женщину. Возвратиться бы, возвратиться. Я был влюблен в транскрипцию. Сами звуки доставляли удовольствие. Значит, нужно отставить. Чтение вслух. Заученные стихи кажутся бесцветными. Глаз не мог оторвать. Как пьяница. Но это радует глаз. Но это веселит сердце. Прошло. Пора подводить итоги. В резкий момент еще вспомнишь, а так — нет. Только чтение вслух. Только незнакомая книга. Не обещает ничего. Неудачная конструкция. Волна откатилась. Он любил описывать бездомных кошек и собак. Не помогает и кофе. Видал я эти радости. Ходил я по этим улицам. Скука та же. Та же болтовня. Чем-то привлекала и продолжает привлекать Эйвис Эверхард. Своей влюбленностью в собственного мужа. Как еще можно оценить человека? Тоже не метод. Тоже мне бурная мечта. А я буду читать ту же самую книгу. А я буду повторять те же самые слова. До изнеможенья. Голубые или синие? Судороги. Тошнит. Как чужие стихи. Только картины старого дома. Только то, что осталось в памяти. Дом рыбака приводит в ужас. Жутко. И никого не касается. Впрочем, на лодке было хорошо. Но опять же в хороший день. Как еще проводить время старику? А у нас нет, оказывается, английского текста. Холодная зима, ничего не скажешь.

10

Озеро боится дурного глаза, а я и не знал. Монтаж требует больших перспектив. Мне не под силу такие ритмы. Мы сокращаем расстояния. Значит нужно. Тоже не ахти какое удобство. Книги явились не так. Книги явились вот как. Желтая бумага, мягкая обложка, вроде как приложение к «Ниве». Открыл, увидел название, ахнул. Еще одна книга. Открыл, прочитал название, охнул. Еще одна. Раскрыл книгу, увидел автора, УХНУЛ: ух ты! Так это же те самые книги! Я их всю жизнь собирался читать. И по-русски. Кто и когда их успел перевести? Вот настоящий текст «Лавки древностей». Незаконченная работа — как лодка далеко от берегов. Горячая кожа на лбу, помочи ее из ладони водой. Странная вещь — как одиночество в толпе множества спешащих людей в центре великого города. Ты же не будешь изучать каждое березовое дерево в березовом лесу. Голос здорово разносится по воде. Им кажется, что они говорят между собой, а их слышно за 2 километра. Можно у вас там плыть против течения? Козьма Прутков вызывал недоумение. Чтение вслух успеха не имело. А что? Студенты отдыхают. Не надо раздражаться. Не надо спрашивать. Монтаж таких кусков требует исторического сюжета. На полке стояли книги, в книгах отметки карандашом, отметки превращались в выписки, но можно было и просто один раз прочитать и забыть. Как делают все. Даже ближе к реальности знакомого вам характера. Очки и закладки, стопка книг и одна цитата. Хоть бы раз попытался нарисовать что-нибудь неприличное. Хоть бы раз. Так он и разучился рисовать. А когда-то все-таки умел. Когда-то получалось.

11

А все дороги вели туда с заходом куда-то еще. Какое-то слово вроде «измываться» с безусловно отрицательным оттенком. Впрочем, и тогда мы не поймем друг друга. Вы забронзовели. Еще одно словечко из ее лексикона. А все дороги вели туда.

Давно я не слышал этих интонаций. З-з-закон! А что произошло? А что произошло? Ты что ему сказала? А он что? А ты что? Но вам-то ненужно это для самоутверждения. Его путем не нужно, но мне нужно, чтобы никакая Сцилла Харибдовна не могла мне сказать: вы нам больше не нужны. Для этого мне нужна степень. Но в тех кругах человек начинается только с академика или, по крайней мере, с члена-корреспондента. Бушует честолюбие? Но в тех кругах выше всего ценится первый разряд по боксу. У них у всех второй разряд, а он им всем обещает первый. Борьку Житовского знаете? Оскара Рабина знаете? Мишку Анчарова знаете? Мишку не знаю, но Михаила Анчарова знаю. По «Неделе» и по «Юности» и по «Москве». Нет, вы прочтите под моей редакцией «Жизнь Тредьяковского», вот тогда будете говорить, а я вас буду слушать. Но он спекулирует на бархатном баритоне и дикции во весь голос. В его чтении все стихи становятся хорошими: и плохие и хорошие. Я, конечно, ничего не понимаю в абстрактном искусстве, но если оно вам нужно и вы им живете, то вы подвижник, а мы все перед вами подонки, потому что мы деньги зарабатываем. Я могу вас понять. Коллекционеры, только еще не известно, чего и кого они коллекционируют. Эй! Эй! Эмигрант! Эй, эмигрант! А в «Националь» его больше не пускают. Там у него было одно чудесное приключение. Они ищут Паниковского. Купчишка сунул трешку шоферу и не взял сдачи.
А на работе ты сегодня был?

критерий

12

Значит, важнее было что-то еще. Значит, важнее было увидеть эти слова в новом контексте. Значит, и этого не надо было делать. И этого. И этого.
И этого.   И этого.

Сколько раз начинал ты по-разному. Сколько раз. Я их всех обойду при переходе в другой мир. А картинки те же самые. А золото на куполах здорово блестит на солнце. А чем интересно сновидение? Это родная решетка. Это родная мышеловка. Если ты можешь и если ты умеешь, то вот тебе 25 условий. Выполни эти условия, и опять придется начинать сначала. Облака плывут над крестом. Чем объяснить эту затаенную злость? Чужие слова. Кое-что о ни о чем в частности. Они напоминают всем о своем существовании. Ваше имя. Ваше имя. Я от имени логического развития. Я хочу ограничиться двумя словами. Там было много неразгаданных секретов. Тайна была сохранена. У двух колоколов не так раскачка, когда набат. Отблески далекого пожара легли на лицо и на фигуру. Чем-то напомнило колокольный звон. А почему не действует цитата? А почему не играет латинский шрифт? Чем был человек занят в лесу? Нет ответа. Нет ответа. Нет ответа. Значит, важно было что-то другое.

критерий

13

Любым способом оторваться от пустоты. Любым способом организовать расстояние. Вот теперь раздражает. Густо посаженные строчки кажутся нарушением ритма.

РАЗРЕЗАТЬ

Было замечательное решение. Разрезать и все.

ГЛАЗА БРОДИЛИ ПО ЭТИМ ДОРОЖКАМ. ГЛАЗА БРОДИЛИ И НИЧЕГО НЕ НАХОДИЛИ. ГЛАЗА БРОДИЛИ И НЕ НАСЫЩАЛИСЬ. КАКОЙ ТУТ СМЫСЛ? И ЧТО ТУТ СИМВОЛ?

Куски текста такого формата когда-то, когда-то. Карточки такого формата. Тоже были когда-то. Чем начиналась та книга? Законом природы. А кончалась цитатой из Шиллера в самой несусветной ситуации. И этого было мало. Все время навязывал, все время. Если картинки те же самые, так пора что-то делать, что-то делать. Если, конечно, все это так. А сели не так? А сели не так. Машинка знает, когда надо ошибиться.

критерий

14

25.7.66
Что я хотел, а?
Уж не помню.
Что-то было нуж-
но. Да, кстати, какое
сегодня число? Если
вчера было — какое?
Не помню. Какое? Какое?
А где очки? Я же теперь
без очков ничего не вижу.
Вот и очки. Теперь проверим
число. Да. Да. Да. Вчера было
24-е. Значит сегодня 25-е.
Фу ты боже мой, ну зачем это
было, ну зачем? И это было не
нужно. Да, и это было не нужно.
Вот в таком роде идет старчес-
кий склероз или просто слабоумие.
Идиотство. Настоящее идиотство. Ко-
нечно, таких страниц можно 40 000.
Вот за это зацепилось и потом пошло.
Если бы сразу все было ясно, никаких
бы не было рассказов. А было б что?
Действие. Поступок. Акт. Этот полу-акт
привел к маленькой комедии из 5 актов.
Но даже — — что там было? Ничего особен-
ного, но все-таки. Есть возможность поизде-
ваться при случае. Есть. Ладно. Пусть. Я отъ-
граюсь. Я свое возьму. Ах да, тему разви-
вать, одну тему на трех страницах, болван!
Вот чему его научили теперь. И он это
усвоил. Теперь он будет учить других.
Еще один болван. Хватит с меня болванов.
Ухожу в английский язык. А мы читаем
вслух Олдоса Хаксли. И нам хорошо и
вам неплохо. Но она интриганка. Ого,
да еще какая. Не надо забывать про
«Я ведь тоже инфернальная». Рабо-
владелец — вот он кто. Плантатор.
А вы у него негры.

критерий

15

Тут все ясно, тут и понимать нечего. Стоишь, смотришь, чего-нибудь придумаешь. Потом скажешь. Чего-нибудь скажешь, чего-нибудь вспомнишь. Мало ли чего. Так много прочитано, так много написано всяких слов, можно ничего и не придумывать. Но у меня точный глаз. Но я безошибочно вижу. Мне сразу видно. Мне достаточно один раз взглянуть. Вы мне не рассказывайте, вы мне покажите. Только не требуйте от меня сразу так много слов. Вот и тут подстерегала та же самая ошибка. Я опять возвращаюсь в музей к старым картинам. Вздохнешь и ничего не скажешь. Легче снять трубку и сказать что-нибудь. У него это здорово получается. Телефонный звонок ни к чему не обязывает. Чтение вслух проясняет недостатки чужой прозы. Иногда от чтения вслух рассказ выигрывает и кажется более значительным. Так звучит, например, Сомерсет Моэм. Сдохнуть от тоски.

16

Еще более поверхностный пласт. Самые нужные слова. Под забором вспыхнуло сияние. ЕЕ руки лежали на дереве, ее руки обнимали дерево. Остановка. Больше ни слова. Там нельзя сказать больше ни слова. А у меня нет сил сбросить тяжесть. Все равно кто-то будет читать, вот это и останавливает. И это будет прочитано. Противно подумать. А у меня нет сил сбросить тяжесть. Ее руки обнимали дерево. Облака плыли по небу. Ветер шумел в листьях. Ее руки обнимали дерево. Я видел все. Я видел чужую жизнь. Но это неправда. Тут все жесты неправильные. Как я осмеливался выдавать такие слова! Почему казалось, что это — длинный путь? Почему эти куски нельзя было поставить рядом? Я уж забыл, что я имел в виду. В узком пространстве между общими словами нет места для тебя. Тут одно слово — подохнуть. Почему я не могу положить это на самое видное место? Есть же очищение. Есть же освобождение. Не может быть, чтобы не было. Еще раз увидеть. Еще раз подойти поближе. Я делаю круги. Я нарочно делаю громадный крюк вместо того, чтобы прямо подойти к предмету. Если тебе так надо, если тебе так важно, то конечно, конечно. Жуткие слова. От них никуда не денешься. Это я писал так? Не может быть. Вот в этом все и дело. Волна живет долю секунды, потом приходит новая волна. Удивительная способность у этих дубов стоять на ветру. И этого нельзя сказать.

критерий

17

Ты же веселый человек по натуре, чего ж ты не веселишься, а?

ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ УЕХАТЬ В ПРОШЛОЕ

ОСОБОЙ СКОРОСТЬЮ

Там так было сказано? Как называется текст? «Дилемма пана Станислава Лемма».

— Достоевский — раздался голос за стеной. В голосе было обожание пополам с насмешкой. Это был Веселый Голос. Что взять с собой? Мрачный пассажир засуетился. Меня вызывают, как будто нужно было объяснить кондуктору-конвойному. Если хотите пересаживаться, есть время. 5 минут до отхода поезда. Ну вот. Всю жизнь собирался, а взять нечего. Есть время, но голова не работает. Это из «Удочки» (1965).

Вот животное. Ничего не делает и получает удовольствие. Вот зверь. Ходит, двигается, работает руками, не затрудняя мозги, и получает удовольствие. Удивительная способность получать удовольствие, которую ты потерял, а когда была, не ценил. Хуже того. Потерял радость от профессиональных навыков. Хуже того. Потерял радость от любимого труда. Хуже того. Потерял радость от простых радостей существования: ходить, смотреть, дышать и жить. Есть возможность уехать в будущее особой скоростью?
But what do I get out of it?

BUT WHAT DO I GET OUT OF IT? 3.9.66

18

ТЫ ЖЕ ВЕСЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК ПО НАТУРЕ,

ЧЕГО Ж ТЫ НЕ ВЕСЕЛИШЬСЯ?

Так я опять заморочу себе голову, и ничего не получится. Так опять.

Договорились не трогать, а без этого еще невозможней. Так будет еще хуже.

Есть же другие способы выдержать ложь и грусть. Какая жуткая история. Я прочитал ее еще один раз, и мне стало жутко. Жак-Пьер Симетьер — это, конечно, остроумно. Где кончается пародия и начинается плохая проза?

Этот участок пути мы прошли вместе. Он провожал меня и по дороге разговорился. Можно подумать, мы понимали друг друга.

Что такое «Навьи чары»? 3.9.66

Теперь взгляд упрется в то, что давно надо было убрать с глаз, и опять пойдет топтание на месте.

ТУТ НЕ ПРОЕХАТЬ

Тут не проехать. Тут надо слезать с велосипеда. Зачем прорыли эту канаву? Прорезали механическим способом.

А теперь представь себе: ничего этого нет. Очень легко себе представить. Как бы ты начинал? Ничего этого не было. Очень трудно себе представить.

Как хамить на 5 языках — словарь оскорблений — это интересно лингвистически. Сколько страниц? 127. Издано в Лондоне в 66 году, автор — Питер Вулф.

Ты же веселый человек по натуре, чего ж ты не веселишься?

19

19.9.66

Судороги. Кленовый лист залетел в окно. С этими богатыми уроками сдохнешь от тоски. И этого не нужно. Ясень стоит желтый. Какой он художник, он плакат нарисует, ему поллитра поставят, и все. Монтером на заводе работал, пил, прогуливал, как прогульщика его и уволили с работы. И не политический он совсем, а уголовный, просто хулиган и бандит. Кирпич на дорожке от ворот к парадному, он помнит. Изнуряющий образ жизни, изнуряющая диета, он себя не бережет и другим спуску не дает. Ефросинья Петровна о Сергее Петровиче говорила другими словами, но слово «изнуряющий» — это из ее словаря. А вы видели «Сладкую жизнь»? Я не видел и «8 с половиной». Он спутал «Канал» с «Пеплом и алмазом». Если он эстонец, тем более. Вдруг железный голос и желваки играют на скулах: кандидат ТЕХ наук, уж если он что знает, так он уж знает! К сожалению, он думает, что он знает и польскую кинематографию. А чего там понимать в кино, кино каждому дураку понятно. Вот английский язык — это дебри, джунгли, тьма. Русский лес и «Еврейское море». Умеренный антисемитизм. Она не поехала в Голландию. Он не совершил путешествие вокруг света. Ангелину показывали по телевизору целых 7 минут. Об этом специально позаботился Леонид Леонидыч. У вас же есть 100 друзей, неужели они не могут вам достать 100 рублей? Но она же не дойная корова, но сколько можно! Сценарист добился визы, но не оплаченной командировки. Тогда это не называется командировкой. А что это? Джон клал молоток под подушку, а Валя носила с собой милицейский свисток. Кто обокрал? Не могло обойтись без его участия.

20

А я смотрел, и странная мысль волновала в эту минуту. Хорошо быть путешественником и гастролером. Хорошо бы сразу уехать. Лексика та же. И твой характер будет определен теми же словами, что и сущность того человека, на которого походить ты не хочешь. Могучий темперамент. Ха. Если вы уж захотите оправдать, так вы оправдаете. А если нет, так уж ничто не поможет. Жирная лента. Опять будут пятницы и колбаса по рубль 60. Он с ужасом думает об этом. Будет висеть новый женский портрет с надписью «Мой вкус». И старая духовная дочь на чашку чая. Это дом, где живут старые большевики, которые еще не умерли. Этот дом был подарен Распутину тем владельцем, который разорился и его ожидал суд, а он хотел высокого заступничества. Старуха все помнит, и в очереди у Елисеева рассказывает сказки. Защитник евреев стал защитником китайцев, а тем и так палец в рот не клади. И вы бы с ним поссорились, если бы не отошли. Сенатор Фу-блядь опять выступил с заявлением. Кто вас знает, вы сложные люди, у вас сложная жизнь. Кто тебя знает, ты сложный человек. Кто вас знает, вы сложная женщина, способная на неожиданные поступки. Не с этой стороны намазывается маслом этот кусок хлеба. Но из четырех зол надо выбирать пятое. Не подумайте ничего плохого, у меня есть жена, но просто приятно видеть рядом красивое лицо и красивые ноги. Дочка Симоны Синьорэ — «Убийство в спальном вагоне». Плантатор был высокомерен. Меня тошнило от одной мысли. Видение мелькнуло и не повторилось. Добрей будет. Злей будет. Потому и не хочется идти туда, что о проблеске доброты не будет и речи. Сама такая. Но я стараюсь. Все стараются.

21

Ой какая я бледная и не выспалась! Ой ты прямо меня со свету сживаешь этими своими штуками. «Все хотят жить». Что-то я не знаю такого фильма. А-а, «Никто не хотел умирать».

КРИК
16.9.66

Теперь я знаю, чего нехватает моему мужу. Альбом с венскими фотографиями.

Окно вместо двери. Слишком много случайных слов. А окно слишком большое. Учиться у халтурщика халтурить? Дача в Тарусе на горе с высокой сосной на виду - там умирает старый художник.

Жизнь идет через два интервала. Сердце работает до первого инфаркта. Он с грустью сообщил по телефону: теперь уж мне не придется жениться. Она у него молодая? Ей под 50. Но ему-то за 60, значит она молодая.

Скорбная складка, углы губ вниз и роговые очки, вот его портрет.

Одна линия — это так модно рисовать портрет одной линией. Но он хитрый. Он рисует штрихами по-старому, а потом имитирует одну линию. Одна девка называется «Мир», другая баба — «Труд». У каждого слова можно поставить вопросительный знак. А я забыл о нежданной радости. Полированный дуб давно вышел в символ, а я и не заметил. Люди моей судьбы, но не люди наших интересов. 10 лет всколыхнулись, взметнулись на час, но потом сразу же заглохли и ушли.

22

Это только кажется, что умирает и погибает. На самом деле канитель с этого только начинается. Ах как жаль, что у нас нет магнитофона! А за вами не следят, профессор? Вы в этом уверены? Петух и пшеничное зерно. Пятого петуха покупаю, и пятый петух — педераст! Дороти Ротшильд, писавшая под псевдонимом Дороти Паркер, знала дело: чудовищно скучаю. Оказалось, тут была подспудная эстетическая сверх-задача. И из нее вышел пшик. Вот почему противен Череп Западного Человека. Чужие судороги веселят. Меня смешили их измены. Чувство юмора появляется 10 лет спустя под рюмку портвейна в воскресенье за праздничным столом. Была и такая попытка. Знак препинания вышел из употребления. А он тоже сожалеет о минувшем разговоре. В этом пассажире не было ничего загадочного. Случайный попутчик вызвал неудержимое желание рассказать о своей жизни. Так я нажил себе страшного врага. Он потом избегал меня всю жизнь. Дальше некуда. Если бы хоть это помогало. Если бы. Лошадь у озера — да, но не на Севере, а на Юге. Не хочу, чтоб было холодно. Мы из удочки сделаем — что? Не будет ни удочки ни — чего? Мы из дивана сделаем табуретку. У Леонида Леонова в те годы был странный ореол, одно имя внушало почтение. Мы с Леонидом Леон. шли от Зубовской площади. Мы с Леонидом Леон. ходили в министерство. Хм. Он сам поэт и знаток поэзии. Белла Ахмадулина была заворожена чеченским рассказом. Но он недоступный ч е л о в е к. Но вы ему понравитесь. Но жена у него ревнивая. Но он вас будет переводить на английский язык. Пятница прошла без событий. Ах как хотелось событий. До дрожи мучил сенсорный голод. Актриса, старуха-сводница: ах, вас нужно в кинофильм, я познакомлю вас с режиссером!

23

Хоть о себе ни слова, слава богу. Не пойму я тут характер подводного течения. Одним жестом не отделаешься. Грубятина. Только слова из четырех букв. А потом продемонстрируют то же самое. Ух! Чтоб я когда еще раз! Что он знает о нашей жизни? Что он хотел бы услышать по телефону? Он унаследовал от отца худшие черты. Что позволяется одному, то не терпимо от другого. Он этого никогда не поймет даже если ему объяснить, а объяснять никто не собирается. И рассказ про знаменитого нищего он понял по-своему. Сказал «не дай Бог», а сам что сделал? Может там чем-нибудь порадуют? Аннабелла Бюкар в юбке. Реальность в манере Гофмана. Составить список таких людей. Да, и прямо по списку. Так уже 5 дней до этого осталось. Ошибка КФ. Опять ошибка КФ. Два дуба, один ясень, один тополь, один клен и еще какие-то деревья. Два дуба мощные. Есть на чем остановить глаз. Дорожка сворачивает налево. Не сильнее меня во время купанья (В.В. Розанов). В коммунальной квартире долги, долги, долги. Вас только что приняли в Союз, и вы уже выступаете против? Но он сказал: но такой ценой — благодарю покорно, и все-таки подписал письмо. Красный телефон рассказывает, как он читал «Комсомольскую правду» с Асарканом. Его обожали актеры, актрисы, работники редакций и даже швейцар из ресторана ВТО. Требуется дайджест и только дайджест, а я опять.

24

BUT EVEN WHEN EVERYTHING HAS BEEN DONE THAT CAN BE DONE, CIVILIZATION WILL STILL BE DEPENDENT ON THE CONSCIENCES OF THE GOVERNERS AND THE GOVERNED.

I want to think over it.

Nobody
Wanted
To Die.

And I wanted. And he wanted. Better die than live the life of those who despise themselves.

4.9.66
THE RESIDENT

££££££££££££££££££££££££££££

DESIRE UNDER THE ELMS
and with whom! &&&&&&&&&&

$$$$$$$$$$

25

THOUGH OLD THE THOUGHT AND

OFT EXPREST, 'T IS HIS AT LAST

WHO SAYS IT BEST.

Beauty is worse than wine: it intoxicates both the holder and the beholder.

Don't argue with your bread and butter.

Caesar's wife must be above suspicion.

MAD WORLD OF STANLEY KRAMER

kicks the bucket liter-
ally and metaphori-
cally 4.9.66

write me the post-cards,
and he irritated me:
why not to me? nobody
writes me anything
Jan Bereznitsky invites
the old man Buster Keaton
the ungrateful pismire

DER FEIND HORT MIT!

for You
But you promised me
German quotations.
But you forget. We love
those who love us. We
dislike those who dislike
us.

26

Была возможность поругаться, и вдруг ее лишили. Раз на раз не приходится. Новое дело — сколько уклеек поймал, распишись в доме рыбака, сдавая лодку и палатку и койку. У него в секретере могут лежать страницы отличной злобной прозы. Инна Натановна ошиблась. У него не лежат и не могут: у него нет секретера. Если бы не я, ты бы вообще не знал о существовании такого кафе. «Кафе-рыбалка» называется Премудрый Пескарь, Красный Кут Харьковской области. Ты им подай эту мысль. Как бы их приучить все торжества начинать днем, а не ночью. А я тебя буду беречь для нее. Для мировой литературы, ты меня не так понял. Она мне скажет спасибо. Кафе пользуется большой популярностью: карп жареный в сметане по-краснокутски. Сила воли мужчины относится к силе воле женщины как муха к меду, в который она попала и никогда не выберется. Вот что сказал Рода Рода. Черная папка превращается в проблему: вот жуть. 96-й год — Вольтер умер давно, вожди революции показнили друг друга, молодой Бонапарт еле-еле пробивается к славе и авторитету: вот «Муж рока». Чужая машинка берет самое нужное из того, что в кармане: на этом бы и остановиться. А ей плевать. Вот главное. И это было еще тогда, когда писалась «Моя жизнь с Драйзером». Не могу я сейчас читать про баб, когда у меня с женой такое. Его магнитофон — псевдоним банальности: а он не личность. От кого же и ждать? Уклейка теперь на учете во всех домах рыбака на всех водохранилищах. Странная жадность и дивная власть. Не делайте того, что и без вас могут сделать. А вам никогда не приходило в голову ЧТО?? В новом мире через четыре шоковых состояния, хотя и одного достаточно.

27

Вы знали Евгения Шварца. Он ведет себя так, как будто Алек Вольпин — это его псевдоним. Тебя тоже не может быть, ты тоже одно сплошное «не может быть», но ты же все-таки есть! Они не существуют, их нет, но какая борьба за НЕсуществование. Не делать того, что и без тебя могут сделать, — мне это тоже никогда не удавалось. Ваша дружба с ним далеко пойдет. Никто не хотел уходить. Театр хорош был через щель и с черного хода и только в 16 лет. Он сказал: я голый! Сухие листья ветер гнал по улице. Лебядкина путает с Лямшиным, Лямшина с Липутиным, Липутина с Ленкой Строевой. Они ведут учет окуней, пескарей и уклеек. Заполните, сколько поймали и распишитесь, без этого не дадут паспорта. А я тоже боюсь взрыва. А я тоже боюсь взрыва этих чувств. Три у Будрыса сына, как и он, три литвина. А художник в Варшаве сидит на качалке, смотрит на свой шедевр и качается. А колеса у автомашины в лесу медленно вращаются, и сзади не видно, что машину везут лошади. Стукнуло в голову, он и сделал. А у него все так. Как себя называл Шоу? Вышыбала. Весь мир — бардак, но пришел Великий Вышибала. 100 дней. 5 000 сабель! Ни одной сабли не отдам!! Романы 37-го года. Только одна страница из «Резидента» про начальника НКВД по Москве и Московской области решила судьбу этой книги. Они рассматривают это как материал на них. Одна страница из романа «Президент» объясняет все. Странная волна: урок китайского языка, а потом «Широка страна моя родная». Недоносок у мамы потом был арестован за недонос. В «Неделе» реабилитировали царя Ирода: он прогрессивный деятель, а никаких вифлеемских младенцев не было. Не было и все. Миф.

28

ИНД
возлагались надежды?

К ЧБ все запреты, я вольный казак сегодня! Ну сила. Смех. Ах та-а-к, тогда я вот как! Это, конечно, нужно писать другим шрифтом на другой бумаге и даже на чужой машинке. Какая она к чертям актриса, потаскуха — да. Какой он писатель, такая и она художница. Стены там такие, что что бы ни происходило ночью, за стеной ничего не слышно. Да, ты расскажи про тот дом! А слов-то не ахти как много. Вот это, я понимаю, ритм. А про Галича забыли или про Анчарова. Он уже был во Франции, теперь поехал в Италию. Элегантный мужчина. Она может каждый день сидеть в ресторане, и каждый день с новым. И все такие, дай бог! КМ ОП. В накладе кто же остается, ты же сам. Профессор Хиггинс за урок фонетики берет 5 фунтов, но он же из герцогини не делает цветочницу-замарашку. Мы поссорились, но я еще об этом не знаю. Не надо сплошной нумерации, нужен новый текст. 11 000 архивных единиц. Не та беда, что во ржи лебеда, а ты не ржи, ржать еще рано. Она и пошла влюбляться во всех мужчин подряд. Вот и научили на свою голову. А когда угаснет? Я дождусь? Когда у вас сплин, короче русская

29

хандра, вы же к себе никого не пускаете. На общих основаниях с ЧБ. С каких это пор у вас свободные вечера? Его коронный номер-рассказ — стриптизный джук-бокс. Стоило из-за этого ехать в Париж? Для него стоило. Как дело Пугачева: сегодня ему об этом говорят в третий раз. Копию доноса нужно снять своим почерком на вашей бумаге? Он подавал надежды прежде. О смерти Саши Черного рассказала «Неделя» в прошлом году. А что, Ирод был хороший человек, а евангелисты его оклеветали. А. Шайкевич не верит в 40 000 младенцев, он знает, что такое Вифлеем, — деревушка! Но кибернетические возможности его все-таки тревожат. Хотя, возможно, они отобьют у него хлеб. Чтоб я еще раз когда! Почему у вас такие глупые души, господин психиатр? Вы привыкли общаться с круглыми идиотами. Первое морантическое письмо. А у нее есть брат? Впервые слышу. Мы договорились, что он позвонит в 5 часов. Ловко. А заниматься все равно надо, даже купив диктофон за 75 рублей по дешовке в комиссионном магазине. Ты погоди у телефона я заеду куплю диктофон, а у Пушкина мы встретимся. Я тебе дам объектив. А что делать со старыми лентами? Забывать. Заводить новые. Она так и поняла.

30

Вот тебе и богатые уроки. Нет уж, лучше я возьму старую книгу в библиотеке. «Смуглая леди сонетов». То ли дело профессор Гальперин, то ли дело стилистика на английском. По крайней мере, ясно что к чему и из года в год одно и то же. Мой бывший ученик 3-го класса поднялся на такие высоты, что мне страшно и подступиться. Хотя с мамой поговорить можно было. А вы знаете, какая у него самая узкая специальность? Взрывы. Взрывчатка. Если вам понадобятся динамитные палочки, то вы подумаете. Он везде устраивает взрывы. Он такой специалист. Но почему-то ценится только то, на что потрачено много денег. Бесплатно не успокоишься. Так я остался без Шамфора. То была два, а теперь ни одного. Что и решило? Как быстро он перестроился! Но я не знал его отношений с Борисом Ионычем. Его Ира Уварова не любит. Но профессор тут заговорил, как персонаж Андрея Белого. Кстати, отдайте долг. Кто кому должен преподносить подарок? «Шут короля» по-итальянски с цитатами из Сильвио ПЕллико. Ты ж меня учил, что ПеллИко. Ну я сам тогда не знал. А потом окажется, что ПелликО.

31

Он нагло засмеялся. Это я запомнил. Все свои деньги я уже потратил. Ну мы сфарцуем у кого-нибудь. За день мучения награда. Под дождем в аллее блеснула лысина. Я был вознагражден. Но досталось мне это очень дорогой ценой. Так мы еще не ссорились. Про Москву там хорошо. Работа под коллажиста не будет лежать до востребования. И текстов четвертой категории там не будет. Ни пятой ни четвертой. Так мы возвратились к рукописи в рыбацкой сумке. 24.9.66

Он даст сигнал. На стене огромными буквами написано «Позвонить Ларисе». Мемориальный ватман на самом видном месте: как только проснешься и только откроешь глаза, так позовут к телефону. Общаться со мной можно только по почте через Г-34. До следующего дня рождения. Через месяц, через год. Пошли, мать моя родина, пошли. Но он, чудак, не воспользовался случаем.

Он даже не очень талантлив. Хмык. Она даже его не очень любит. Тут идет своя война. Кафе короля Лира. 25.9.66

32

FUNERAL

CAN YOUR WIFE AFFORD YOUR FUNERAL?

26.9.66

They all are cosmos-makers. And suddenly you discover that you have no place in his cosmos. No mention at all. No name. The ingratitude appalling. Spit in the hole, and begin from the very beginning. And never breathe a word about your loss. No retreat. No retreat. They must conquer or die, those who have no retreat. An infernal pismire like her! All he wants to do is to insult everybody all round and set us talking about him. I'll corollary you into the corollary of your corollaries! And your hubby, can he afford your funeral? But the spider spins her web.

33

Ощущение будущего ритма, а чем еще руководиться? Это беседа многое прояснила. Он с тобой и говорить не будет. Оттуда все и шло. А он сумел и умереть как человек, не только написать. Это про Шамфора. Красивая вещь в моем доме. Новая игрушка. А я ведь тоже инфернальная. Не знали, так узнаете. А мне плевать. И он знает. Вот и все. Глупо. Не это разве? У тебя был просветленный взгляд на мироощущение. А документ и доказательство — твои слова: раз ты так говоришь, значит так и было. Что такое «Пятое колесо»? Хотел бы я сам знать. А я слышу запах сена. Тоже коллекция забытых и потом вспомнившихся цитат. Тоже была жизнь. А мой любимый человек не любит леса. А внимание разделяется. А ревность таится. Нелькино Нельке. Тогда нужно прочитывать 3, и то много будет. Клеить и работать со словарем: вот проблема указателя. А ваш муж может себе позволить такую роскошь — ваши похороны? Приближаются советские ракеты. Про тришкин кафтан опять?

34

28.9.66

Вопрос о возможностях. Вы не знаете своих возможностей. Некоторые особенности моего здоровья, сказал он. Урок французского языка на свежую голову с утра пораньше, когда еще все спят. А он всегда ложится рано и встает рано, как машина. Комната № 2. Трое в серых костюмах. Я тебя за твои хорошие поступки всегда люблю вперед. Я тебя люблю авансом. Их заглушит наружный шум. Ты самого себя не узнаешь. Дети и родители в Англии 1910 года: и на эту тему я могу написать целый трактат. Кто лучше всех скажет о Шекспире от имени своего времени, тот и будет лучшим критиком. Собрались трое, и каждый бежит в какое-то другое место, так, может, и не нужно было собираться? Все по-своему. Все вы хотите задеть кого-то своими заботами. Решайте их сами. Только способ, только способ. Уже в троллейбусе эти слова устареют через 15 минут. Монстр, а не переплет. Чудовище. А рисунок зависит от зуда в пальцах и желания проводить именно такие линии. Но этот зуд неодолим. Но это желание не имеет никакого отношения к натурщице. Как работа на латинской машинке. Как изучение немецкого языка по книге «Так говорил Заратустра». Сверхчеловек решал сверхзадачу. Сверхактер вызывал сверхсмех. Где бы мне найти своего Бомбардова? Как бы мне навести порядок в своем хозяйстве? А надо только пойти к зубному врачу. Не знаю, как у них там все преображается. Сразу можно сказать только одно: у них все по-своему. У неравного брака тот же поворот. Ибсеновская женщина не читала Бернарда Шоу, да и ни к чему это ей. Принцип мешка нарушен: ни месячник ни ежегодник, только цитаты на каждый день. Читатель самых коротких рассказов Льва Толстого из школы в Ясной Поляне не решал стилистических задач.

35

Все равно движение продолжается в ту же самую сторону. Слабое, но утешение. На черта тебе начертательная геометрия? Ты угадала, начерталка. Один читатель стоит другого. Те несусветные слова, которые появились вдруг, имеют прямое отношение к Шамфору. 20 страниц про любовь и одна страница про самоубийство. Они опять же воспринимают книгу так, как будто ее написал московский писатель в 37-м году. Появились новые ноты. Эти страницы войдут в новый «Критерий», который будет написан 28 апреля 1967 года. Не забудь расписаться, чтобы все было по форме. Все будут довольны. У кого-то из критиков и членов Союза. Я все стараюсь угадать. Гедда Габлер и не рассчитывала на прощение, она сжигала все корабли. Признание у кого? у вас? у Юрки Иващенко? Не надо смешить. З. Паперный — вместо поэзии. Подарите мне на день рождения ваше отсутствие. А я и полюбил эту тоску. Можно подумать, всю жизнь воспринимал на слух и искал эту волну. Напомнив, вызовешь неудовольствие, не напомнив, вызовешь упрек. Сходство удивительное. Что мы должны уметь? Водить арестованных! А ему этот шум как раз и нужен был, он без шума не может. А он и есть как Чуковский. Нет, конечно, к этому критерию возврата больше нет. Каждая козявка ставит условия и требует на равных основаниях: в одно ухо вошло, в другое вышло. Спасибо, хоть ВЫ не забываете. Этот листок, присланный по почте, из короба осенних листьев в память о В.В.Розанове: такой у него голос по телефону. До сих пор в ушах звенит. Милый мой усталый череп, ну зачем ты себя мучаешь? Чтобы не выдать холода очей и очей очарованья, ах, будто в первый раз, критерий тот же. Да, конечно. Милый мой усталый череп, спасибо тебе, что ты хоть жив.

36

Но иногда не выдается на-гора по благотворительным соображениям, и вот эти случаи — как раз в этом случае самое интересное — и надо учитывать. 5 000 сабель! Ни одной сабли не отдам!! Роман 37-го года. Только одна страница из «Резидента» решила все. Они это рассматривают как материал на них. Сколько же она мне перепортила крови, хоть и способствовала написанию 924 маленьких страниц. А у него теперь — ни дня без коричневой ленты. Но у него это не от хорошей жизни. Он привык писать гусиным пером на веленевой бумаге. «Государственный гений принимает парад» — вот как называются эти 3 листа, написанные при чтении В.В.Розанова. Щ Ч Ж воспринимается как торжество еретика над великим инквизитором. Никто не верит в мое финансовое будущее. А ты сам веришь? Хм. Почему самое употребительное слово так и не пришло в голову? Меньших не держим. И Шамфор ни к чему рядом с «Так говорил Заратустра». Но ведьменыш предал ведьму, и ведьма считает его змеенышем. Главный урок не пошел никому впрок. Как панорама Луны. Кнут и пряник тот же самый. Не только идеологическая подготовка к войне, но и война не сегодня-завтра-жди-самого-нелепого-и-худшего. Он, Гад, хочет оставить после себя память. Сам сказал: Чингизхан от коммунизма, а сам еще хуже. Ну насчет молоденькой девушки раз в 3 дня, это вы оставьте. Тогда он спать будет опять 3 дня и никакой работы не будет. А то вы не знаете механизм? И на это Д возлагались надежды? Все равно спасибо.

37

Лучшая бумага идет в расход. Чего я бы достиг, если бы у меня было то, чего не было? Те же самые книги. Был бы отточен один рассказ и два-три разговора, не больше. У него английский язык — домашний язык с женой, чего же удивляться. Вдруг сразу захотелось продемонстрировать скупость. От переплета до переплета. Я тогда получал удовольствие. Химеры чужой совести. Было и такое. Звери думали, что они и есть люди и только они — люди. Жалко, что не сохранилось. Был смешной восторг. Смешной, нет, был удивительный восторг, эквивалент того великодушия, которого потом не было. Вот уж нелепо. Вот уж нелепо. И у каждого были свои разговоры. И даже формула была потом. Хотя формула ничего не значит. Главное всегда остается за пределами формулы. Если он мне наговорил две катушки за полтора часа, так это же всего-на-всего 40 страниц. Что значит, побольше, чем твой «Кирпич»? Почему я все время думаю, что вот-вот кто-то придет? Еще один жуткий паразит. И как они ненавидят друг друга. Местами. Странное облегчение. Хотя чего бы это? Вот гад, и тут незримо маячит, отравляя своим присутствием. Ваша фамилия Ротшильд? Или Рокфеллер? Такой Крупп. Песни, песни, а самым крупным планом — голубые шорты и загорелые ноги. Там тоже сидят ценители. Они прямо их в папки собирают. Колеса, колеса, колеса, колеса крутятся медленно, колеса. И что там еще? А-а, художник в пижаме смотрит на свой шедевр. А с этим эсэсовцем все не так было. И он знал, что она получает удовольствие. Есть ли где намек на это? Я пойду опять по этой дорожке. Я опять увижу ее ноги. Ну и ну. Качание лодки, последняя лента, а много там сказано на чужой взгляд? Библиотечная книга — этим сказано все. Две обезьяны, а сущность одна и та же. Тот странный выбор, который называется дайджест. Тот поворот, который вызван случайной встречей в редакции.

38

Я люблю, чтобы было тепло. Что касается тепла, то была прямо тропическая жара. В смысле — все позволено. Как быстро совершился переход к восхитительному бесстыдству. Слова куда-то увели. Дурацкие слова. Забавно было бы зафиксировать картины, внезапно возникавшие в мозгу при слушании Бетховена. Рядом стояли детство и смерть. Не было эпох, было ответное чувство и переход к чему-то еще. Но ощущение было мимолетным, и возникавшие картины так же мгновенно исчезали. История одной любви на фоне пожара и крови — разве это Соната Апассионата? Ты можешь сожалеть, что эта музыка тебе недоступна. Ха. Почему домик старой учительницы стоит там, где на самом деле помещается уборная? Голос великой актрисы украшает плохой рассказ. Зачем ему нужно было считать чужие годы? Шутки кончились, крутится коричневая лента, расчеты только начинаются, счет открыт. К искусству он относился серьезно. А к жене несерьезно? Так жили психи. Я листал книгу в кафе и думал: вот прошла моя жизнь. А жизнь обманщиков продолжается на фоне земляничной поляны. Чем она берет? Красотой? Молодостью, конечно. Ей же 17 лет. Сколько их сменилось и приходит на смену каждые 5 лет! Не мне объяснять. Он тебе наговорил 100 000 слов. Он залез не только в мою душу, но и в душу моей мамы. Удивительна игра в молчанку. По некоторым фразам можно догадаться, но можно и не придать значение. В другой жизни ты будешь вспоминать этот стол, как вспоминаешь круглый красный стол в первой комнате. Жуткий момент, когда вскрик. Когда боль. Да. Еще хуже, когда боль там, где была самая большая радость. Языковая группа и в кино, что это такое было?

39

А что может написать такой человек? А что у него такого может быть? К Е М С В ? Хочу В — и тут всем известное имя? Что писал этот сумасшедший и потом жег?
С таким же успехом эту линию можно было и не продолжать. С таким же успехом можно было и не знать языка. И не читать этих слов, и не видеть этих картин. Страшно боится сделать доброе дело. Угощу я друга! Книга из публичной библиотеки: один раз просмотреть и потом никогда не возвращаться. А он бы навязал свой вкус, свои интересы и свои заботы, только и всего. Какое же это приключение, когда оно кем-то запланировано? А размах был рублевый. Вот самое из самого, а я и раскрыть не раскрываю. Если бы ты меня любила, она бы тебе была благодарна, но только в душе. Если бы я тебя любил, она бы чувствовала, что ты занимаешь ее место. Но почему тебе на минуту показалось, что прошлое можно поставить рядом с настоящим, и это так просто — всем сесть за одним столом? Ты знала, что это может уколоть Таню и ты не могла не позволить себе такой пустяк: показать еще раз: все тебя любят, а ее никто не любит. Но у нее, несомненно, были и другие мысли. Если ты меня не любила, то какое право ты имеешь сейчас на мое внимание, которого ей и так нехватает? Женщина из прошлого любимого человека может рассчитывать только на вежливость случайной встречи в метро. Я и не пытался говорить на эту тему. Я сразу почувствовал невозможность и нереальность и несовместимость. Но ты даже и не написала. Но ты даже и не ответила.

40

История одной любви имеет самостоятельное значение, но почему-то все время вытесняется чем-то еще. Но для него 39 999 братьев или книжек — это уже не 40 000. Мой сфинкс сказал. Что сказал ваш Сфинкс? Что он не понимает радостей сфинктора. Симпозиум флористов и семинар дефлораторов. Ну и хулиганка у вас жена. Великий человек снисходительно улыбнулся. Безусловно покровительственно. Тут уж я начинаю злоупотреблять. And me — tomorrow will be neither the kettle nor the fish. Он был обижен. Но я же не знал, что Александр Галич — это его псевдоним. Так бы сразу и сказал, что это они с Игорем Ицковым все вдвоем придумали. Как вам переправить роман Геннадия Укчи? Но я не хочу его читать, она не обидится? Ох, какой же вы, девчата, молодой еще народ. Вопросительный знак наоборот. Игра в подростков. Отдайте мои игрушки. Ну и зануда же — мой собеседник. Люблю поговорить с собой. От семи струн одна осталась. Пьяные застольные песни раздражают на трезвый желудок: хоть бы пиво и вобла. Трезвость противопоказана этим двум катушкам. Достоевский умер 28 января 81 года. Значит за месяц до 1 марта. Его всю жизнь интересовали цареубийцы. Жалко, что он не дожил. Само по себе не так страшно, хуже другое. Крутится катушка с коричневой лентой. Пьяный голос, звон рюмок, веселые реплики: ах как тут мешает трезвость! Лучше никогда, чем поздно. Прямо пища богов на ложе богинь. Ничего этого не было. Что там выходило в ритуал? Контекст такой широкий, что ни у кого нехватало терпения с ним познакомиться. А остального вспомнить так и не смог.

41

30.9.66

Чортов дурак! Нашел, о чем размышлять. С некоторых пор тянет домой. С некоторых пор действует трезвость. Сбить жир с ленты немного удалось. Бегемот вызывает улыбку. Зубоврачебное кресло переносит в день смерти Абрама* Ротенберга. Скажите моим сыновьям, что их отец умер настоящим коммунистом. А адреса не дал. Это было риторическое завещание. Я обещал его выполнить. До сих пор так и не выполнил. Тот «Между-Врачей» дал адрес и конкретное поручение. Я написал и подписался Ваш Доброжелатель. Ты знаешь, есть такие люди и дамы, которые из машины не выходят и по магазинам только в машине? Михаил Павлович зло поиздевался над этаким снобизмом. Впрочем, это слово не из его лексикона. Слова у него другие. Но реакция на стихи та же. Не буду я про это. Когда же он будет Ежи Лец на том свете? Может ли съеденный миссионер считать свою миссию выполненной? Мой друг великий писатель Гладилин на это ничего не ответил. Кто сказал, что это про Бориса Полевого? Я его очень уважала. Сколько раз? Оказывается «Мир хижинам, война дворцам» — это Шамфор. А жандарма надо было содержать на свой счет, ух ты! Этого еще не хватало. Она чувствует, что она любимая. Любимая кошечка ведет себя, как свинья. А нелюбимая — как собака? Нет, зачем, нелюбимая ведет себя хорошо, а что ей остается делать? Никто из этого не сделал выводов. Но вот владельца ленты это, казалось бы, касается прежде всего. Не Вольтер, хотя при сокращении на — сколько? — мог бы звучать как Вольтер. Вредный рефлекс у богатых возможностей. Только и пользы, что количество. Но читабельный текст даже у такого неудобочитаемого количества завораживает своей густой византийской вязью. Вы еще так никогда не писали. Это же на вас не похоже. Никто и не догадается. Но эта сказка с плохим концом. Почему боли нет?

*Ильи Абрамовича, а не Абрама.

42

Почему пятая нога — не критерий? Тогда и уклейка — критерий. А мы же договорились, что можно, но не нужно. А история одной любви имеет самостоятельное значение. Нет. Конечно, нет. И обезьяна имеет ту же сущность. Но обезьяну можно пока не трогать. Это у Голсуорси она белая, а у Гаевского она черная. У меня тоже. Так можно и провал зачертачить в ритуал, а это две разные вещи. А может и правда? Трудно поверить, что он выдерживал, когда его избивали. Или его не избивали? В письме С.П. Писарева был забавный один аргумент. Если русские не выдерживали пыток, о чем он знает по опыту, то евреи (врачи-профессора-вредители) и подавно. Расследуйте лично, Иосиф Виссарионович, прошу вас СУГУБО ДОВЕРИТЕЛЬНО. Старый дружок Поскребышев переслал письмо Берия, и тот сразу же. Никто не попадается под горячую руку. Стынут ноги, и кровь холодней. Дочка Сталина тоже пострадала от культа личности. А я и не знал, что две руны тоже поддаются как-это-сказать. Да. Совсем не надо было жечь. Вы же писали когда-то драмы. Он же писал когда-то романы. У вас был какой-то конфликт. Зубная боль действует как первитин. Я же знал, что мечта — зараза. Я же знал, что упрямство — чума. У него по стечению обстоятельств, а ты же сам. Ха. До сих пор в ушах звенит. Вот если бы таких 4 000. Там лента нужна была. Была такая эпоха: ни дня без ЛЕНКИ. Забытая Лента улыбнулась. Родина улыбнулась. Выдержанное в кармане, выношенное в душе, но уже через месяц, не говоря о том, что через год карандаш теряет значение. Действуют только слова в январе, а я черновики уничтожил. А там и не было черновиков. А тут я прямо на машинку. Дым и корова. Техника в процессе испытания. На нас испытывают обезболивание, достижения на выставке, водородный взрыв, пролет. культ. революцию, китайское терпение. Выдержим?

43

29.9.66
Забавно. Пусть попробует. Так уж он уверен, что он т е п е р ь к нему хорошо отнесется. А разве может из этого выйти что-нибудь хорошее? Мелькают опять те же имена. Мы Президента видели в пивной: он ел сосиски и пил пиво. Трезвость. Когда мы трезвы, нам говорить не о чем. Опуститься до такой степени? Что они там, интересно, о себе думают? Не тот антураж. А у нее совести совсем нет. Как она, интересно, способна смотреть в глаза? Мы видели и не такое. Ах, и там такая лексика? Обхожу. Обхожу. Меня вы будете помнить. Да и я вас не забуду. Потеряло всякий интерес. Но как один из четырех планов — да. Самый яркий луч — это верно. Но хмык тут не у места. Четыре тополя стояли тут, остался один тополь, куски других лежат на земле. Тот удивительный процесс, который от папы с мамой не зависит. Тогда не надо было брать совсем. Где-то были другие опоры. Они внушали уверенность. А это нигде не бывает так просто. Как будто истерический вопль показателен для социальной прослойки. С таким куриным почерком, конечно. Но есть же и на них гамбургский счет. Без 10 рублей там делать нечего. А с 10 рублями любой собеседник удовлетворительный. Хм. Такая дружба. А какой он был? Боюсь, что это уже Не-Надо-Имен не интересует. Там высоко котируется это имя. А он этим и воспользовался. Почему ж все-таки не сжигаются мосты, а? Мне было смешно, когда я проходил мимо, а потом стало грустно. Изуродованный обломок человеческого существа, но тоже пользуется высокими словами. Когда я был молод, когда мне было 80 лет, у меня был ее телефон, но и тогда разговор у нас не получался. Послушать с одной стороны, так одно удивление. Пусть будут новые глаза и проза. А папа с мамой где-то на заднем плане. Слыхал эти слова, слыхал. Она отказалась от своих слов.

44

Как вам будет угодно. В тот свет никто не верит. Странный у него был взгляд. Она опустила глаза и сделала отчужденный вид. Торжество красоты в 17 лет. Новые игрушки. Вот это было впечатление. Вы себе и представить не можете, до каких низостей она может дойти, сохраняя улыбку и декорум. Тут нет нейтральных слов. Нож в воде. Грохот поезда. Такой противовес сам требует себе противовеса. Тебе отобьют охоту заниматься любимым делом. А потом в кусты. А потом в историю русской литературы. Мы прошли мимо библиотеки. Убить хотелось. Такой ненужный разговор. Такие жалкие книги. Вот чем все это кончилось. Просто сошло на нет. Самая интересная там фигура — некто Эллис. Это он подзуживал Андрея Белого на дуэль. Рассказ был правильно рассказан. У слушателя и должно оставаться недоумение. Они тоже подумали так, но может это и не так. Бабушка уже давно. Войдите в их заботы, войдите, сами увидите потом, что получится. Ну надо же, ну надо же. Учч ччорр! А потом оказалось, что это просто «мировая тюрьма». Слюнявый дебил у Центрального Телеграфа: вы Дашу ищете? Я захотел посмотреть на эту Дашу и остановился. Похвала этого гада всегда имела странный привкус. Вот тебе и оценка. Нет уж, лучше без такой оценки, нет уж, лучше как-нибудь. Но почему-то и тогда не сработало на продолжение. Нет, но надо же обидеться на такие слова. А я так и знал, что дело не в словах. Дело в принятом решении. Вот тебе и просветленный взгляд. Отчетливо проступают черные души, которые до этого казались светлыми. Люба Менделеева все отнесла на свой счет. Она уже давно Любовь Дмитриевна. Но исследователь смазывает блядские похождения гения. Можно подумать, вон она какая, а он вот какой хороший, а она его не ценила. Этот читатель доведет меня до инфаркта. До склероза уже довел.

45

Какой там смысл? Там никакого не было смысла. Затуманить информацию. Изменить имена до неузнаваемости. Записки покойника. Награда обернулась пшиком. Но каков человек, за 5 минут может создать воздушный замок в чужой душе. А потом забыть. Думаю, те же самые мотивы. Думаю, то же самое направление. Какая ерунда!

Еще меньше. Колонка в одно слово. Все равно будущее за стилистикой моментальных подборок. И образец тут — 104 страницы из старых книг.

Ей приятно было считать тебя мертвым.
Что они находили в «Улиссе», что потом перестали находить в «Поминках по Финнегану»? Как будто Джойсу было очень важно, чтобы они что-то нашли. Уэллс и Джойс — там же было две стороны, по крайней мере, ну что он может там увидеть, этот специалист. Спасибо хоть за цитату из «Эдвина Друда». Этот шибздик не стеснялся. Он и не поверит, что таким был. Мой путь начинался так. Моя личность складывалась так. Ну смех и все. А все слушали серьезно. Киты и кто еще? А Переверзев как будто умер 30 лет назад. Ноги, унесите меня отсюда. А вам ходить? А нам ходить. Письмо все-таки хранится. Хотя бы для того, чтобы уколоть кого-то. Чем были потрясены эти цыплячьи мозги, пусть волнует другие цыплячьи мозги. Им важно другое. Так вот это и надо постоянно иметь в виду. По крайней мере, иногда делать вид, что понимаешь.

46

Кто это и где сказал: окончательно забываюсь и переношусь в другой мир, читая Устена Малапагина? Это сказала одна девушка, которая давно стала дамой и даже судебным психиатром: чтение повлияло на выбор специальности: психология извращенных личностей. Как это похоже на все остальное!

Письмо Татьяны предо мною, его я свято берегу.

Кочующая фраза
все-таки мало
кочует, иначе б
не пришлось бы
--- - -------
вот именно.

If she hadn't been a great lover, she might have been a good sculptor. But like all artists she was exacting and would not waste her talents.

Когда он трезв, —
а пьян всегда он, —
-- --------- - ---
что? не расслышал!
Злой и щедрый? Мы такого не видали никогда. Злой и скупой и даже жадный, это видали.

ПРОСТО КАК МОЖНО БОЛЬШЕ ЗАЦЕПОК за самый низкий тонус, за ту жизнь, которая КАЖДЫЙ ДЕНЬ, изо дня в день и из года в год, в течение многих долгих лет и без видимых потрясений, но с возвратом в память о том, что было, и мыслью о том, что может быть. А кто был пророком, но он подчеркивает, что не был, значит очень хотелось или думал, что был пророком. В первый раз было интересно слушать
2 окт. 66 г.
но по существу, та же черная обезьяна со своей желтой сущностью. Англ. яз., конечно, в Оксбридже, но «отдайте мне четвертого, остальных трех можете съесть сами».

47

ВАМ БЫ ХЛЕБНУТЬ С НАШЕ,
ВЫ Б НЕ ТАК ЗАГОВОРИЛИ.
Вот и вся мысль о свободном мире
и всех голосах свободных РАЗНЫХ.
THOUGH OLD THE THOUGHT AND

OFT EXPREST, 'T IS HIS AT LAST

WHO SAYS IT BEST.

Зачем тут
дата? 2.10.66

Beauty is worse than wine: it intoxicates both the holder and the beholder.

Don't argue with your bread and butter.

Caesar's wife must be above suspicion.

MAD WORLD OF STANLEY KRAMER

kicks the buckitt liter-
ally and metaphori-
cally 4.9.66

write me the post-cards,
and he irritated me:
why not to me? nobody
writes me anything
Jan Bereznitsky invites
the old man Buster Keaton
the ungrateful pismire

Этот гогот
раздражает как не
знаю что: га-га-га:
все смазывается.

DER FEIND HORT MIT!

for You
But you promised me
German quotations.
But you forget. We love
those who love us. We
dislike those who dislike
us.

Копф-шмерц=вельт-шмерц
ух гады, нет на вас
ВОЗМЕЗДИЯ, вам бы злеб-
хлбе хлебнуть = с наш
хлебнуть с наше
вы б не так заговорили

48

Какие-то невнятные слова, но зуд: может и скажется что-нибудь? Такая доверчивость. А чему же еще доверять? Гоген его учил рисовать по памяти, вот эта дохлая фигура. Сжигал себя, а жалкий результат. Но важно было сжигать себя, в этом была жизнь. Электрический стул, выдирание зубов, вытрите его, вот это были переживания. Как кусает змея? Как мышь, вонзает зубы. Там тебе будут заморачивать голову, а потом ты будешь ходить и переживать. Вульгарность — вот слово. Все нищие побирушки-инвалиды во всех электричках пели мои песни с моим надрывом и с моей слезой. Вот это успех. Так и пахнет заплеванной стойкой и рыгающим матом: босяцкие радости! Теперь так принято: ни слова без мать-моя-родина. А потом эта песня пошла по всем лагерям, вот вы ее там и слышали, а я жил тут, у меня была своя жизнь. Я вступал в члены Союза, писал сценарии, пьесы с успехом и без, а вы пели мои песни. Я не знал, что Евгений Шварц — это тоже ваш псевдоним. Зная это, конечно, я б никогда этого вам не сказал. Успех в форме настоящих больших денег пришел к нему через кино. Атмосфера Дома кино до сих пор в ушах звенит. Как действует успех на большого художника? Говорят, что деньги губят талант? Ваш талант не загубят. У вас никогда не будет денег. Вам опасаться нечего. Куда исчезли те слова, которые я так тщательно собирал и хранил? Когда говорят «необязательные люди», имеется в виду другое. Это как бумага, исписанная в темноте на рассвете, когда что-то вертелось, что-то ожидалось и только через 5 часов пришла фраза, с которой и надо было начинать. ЧЕРНЫЙ ПОРТФЕЛЬ ТЕРЯЕТ СВОЮ ЧЕРНУЮ СУЩНОСТЬ. Черная папка тоже.

49

А на забор кто имеет право? А на озеро с карпами? А на телохранителей? Каждый член Союза имеет право на секретаря. Еще один летописец, но он экстроверт. В записную книжку выписывает фразы из «Литературной газеты». Список читали? Приложение к докладной записке. Допоется или не допоется — вот в чем вопрос. Где гарантия? А вот Андрэ Жид у нее в сумочке лежит. Это что, у меня Лакло на тахте лежит. А ему придется сидеть или лежать? Пока он бегает. Он добегается. А она все крутится. Она докрутится. Меня угостили двумя катушками. Склеротическое явление — это и есть критерий. Но основатели не разговаривают друг с другом, даже по телефону, с 1888 года. Любовные письма к ней она все-таки хранила. Один ты, дурак, хранишь клевету и пасквиль на самого себя. Это не магнитофон, это трактор. Никто не имеет права писать о дезинтеграции великого человека. А он выдал врачебную тайну. У Натали Саррот не может быть нового Хемингуэя. Все они знают. А что он сказал о моих шортах? Тоже Гиерофантида только магнитофонной мистерии. Практически невероятно, но она путает шампур для шашлыка с Шамфором. Ленты у нее все на учете. Верба еще зеленая, ясень горит уже ржавым золотом. Ясень просто красный — прямо полыхает на кухне красным пламенем. Вот когда, а не 6-го августа по-старому. Но никто этого не заметил. Да и неважно это. Зато он заметил — разве взрослый мужчина плачет? Зачем же так про подушку?! Чернеет как грачиное гнездо на облетевшем тополе. Это можно увидеть только в щелку или в замочную скважину. Самое первое впечатление и что-то увиденное очень издалека — да. Хорошо у него про «старых сил не восстановить». А про анфиладу — так себе: купеческие восторги.

50

Спасенья нет. Только у души может быть спасенье, но к тому времени нечего будет спасать. ДБ он Б, ДД он З — по-японски. Стоило из-за этого японский язык изучать? История чужой истерики. А тогда было десятиричное истеричное «и», и нужно было ставить точки. Больше всех из всех живущих на эти темы размышлял Л. Тимофеев, а от него и слова не услышишь. Он тоже пишет как носорог. Стихи и мы, я — поэт, вот это как раз и требуется доказать. Мало того. Это надо все время снова и снова доказывать. ДМ О ССР: грубо, но правда. Чернота действует как штык, уж это-то он понимает. Тоска по ЛХ СС. Но только пост-фактум. Не смерть героя, но жизнь пижона. И долго буду я сидеть тут и чувства добрые призывать? Ведьменыш! спокойно сказал референдарий. Референдарий! с жаром сказал ведьменыш. Там было еще отчетливое ощущение ужаса перед необходимостью снова идти по той же самой дороге. Вот мы и возвратились к уклейке на учете. А все остальное могло быть и ненаписано. А сам Лебядкин тоже путал Лямшина с Липутиным. Хотя нет, уж он-то знал, с кем имеет дело. От меня останутся только письма к тебе. Зато вещь! Только! Но с какой интонацией! Боится дурного глаза, значит не закончено. Они опять пишут про католицизм. У них это отработано, как штамп, они 200 лет боролись с католиками и до сих пор не могут не бороться. Я на забор имею право, а паразиты никогда. Ты на позор имеешь право. Зачем шофер, когда есть такси? Они вдвоем были у Святого Колодца. Она мыла бутылки, а он размышлял о будущей последней книге.

конец

КОММЕНТАРИИ

Книга Павла Улитина «Разговор о рыбе» ни в коем случае не мемуарная литература и, строго говоря, ни в каких специальных комментариях не нуждается. Нижеследующие отдельные пояснения связаны с желанием издателей выпустить именно ту книгу, которую писал в свое время ее автор, то есть не делать ее более герметичной, чем полагалось по авторскому замыслу. Поэтому мы хотели бы, во-первых, проявить кое-какие реалии, которые в 60-х годах прошлого века были понятны и общеупотребительны, а сейчас, через тридцать с лишним лет, несколько стерлись.

Комментарии совсем иного рода впрямую связаны с поэтикой Улитина. Его произведения с трудом поддаются жанровому определению. Улитин создал собственный метод, который он называл «стилистика скрытого сюжета». И действительно: в любом, самом герметичном и по виду спонтанном тексте этот «скрытый сюжет» присутствует. Обнаружить его непросто. Улитин не готовил свои вещи к публикации, а круг его постоянных читателей был довольно узок. Расчет на такого — близкого — читателя, схватывающего все намеки, постепенно стал элементом поэтики, частью метода. Более того: не было гарантий, что обыск 1962 года (при котором было изъято все, написанное к тому времени, включая черновики и записные книжки) будет последним, и тексты Улитина не станут материалом очередного «дела». Все личное, автобиографическое шифровалось. «Все писать с сокращениями. Кроссворд. Проза-ребус. Шифровка». Эти принципы возникли, вероятно, как способ самоцензуры, но с их помощью легче было улаживать сложности, возникающие, когда персонажи и читатели — одни и те же лица. Герои повествования, личные знакомые автора, как правило, обозначены аббревиатурами или псевдонимами. Некоторые реальные имена мы попытались восстановить, что, к сожалению, не всегда возможно.

Комментарии подготовили М. Айзенберг, И. Ахметьев и Л.А. Улитина, при участии А. Ожиганова (французские и немецкие фрагменты).

Статья З. Зиника впервые опубликована в парижском журнале «Синтаксис» № 32 (1992) вместе с текстом Улитина «Бессмертие в кармане» (1967). Перепечатана с некоторыми сокращениями в «Вестнике новой литературы» № 5 (1993) вместе с текстом Улитина «Фотография пулеметчика» (1965).

с. 7. *Он родился* — 31 мая 1918 г.
с. 9. *Он дописывал письмо матери* — точнее, как сказано ниже, запись сна. См. в журнале «Московский наблюдатель» № 1, 1991, вместе с текстом Улитина «Татарский бог и симфулятор» (1975).
с. 11. *Друзьями-сокамерниками* Улитина в ЛТПБ, где Улитин находился с 1951 до декабря 1954 г., были, в частности, Ю.А. Айхенвальд и А.Н. Асаркан, с которыми он продолжал тесно общаться и на свободе.
с. 14. *У Улитина был обыск* — протокол обыска опубликован в том же номере «Московского наблюдателя».
с. 16. *Когда я уезжал* — в 1975 г.
с. 21. *Приветствую Ваш неуспех* — вариант строфы из стихотворения Тютчева «А.Ф. Гильфердингу»:

Спешу поздравить с неудачей:
Она — блистательный успех,
Для вас почетна наипаче
И назидательна для всех.

Книга «Разговор о рыбе» написана в 1967 году и сохранилась в авторской машинописи. В оригинале подписано псевдонимом «Устен Малапагин». Происхождение псевдонима — название фильма «У стен Малапаги» («По ту сторону решетки», реж. Р. Клеман, 1948).

Воспроизводится — страница в страницу — структура авторской машинописи. Рукописные вставки выделены *особым шрифтом*.

с. 25. *фильм «Сальто»* — реж. Т. Конвицкий, 1965.

с. 27. *М. Зощенко. Следующая по счету повесть Белкина написана не лучше Пушкина* — «Талисман. Шестая повесть И.П. Белкина» (1937).

с. 29. *ИК при СП* — иностранная комиссия при Союзе писателей.
Что такое «аспидистра»? И почему она развевается? — «Keep the Aspidistra Flying» (1936), сатирический роман Дж. Оруэлла. Аспидистра — комнатное декоративное растение.
Эрик Блер (Eric Blair) — настоящее имя Дж. Оруэлла.
Он сколотил отряд добровольцев... — речь идет о Майн Риде.
«Урок» — пьеса Эжена Ионеско (1951).

с. 31. *Мáрия Васильевна = Майка Синявская* = М.В.Розанова.
А вам не хотится? И поезд от похоти воет и злится — Э. Багрицкий, «Весна».

с. 33. С.И. *Радциг* (1882—1968) — преподавал классическую филологию в ИФЛИ. В 1931—1934 гг. водил экскурсии в Музее изобразительных искусств.

с. 34. *Ф. Куарэ — Франсуаза Саган.*
Ксаверий *Дуниковский* (1875—1964) — польский скульптор и живописец.
In the white sweater... — Под белым свитером, что был на ней, они казались отвисшими под собственной тяжестью. Это была гарантия реальности. Я мог представить, как я их трогаю.

с. 35. *антиципация* — предвосхищение.
Not my cup of tea — не в моем вкусе.

с. 36. *Just the time to come back* — самое время вернуться.

с. 37. *Если бы не Ильф, мы бы Ольгу Шапир и не знали* — «Все, что вы написали, пишете и еще только можете написать, уже давно написала Ольга Шапир, печатавшаяся в киевской

синодальной типографии». (И. Ильф, «Записные книжки»).
Ольга Шапир (1850—1916) — русская писательница. Обычной темой ее произведений является сфера любовных и семейных отношений.

с. 39. *Somebody else's joys...* — Чьи-то радости, я их отбрасываю. Они меня достали. Осталось у нас кафе, которое обычно и — более того — ЗА НЕИМЕНИЕМ ЛУЧШЕГО.

с. 40. *But I don't remember the exact words...* — Но я не помню точных слов и не могу их найти.
But I never found... — Но я никогда не находил то что искал.
And if not shot or hanged... — Если вас не застрелят или повесят то произведут в рыцари. Благодетельствовать человечество — это удел рыцаря.

с. 41. *Wie wuerde dich die Einsicht kraenken...* — Что б стало с важностью твоей бахвальской, / Когда б ты знал: нет мысли мало-мальской, / Которой бы не знали до тебя! (Гёте, «Фауст», ч. 2, пер. Б. Пастернака).
«Der Ekel» or simply «Disgust»... — «Отвращение» или просто «Омерзение» — так называется его <Сартр> единственный роман. Безобразное лицо, как обычно. Не удивительно, природа справедлива и экономна. Излишняя красота как излишний интеллект: она навлекает возмездие судьбы.

с. 42. *«А-а, ты меня ревнуешь!»* — картина П. Гогена в Музее изобразительных искусств.

с. 45. *Жив ли он сейчас? Его ли дочка — Марина Влади?* — Отец Марины Влади — Владимир Поляков-Байдаров, летчик-доброволец, попавший во Францию еще в первую мировую войну с русским экспедиционным корпусом.

с. 46. *Не такой, не прежний, недоступный чистый гордый? Злой!* — ср. А. Блок, «Перед судом».
Матвей Исаевич Каган (1889—1937) — философ-неокантианец.

Ты кого больше любишь: Юру или Ваву? — речь идет о Юрии Александровиче Айхенвальде (1928—1993; поэт, историк театра) и его жене Валерии Михайловне Герлин.

с. 48. *Better twaddle than nothing at all...* — Лучше чепуха чем вообще ничего. Что-либо другое сделал. Что-либо другое. Но я хочу чтобы их читали с моей интонацией. Потом прочтите их сами. Но я хочу слышать мой собственный голос. Мне до смерти надоело слышать чужой голос. Тогда сделайте это сами.

с. 50. *Out of sight, out of mind* — с глаз долой, из сердца вон.

с. 53. *Переверзев* Валериан Федорович (1882—1968) — литературовед, репрессирован в 30-х гг.
Г.Н. *Поспелов* (1899—1992) преподавал в ИФЛИ теорию литературы.

с. 54. *АУЮР* — автор устных юмористических рассказов.

с. 55. *«Цикута»* — текст Улитина.

с. 56. *Мовизм* — от mauveis (дурной, плохой — фр.) — термин В. Катаева для обозначения стиля его поздней прозы («Святой колодец»: «Новый мир» № 5, 1966; «Трава забвения»: там же № 3, 1967).

с. 57. *«Сюр-ход»* — текст Улитина.

с. 58. *одного года от 12 февраля до 25 октября* — 1917.

с. 59. *Л. Невлер*, называемый ниже *Л. Роботом* — искусствовед, знакомый Улитина и Асаркана.

с. 60. *Он был как выпад на рапире* — Б. Пастернак, «Высокая болезнь».
Книга о Юрии Олеше — удар не по Олеше, а по Катаеву — А. Белинков, «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша» (Мадрид, 1976; М., 1997). В СССР был напечатан

только отрывок в журнале «Байкал», № 1-2, 1968, но книга ходила в самиздате. Судьба Олеши рассматривается в книге как пример приспособленчества, что, конечно, имело отношение к его другу В. Катаеву.
«Чертогон» и «Жидовская кувырколлегия» — произведения Н. Лескова.
В.Н. *Чемберджи* — филолог-классик, переводчик с древних и новых языков.
Фэнни и *Элизабет* — персонажи «Смерти героя» Р. Олдингтона.

сс. 63,64 — цитаты из «Смерти героя».
Мы читали «Смерть» по-русски в другом переводе — с 1961 г. роман публиковался в переводе Норы Галь.

с. 66. *«Мутная вода»* (1960) — текст Улитина. Дайджест хранится в домашнем архиве, основная рукопись изъята во время обыска 1962 года.

с. 68. *«Дневник Кости Рябцева»* — повесть Н. Огнёва (1926).

с. 69. *Щелыково* — летом 1958 года Улитины проводили отпуск в Доме творчества ВТО в Щелыково.

с. 75. *Валерий Тарсис* (1906—1983) — писатель. В 1966 г. он был лишен сов. гражданства за публикации в тамиздате.

с. 77. *Танечка-душечка* — см. А. Белый, «На рубеже двух столетий», Введение.

с. 79. *Два слова подчеркнуты и слиты вместе* — см. с. 66 *(scribbledehobble)*.

с. 82. *роман Айрис Мэрдок «Дикая роза»* — 1962, рус. пер. 1971.

с. 84. *«Поплавок»* — текст Улитина (1960). Опубликован с купюрами в журнале «Знамя» № 11, 1996.

с. 85. *See as much as you like...* — Можешь видеть столько ее сколько хочешь если это тебя осчастливит. Эти слова! Довольно странно, но они были ему неприятны. КАК ВЫ МОЖЕТЕ НАСЛАЖДАТЬСЯ ВСТРЕЧЕЙ С ДЕВУШКОЙ если ваша жена явно принуждает вас к этому. Черт возьми, это было неприлично! Все эти ощущения себя веселой собакой, или сильным мужчиной играющим с огнем, выдохлись и умерли позорной смертью.
Dash it all, it makes me sick! — Черт возьми, мне это надоело!
«Но кто же тогда (в Гонконге в мире... — см. примечание к с. 93.
Ритта Жомм — ср. «Где живет Нита Жо? / Нита ниже этажом» (Маяковский. Как делать стихи).
Е-Б-Ж — если буду жив (эта аббревиатура использовалась Л. Толстым в дневнике).
Голос мадам Ходасевич-Леже — Надя (Надежда Петровна) Ходосевич (1904—1982), художница, жена Ф. Леже. Родом из Белоруссии; к поэту Ходасевичу отношения не имеет. В 60-е годы часто приезжала в СССР. Член компартии Франции, активный борец за мир.

с. 86. *You should have spoken of art...* — Вам следовало бы говорить об искусстве и музыке как обо «всей этой чепухе которая нравится моей жене». Она поверит вам на слово — и вы этого заслуживаете. В нашей голове кипят идеи, но мы можем только сказать что Анна и Марта уехали в Анапу. Достаточно о пьесе в двух действиях Моя Жена Вечером и Утром. А что скажет об этом ваша жена? Практически никто никогда не скучает по умной женщине. У меня нет времени на такую чепуху. Жизнь недостаточно длинна для любви и искусства. Он назвал четыре фамилии, но я помню только одного читателя. Но я в самом деле знаю Агату Кристи. И никогда не беспокойся о деньгах. Это благородное стремление. Обычный советский носорог. Теперь я слышу как Храбрый Кролик говорит «Не бойся, они тебя не тронут!» E D A <?> еще раз? Вы знамениты? Очень. Совершенно неизвестен, но очень знаменит. Тот же случай, те же слова, вот что плохо. Я не был уверен, что справлюсь с этой ситуацией, но был совершенно уверен что предстоит ситуация, с которой надо будет как-то справиться. На ней было накинуто только одно одеяло.

с. 87. *Госпожи Понти. ...Этой Галатее было 16 лет, когда ее заметил Пигмалион* — речь идет о Софи Лорен, ее муж, продюсер Карло *Понти*, старше на 22 года.
Критик Чирва — А.Н. Толстой, «Хождение по мукам», ч.1: «Сёстры».
Старый Джолион, Ирэн — персонажи «Саги о Форсайтах».

с. 88. *Марк Розовский* (1937) — режиссер, драматург, писатель. В 1958—69 руководил театральной студией при МГУ «Наш дом».
«История моего современника» — автобиографическая книга В.Г. Короленко.

с. 89. *Надежда Давыдовна* Вольпин (1900—1998) — переводчица, мать А.С. Есенина-Вольпина.
«Весенний лист» — сборник стихов и статей А.С. Есенина-Вольпина (Нью-Йорк, 1961).

с. 90. *«Консультант с копытом»* — предварительное название «Мастера и Маргариты».
французский эпиграф к пьесе Булгакова «Кабала святош» — Rien ne manque à sa gloire, / Il manquait à la nôtre. (Для его славы ничего не нужно. Он нужен для нашей славы). Пьеса была поставлена в театре им. Ленинского Комсомола.
В фойе висит большой портрет с цитатой — И.Н. *Берсенев* был главным режиссером в 1938—1951 гг. А. *Эфрос* — в 1963—1967.

с. 91. *спектакль «Случай в Виши»* по пьесе А. Миллера (1965) готовился к постановке в театре «Современник», но был запрещен.

с. 93. А.Я. *Шайкевич* (1933) — лингвист, знакомый Улитина.
Юдифь Матвеевна Каган (1924) — литературовед, знакомая Улитина. Дочь М.И. Кагана.
Четвертой женой председателя Мао была Цзян Цин (1914—1991). До встречи с Мао Дзэдуном была актрисой и вращалась в богемной среде. (Эта среда описывается в книге «The World of Suzie Wong» by Richard Mason (1957), которую чи-

тал Улитин. Там действие происходит в Гонконге). Играла большую роль в «культурной революции». В этот период она одевалась как хунвэйбин — френч и кепка.

с. 94. *Вместе с Белинским мы возмущались когда-то «плотным усестом»* — см. статью «Стихотворения Владимира Бенедиктова» (1835). У Бенедиктова: «Гордяся усестом красивым и плотным» (Наездница).

с. 95. *На трибуне бесновалась эсэрка Спиридонова...* — в пьесе М. Шатрова «Шестое июля» (1964).

с. 96. *the danger of real feeling* — опасность реального чувства. *Мне грустно на тебя смотреть* — начало стихотворения Есенина (1923).

с. 97. *«Нездешний вечер», «Пленный дух»* — очерки М. Цветаевой о М. Кузмине и А. Белом.

с. 98. *«Вещи»* (1965) — повесть Ж. Перека (1936—1982). *«Любите ли вы Брамса?»* — повесть Ф. Саган.

с. 103. Эта глава была впервые опубликована в парижском журнале «Синтаксис» № 8 (1980).

с. 105. *Он кончил роман про фараона, теперь будет писать про Аспазию* — по-видимому, речь идет о Г.Д. Гулиа, авторе романов «Царь Эхнатон» (1968) и «Человек из Афин» (1969).

с. 106. *Я помню нежность ваших плеч* — стихотворение А. Блока (1914).

с. 108. *Every morning I would sit down...* — Каждое утро я садился перед чистым листом бумаги. Целый день, с небольшим перерывом на обед, я глазел на этот чистый лист. Нередко с приходом вечера он оставался пустым. И казалось вполне вероятным что вся моя жизнь уйдет на разглядывание чистого листа бумаги. Кризис был преодолен и работа в конце концов закончена, но мой

разум никогда не смог вполне восстановиться после этого напряжения.
С тех пор я определенно стал менее способен к абстрактному мышлению, чем раньше. Уставший от обожания и невозможный вообще гений <ср. с. 71> исчерпал возможности своих нынешних сотрудников и нуждается в другой помощнице готовой посвятить себя волшебному миру искусства и древностей. Секретарская квалификация полезна, но способность держать удар и чувство юмора необходимы. Я не успел закончить когда Его Превосходительство прервал меня. Я начинаю сомневаться что вы когда-либо закончите, мой друг. Вы слишком любите слушать себя. Это верно; но если вы терпели так долго, то можете потерпеть до конца.

с. 109. *Not only EN FAUT DE MIEUX...* — Не только ЗА НЕИМЕНИЕМ ЛУЧШЕГО но важнейшая часть нашего прошлого и нашей школы и влияния <того что на нас влияло> и надежды. Да. Не обращайте внимания на общеобязательный характер начала.

Они приняли нас за Вы-Знаете-Кого или по меньшей мере за я-не-могу-назвать-это-еще-хуже. Чудые они люди. Чудные, то есть. Не очень забавно, в самом деле.

с. 110. *Осип Колычев* (1904—1973) — советский поэт.
Б. Жутовский (1932) — художник.
З. Паперный (1919—1996) — литературовед, писатель-юморист. Учился в ИФЛИ.

с. 111. *MAY DAY; may I mention?* — ПЕРВОЕ МАЯ <в слитном написании означает сигнал бедствия на море>; могу я отметить?
ФМД — Ф.М. Достоевский.
GOD IS SPIRIT... — БОГ ЕСТЬ ДУХ И В ТОМ ЖЕ ДУХЕ ЕСЛИ Я МОГУ УПОМИНАТЬ НЕУПОМИНАЕМОЕ.
Алена Старица — поэтесса Алена Басилова. Ср. «Песня про Алену-Старицу» Дм. Кедрина (1939).

с. 113. *Just the time to read French...* — Самое время читать по-французски. Самый момент сбежать. Когда я совсем запуты-

ваюсь я просто открываю страницу 174 из романа «По ком звонит колокол». Это восстанавливает правильный взгляд <на вещи>. Вам следует попробовать это как-нибудь. / Разве не заметно, что они разные? / Разве ты сказал?

с. 114. *Символ божественного доброжелательства в Катманду его и вдохновил на фразу «Большой Брат за тобой наблюдает»* — речь идет об Оруэлле, детство которого прошло в Непале. Фраза — из романа «1984».

с. 115. *Как верно здравый смысл народа значенье слов определил* — из эпиграммы Тютчева (30 апреля 1865), целиком приведенной в предисловии на с. 9.

с. 116. *Т. Ойзерман* (1914) — советский философ. Закончил ИФЛИ в 1938 г. Руководил там литературным кружком.
С. Наровчатов (1919—1981) — советский поэт. Учился в ИФЛИ.
Ухожу, как Парис — «Как Парис в старину, / Ухожу за своею Еленой стихотворения» — начало стихотворения П. Когана (1918—1942). Вместе с Улитиным и еще тремя студентами ИФЛИ принадлежал к подпольной Ленинской партии, за что все они, кроме Когана, были арестованы в 1938 г. Автор «Бригантины» продолжал образование в Литературном институте. См. об этой истории в мемуаре З. Зиника «На пути к "Артистическому"» («Театр», № 6, 1993).
Жил я по евангелью Фомы — из стихотворения С. Наровчатова «Вариации из притч».

с. 117. *Подземный переход от Центрального телеграфа до Российских вин* — недалеко от кафе «Артистическое».

с. 118. *Ein Reisebericht fur meine Freunde...* — Путевые заметки (отчет о путешествии) для моих друзей: / МОСКВА 1937 <книга Л. Фейхтвангера, предыдущие слова — из предисловия> — э? Никогда в своей жизни не читал я книгу с таким возбужденным интересом, с удовольствием, с размышлениями, с влиянием на дальнейшие шаги в моей жизни. Как будто книга может моделировать поведение. КАК БУДТО. / Решающим

моментом было критическое отношение к жизни и ненастоящей, неподлинной реальности. Это начало конца.
«Маски» Андрея Белого вышли в 1932 г.

с. 119. *Менаж а труа? А катр!* — Семья втроем? Вчетвером!

с. 123. *Шурик* — вероятно, А. Шелепин, сосед Улитина по общежитию ИФЛИ, впоследствии глава КГБ.

с. 129. *А я пойду один к неведомым пределам* — С. Есенин, «Русь советская» (у Есенина: навеки присмирев).

с. 133. *Капитан Кассий Кольхоуэн* — «Всадник без головы».
Ван-Дик — «Золотой браслет, вождь индейцев».
В.М. Гаевский — известный журналист, балетный критик.

с. 134. *Е. Строева* (1930—1973?) — участница диссидентского движения, жена художника Ю. Титова. Покончила с собой в эмиграции.

с. 135. *Николай Шпанов* (1896—1961) — советский писатель, автор одиозных романов «Поджигатели», «Заговорщики» и «Ураган».
Покойница Как-ЕЕ-Забыл — Г. Николаева (1911—1963); автор романов «Жатва» (1950) и «Битва в пути» (1957).
«Ошибка пекинской тюрьмы» — повесть Л.Л. Иерихонова.

с. 137. *Убить пересмешника* — роман Харпер Ли (1961, рус. пер. 1963). Фильм: реж. Р.Маллиган, 1962.
«Метрополь» — кинотеатр, раньше размещавшийся в одноименной гостинице.
Сс-мм моо — some more ?.
Доктор Елизаров — точнее Илизаров, известный хирург-ортопед, к которому предполагалось направить Улитина для лечения искалеченной ноги.
Н.А. *Богораз* — хирург, проведший первую операцию по фаллопротезированию (1936).
Проф. Е. Краснушкин — сов. психиатр, участвовал в

Нюрнбергском процессе. В 1950 г. направил Улитина в ЛТПБ, что, вероятно, спасло ему жизнь.
Рядом полуденный паром на острова, с которых шведы бежали в Швецию — шведы бежали с Аландских островов в Швецию в 1809 г. после атаки корпуса Багратиона.
So lang du lieben kannst!.. — Как долго ты можешь любить! Как долго ты хочешь любить <из канцоны Ф. Листа на слова Ф. Фрейлиграта>. Да здравствует зимний спорт. Мисс Британия или мисс Великобритания? Я завидую вашему беспокойству, господин учитель. Теперь мы возвращаемся к «Опасным связям» <роман Шодерло де Лакло>.

с. 139. *Уклейка* — этим словом Улитин называл свои коллажи.
Ю. Смелков (1934) — журналист.

с. 140. А. *Гарриман — посол* США в СССР в 1943—46 гг.
Сегодня я в ударе добрых чувств. Не мчусь — ср. у Есенина Сегодня я / В ударе нежных чувств... (Письмо к женщине).

с. 141. А. *Кондратович* (1920—1984) — выпускник ИФЛИ, в 1961-70 гг. — зам. главного ред. «Нового мира».

с. 142. *«Последний гусар»* — рассказ С. Мрожека.
См. также с. 51.

с. 145. *«Святой колодец»* Валентина Катаева опубликован в журнале «Новый мир» № 5, 1966.
ИВС — И.В. Сталин ?

с. 146. А. *Моралевич* (1935) — юморист.

с. 147. *Эйвис Эверхард* — героиня романа Дж. Лондона «Железная пята».

с. 150. *Сколько раз начинал ты по-разному... Облака плывут над крестом* — ср. у Галича: «Сколько раз мы молчали по-разному» и «Облака плывут в Абакан».

с. 155. *But what do I get out of it?* — Но что я с этого буду иметь?

с. 156. *Жак-Пьер Симетьер* — cimetière — кладбище (фр.).
Что такое «Навьи чары»? — трилогия Ф. Сологуба «Творимая легенда».

с. 157. *Ефросинья Петровна* — жена *Сергея Петровича* Писарева (см. примечание к с. 180).
«Сладкая жизнь», «8 с половиной» — фильмы Ф. Феллини.
«Канал», «Пепел и алмаз» — фильмы А. Вайды.
Ангели́на — жена Леонида Леонидовича Иерихонова (друг С.П. Писарева, добрый знакомый Улитина).

с. 158. *Сенатор Фу-блядь* — имеется в виду У. Фулбрайт, игравший большую роль в американской политике в 60-х гг.
Дочка Симоны Синьорэ — «Убийство в спальном вагоне» — Фильм реж. Коста-Гавраса (1965). Катрин Аллегрэ.

с. 159. *Скорбная складка, углы губ вниз и роговые очки, вот его портрет* — речь идет о К. Паустовском.

с. 160. *Дороти Ротшильд, писавшая под псевдонимом Дороти Паркер* — американский юморист, театральный критик и литературный критик (1893—1967).

с. 161. *Аннабелла Бюкар* — сотрудница посольства США в Москве, принявшая советское гражданство. Автор книги «Правда об американских дипломатах» (М., 1949).
А.Н. Асаркан (1930) — театральный и кино-критик, близкий друг Улитина. В 1980 г. эмигрировал в США.

с. 162. НО ДАЖЕ ЕСЛИ БУДЕТ СДЕЛАНО ВСЕ ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ СДЕЛАНО, ЦИВИЛИЗАЦИЯ ВСЕ РАВНО БУДЕТ ЗАВИСЕТЬ ОТ СОЗНАТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЯЮЩИХ И УПРАВЛЯЕМЫХ.
Я хочу серьезно об этом подумать.
Никто не хотел умирать.
А я хотел. И он хотел. Лучше умереть чем жить жизнью тех кто презирает себя.

РЕЗИДЕНТ
ЛЮБОВЬ ПОД ВЯЗАМИ <пьеса Ю. О'Нила, фильм (1958)>.
и с кем!

с. 163. ХОТЬ СТАРА ЭТА МЫСЛЬ И ИЗБИТА, НО ИМЕННО ОН НАКОНЕЦ ВЫРАЗИЛ ЕЕ ЛУЧШЕ ВСЕХ <стихотворный афоризм американского поэта Джеймса Рассела Лоуэлла (1819—1891)>.
Красота хуже вина: она отравляет и обладателя и обожателя <афоризм К. Иммермана>.
Не спорьте с вашим бутербродом <в смысле «не действуйте в ущерб себе»; в английской поговорке другой глагол: quarrel>
Жена Цезаря должна быть выше подозрений.
БЕЗУМНЫЙ МИР СТЕНЛИ КРАМЕРА <It's a Mad, Mad, Mad, Mad World: фильм 1963 г.>
протянуть ноги в буквальном и в переносном смысле
пиши мне открытки, а он меня раздражает: почему не мне?
никто мне ничего не пишет
Ян Березницкий <1922; театровед и киновед> пригласил старика Бастера Китона
неблагодарное ничтожество <выражение из «Пигмалиона» Б. Шоу>
ВРАГ ПОДСЛУШИВАЕТ!
для Вас
Но вы обещали мне немецкие цитаты. Но вы забыли. Мы любим тех кто любит нас. Нам не нравятся те кому мы не нравимся.

с. 164. *Премудрый Пескарь* — персонаж одноименной сказки Салтыкова-Щедрина (у М.Е. — пискарь).

с. 165. Сборник воспоминаний «Мы *знали Евгения Шварца*» вышел в 1966 г.
Алек Вольпин — Александр Сергеевич Есенин-Вольпин (1924); математик, поэт, правозащитник.
Лебядкин, Лямшин, Липутин — персонажи «Бесов» Достоевского.
5 000 сабель!.. — сюжет 37 года: арестованному врагу на-

рода шьют дело по подготовке отряда казаков-террористов; выбивают сведения о численности; наконец, тот признаётся: 5 000! Следователь сомневается: многовато, неправдоподобно. Арестованный: Ни одной сабли не отдам! (на основании мемуара З. Зиника «По пути к "Артистическому"»).

с. 167. *джук-бокс* — автоматический проигрыватель.
Саша Черный умер во Франции летом 1932 года, на следующий день после того, как он принял активное участие в тушении лесного пожара.

с. 168. «Смуглая леди сонетов» — пьеса Бернанда Шоу (1910).
Профессор И.Р. Гальперин — известный стилист и лексиколог.
Ирина Уварова — театровед, знакомая Асаркана и Улитина.
Сильвио Пе́ллико (1789—1854) — писатель, карбонарий. Трагедия «Франческа да Римини» (1815); мемуары «Мои темницы» (1832).

с. 170. ПОХОРОНЫ
ВАША ЖЕНА СМОЖЕТ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ ВАШИ ПОХОРОНЫ?
Все они создатели космоса. И внезапно вы обнаруживаете что для вас нет места в его космосе. Никакого упоминания. Никаких имен. Неблагодарность потрясающая. Шомпол в дыре, и начинай с самого начала. И никогда не вымолвить ни слова о том что потерял <цитата из If by Kipling>. Некуда отступать. Некуда отступать. Они должны победить или умереть, те кому некуда отступать. Инфернальная дрянь вроде нее! Все что он хочет это оскорбить всех окружающих и заставить нас говорить о нем. Я наведу вас на выводы из ваших выводов. А ваш муженек, сможет он позволить себе ваши похороны? Но паучиха плетет свою сеть.

с. 171. Себастьян Никола *Шамфор* (1741—1794) — французский писатель, автор опубликованных посмертно записей (Шамфор. Максимы и мысли. Характеры и анекдоты. М.—Л., 1966). Во время якобинского террора был арестован в 1793 г. и выпущен спустя несколько дней на свободу, после чего поклялся, что скорее умрет, чем даст себя снова арестовать. Пы-

тался покончить с собой, когда за ним пришли, но остался жив, и умер спустя несколько месяцев.

с. 172. *Бомбардов* — персонаж «Записок покойника», актер, объясняющий Максудову устройство Независимого театра.

с. 175. Арик *Крупп* (1937—1971) — автор песен на темы туризма и альпинизма.

с. 178. *And me — tomorrow will be neither the kettle nor the fish* — А мне — завтра не будет ни котелка ни рыбы.
Игорь Ицков (1940) — сценарист. «Великая Отечественная» (1979, с К. Славиным и Р. Карменом; Ленинская премия 1980 г.) и др.
Ох, какой же вы, девчата, молодой еще народ — «Василий Тёркин», глава «Гармонь»: Ах, какой вы все, ребята, молодой еще народ.

с. 179. *Ежи Лец на том свете* — характерный каламбур Улитина. Станислав Ежи Лец — польский юморист, мастер афоризма. Плюс «Теркин на том свете» — довольно мрачная сатира А. Твардовского. Звучит, кроме того, как «жилец на том свете».

с. 180. *С.П. Писарев* (1902—1979) — диссидент (с социал-демократическим уклоном), борец за права человека, соузник П.П. Улитина по ЛТПБ.
Я же знал, что мечта — зараза. Я же знал, что упрямство — чума — ср. у С. Есенина: Я не знал, что любовь — зараза, Я не знал, что любовь — чума («Пой же, пой. На проклятой гитаре...»)

с. 182. *Нож в воде* — фильм Р. Полански (1962).
Это он подзуживал Андрея Белого на дуэль — с Блоком; см. «На рубеже двух столетий»: Домино.

с. 184. *If she hadn't been a great lover...* — Если бы она не была великой любовницей, то она могла бы стать хорошим скульптором. Но как и все художники она была требовательна и не

хотела тратить впустую свои таланты <«Смерть героя»: там где про тушэ>.
Оксбридж — Оксфорд и Кембридж.

с. 185. английский и немецкий текст повторяет с. 163.
Копф-шмерц=вельт-шмерц — головная боль=мировая скорбь

с. 187. *Но основатели не разговаривают друг с другом, даже по телефону, с 1888 года* — «Записки покойника», гл.13. Имеются в виду Станиславский и Немирович-Данченко. (Но там в тексте 1885 г.).
Гиерофантида — жрица элевсинских мистерий.

с. 188. *Л. Тимофеев* (1904—1984) — литературовед, преподавал в ИФЛИ теорию литературы.
ЛХ СС — Лучший Художник Советского Союза. Так Улитин называл Юло Соостера (1924—1970).

Литературно-художественное издание

Павел Улитин
Разговор о рыбе

Выпускающий редактор Е. Савина
Художественное оформление: А. Ирбит
Компьютерная верстка: Д. Амплеев
Корректор Л. Хмельнова

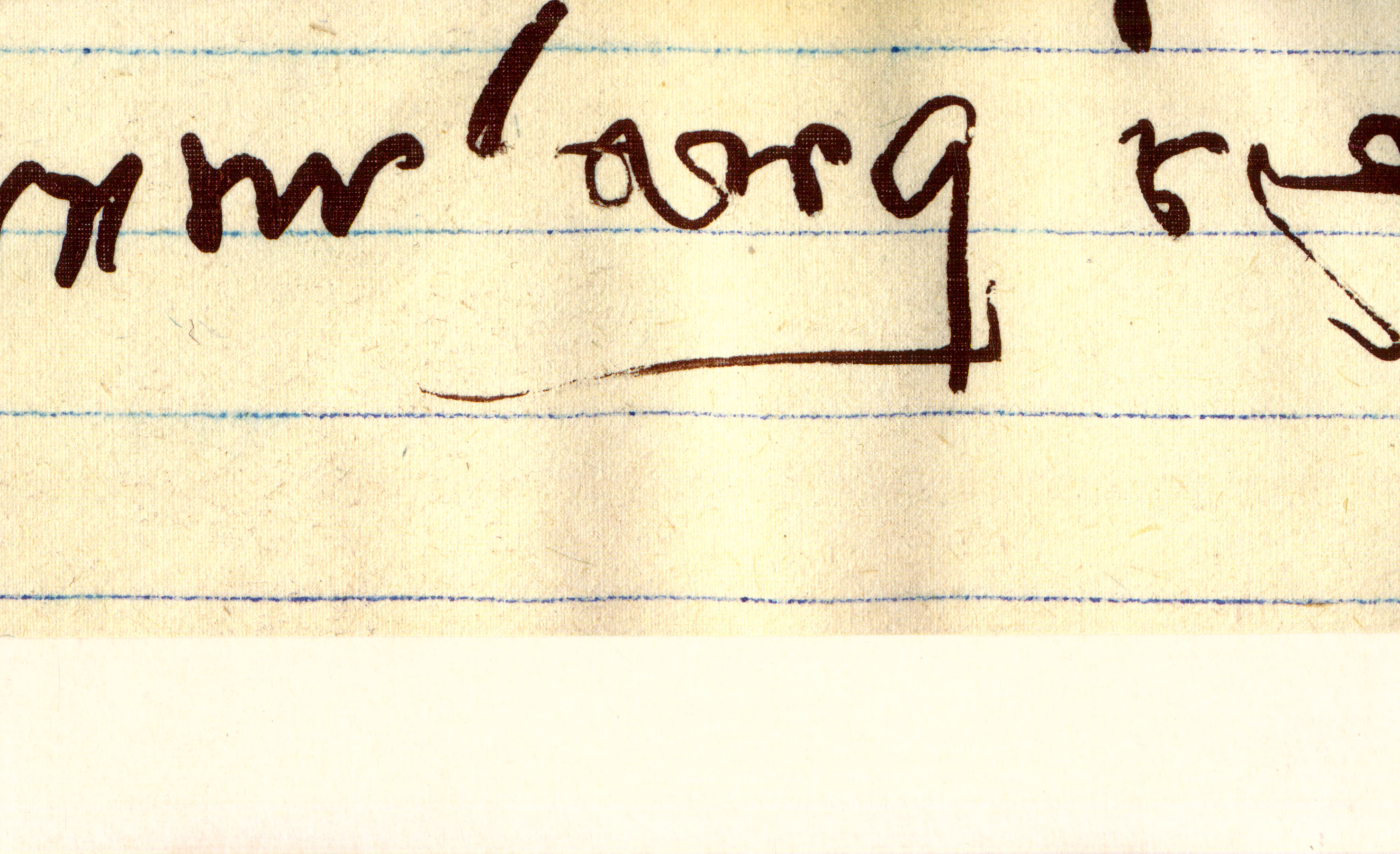
Объединенное гуманитарное издательство
Москва, Средний Кисловский пер., 3, стр. 3
тел.: (095) 229-5548
для заказов e-mail: tirazh@zhurnal.ru

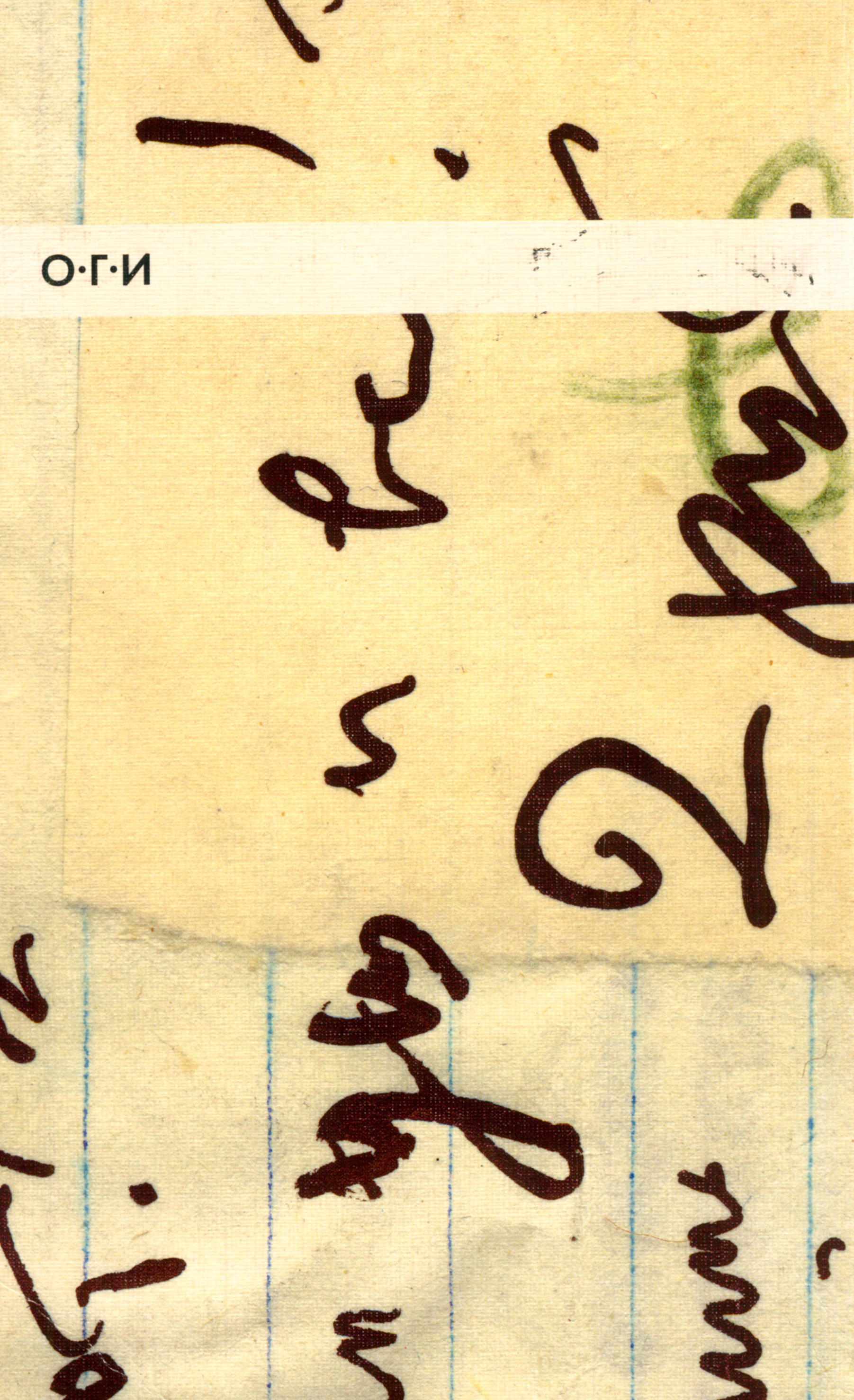
Директор издательских программ Е. Свердлова
Зам. главного редактора М. Шмидт

ЛР № 065416 от 22.09.1997

Подписано в печать 12.02.2002
Формат 60×90 1/16. Гарнитура FuturaBookC. Объем 13 печ. л.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 505

Отпечатано с оригинал-макета в
типографии «Момент»
г. Химки, ул. Нахимова, 2

О·Г·И